

ИНСТИТУТ
ЭКОНОМИКИ

РОССИЙСКОЙ
АКАДЕМИИ НАУК

ИНСТИТУТ ЭКОНОМИКИ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

ВОСПРОИЗВОДСТВО НАЦИОНАЛЬНОГО
ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА
В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНЫХ ВЫЗОВОВ

Москва
2023

ББК 65.240
В 77

Рецензенты:
д.э.н. М.С. Токсанбаева
к.э.н. Н.Ю. Ахапкин

В 77 **Воспроизводство национального человеческого потенциала в условиях глобальных вызовов: Сборник статей** / Отв. ред. И.В. Соболева, Т.В. Чубарова. М.: ИЭ РАН, 2023. – 284 с.

ISBN 978-5-9940-0750-1

В сборнике обоснована точка зрения, согласно которой национальные вызовы для воспроизводства человеческого потенциала являются преломлением глобальных вызовов в специфических условиях конкретной страны и с учетом изменившегося контекста социально-экономического развития. Система вызовов, с которыми сталкивается сегодня воспроизводство человеческого потенциала национальной экономики, рассматривается в разрезе его важнейших звеньев: сферы труда и ключевых отраслей социальной сферы – образования и здравоохранения.

Сборник может представлять интерес для специалистов по проблемам развития социальной сферы и сферы труда, а также для аспирантов и студентов профильных вузов, интересующихся данной проблематикой.

Ключевые слова: человеческий потенциал, глобальные вызовы, национальные вызовы, сфера труда, трудовые отношения, социальная сфера, образование, охрана здоровья.

Классификация JEL: I11, I24, J24, J28, J51, O15.

**Reproduction of the national human potential under global challenges:
Collection of papers** / I.V. Soboleva, T.V. Chubarova (eds).

M.: Institute of Economics RAS, 2023. – 284 p.

The book substantiates the point of view according to which national challenges for human potential reproduction reflect global challenges modified by the specific path dependent context of particular country and the changing context of its socio-economic development. The system of challenges faced by today's Russia in the area of human potential reproduction considered in the book encompasses its crucial areas: the world of work, education and healthcare. The book may be of use to researchers in the areas of social problems and the world of work, as well as to graduate and postgraduate students interested in this issue.

Keywords: human potential, global challenges, national challenges, world of work, labor relations, social sphere, education, health

JEL classification: I11, I24, J24, J28, J51, O15.

ББК 65.240

© Институт экономики РАН, 2023
© Коллектив авторов, 2023
© В.Е. Валериус, дизайн, 2007

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	7
----------------	---

Раздел 1

ВЫЗОВЫ ДЛЯ ВОСПРОИЗВОДСТВА ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА: ПОДХОДЫ К ИССЛЕДОВАНИЮ

Плискевич Н.М.

Вызовы воспроизводству человеческого потенциала в современной России в институциональном и ценностном контекстах.....	12
---	----

Федорова М.Н.

Развитие человеческого потенциала России: необходимость комплексного решения проблем.....	35
--	----

Долматова С.А.

Ключевое звено воспроизводства человеческого потенциала современной России.....	48
--	----

Раздел 2

ВОСПРОИЗВОДСТВО ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА В СФЕРЕ ТРУДА

Кубишин Е.С.

Новые формы нестандартной занятости как вызов российскому рынку труда.....	62
---	----

Седлов А.П.

Трудовая иммиграция в системе воспроизводства человеческого потенциала: специфика и направления анализа.....	96
---	----

Соболева И.В.

Условия труда и субъективное благополучие работающего населения	118
--	-----

Баскакова М.Е.

Особенности участия в процессе непрерывного образования лиц трудоспособного возраста, желающих иметь работу	132
--	-----

Соболев Э.Н.

Субъекты регулирования трудовых отношений: проблемы взаимодействия.....	147
--	-----

Раздел 3
ВОСПРОИЗВОДСТВО ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА:
РОЛЬ СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРЫ

Яковлева Н.Г., Арзумян М.А.

Социально ориентированная модель образования
как фактор развития человеческого потенциала..... 170

Чубарова Т.В.

Обеспечение охраны здоровья населения: современные вызовы
на глобальном уровне 198

Кислицына О.А.

Социально-экономическое неравенство в использовании
медицинских услуг в России: выводы для государственной
политики 219

Бараненкова Т.А.

Тенденции изменения ожидаемой продолжительности
жизни российского населения в условиях новых вызовов..... 232

Шестакова Е.Е.

Активное долголетие и задачи формирования и сохранения
человеческого потенциала лиц старшего возраста..... 250

ВВЕДЕНИЕ

Современный этап общественного развития характеризуется возрастанием роли нематериальных ресурсов, значительная часть которых воплощена непосредственно в людях, как факторов экономического успеха и благополучия населения. В этой ситуации проблема глобальных и национальных вызовов для воспроизводства человеческого потенциала приобретает особую актуальность.

Находясь в русле концепции человекоориентированной экономики, подход с позиций человеческого потенциала интегрирует понимание человека как ключевого экономического ресурса, с одной стороны, и высшей цели общественного развития – с другой. В этом его первое основополагающее преимущество по сравнению с опорой на такие категории, как человеческие ресурсы и человеческий капитал. Подход с позиций человеческого потенциала ставит в центр развитие личности, ее самооценку. Его можно характеризовать как накопленный населением запас физического и нравственного здоровья, общекультурной и профессиональной компетентности, творческой, предпринимательской и гражданской активности, реализуемый в разнообразных сферах деятельности, а также в уровне и структуре потребностей. Исследования состояния и условий воспроизводства национального человеческого потенциала в социально значимых отраслях, возможностей и барьеров для эффективной реализации знаний и навыков в сфере труда весьма важны для

формирования концептуальной базы государственной политики и поддержания национальной конкурентоспособности.

В условиях резко изменившегося контекста, в котором происходит развитие российской экономики, усложнилась система вызовов в сфере воспроизводства человеческого потенциала. К глобальным и национальным вызовам, с которыми Россия столкнулась до пандемии, добавилась новая специфическая группа вызовов, порожденных изменившейся политической и социально-экономической ситуацией. Следует отметить, что деление на глобальные и национальные вызовы довольно условно, так как вторые следует рассматривать, прежде всего, как преломление первых, а специфика конкретной страны проявляется более отчетливо при расстановке приоритетов.

В числе ключевых глобальных вызовов, т. е. тех проблем, которые проявляются не только в России, но и в группе развитых экономик в целом, можно выделить следующие:

1) демографический — обусловлен прежде всего количественными диспропорциями, связанными со старением населения на фоне снижения рождаемости и уменьшения численности трудоспособного населения, проблемами с состоянием здоровья населения, в том числе психического;

2) технологический — связан со стремительностью технологического прогресса, предъявляющего новые требования к знаниям, навыкам и умениям, которые человек должен уметь использовать во всех сферах жизнедеятельности и, прежде всего, в сфере труда, с отмиранием традиционных и возникновением новых профессий и специальностей, увеличением доли нестандартных форм занятости, с повышением важности креативной и творческой составляющих труда;

3) социальный — выводит на первый план проблему обеспечения равенства возможностей, которое подразумевает и возможность реализовать себя, и доступ к необходимым социальным услугам, образованию, здравоохранению, культуре. Обостряется проблема сочетания социальных гарантий и постоянных изменений в экономике;

4) институциональный — это прежде всего вопрос организационной и ресурсной обеспеченности процесса воспроизводства человеческого потенциала (ЧП), напрямую связанный с определением ролей и вклада общественного и личного участия, государства и других институтов (работодатели, НКО), в том числе проблема объема ресурсов, которые общество может выделить на решение задач человеческого развития.

В России все эти вызовы ощущаются в полной мере, но имеют свои особенности. В области демографии в России остро стоят проблемы низкой продолжительности жизни и рождаемости, высокого уровня смертности мужчин и женщин в трудоспособных возрастах и ухудшения состояния здоровья населения. Противоречивый характер носит технологический вызов. В стране сохраняется сырьевая экономика, несмотря на политические заявления, не наблюдается принципиальных изменений ее структуры в сторону развития высокотехнологичных отраслей, так называемое импортозамещение практически не реализовано, проблема низкой производительности труда обсуждается не первый год. Поэтому возникают вопросы, каковы действительные запросы к человеческому потенциалу, если иметь в виду всю экономику, а не ее отдельные высокотехнологичные отрасли, насколько в России развиты глобальные тенденции, предъявляющие новые требования к человеку в сфере труда. Весьма остро стоит социальный вызов. В стране сохраняется глубокое социально-экономическое неравенство, снижается доступность образования, здравоохранения и культуры, возникает структурное неравенство в уровне образования и здоровья, плохо работают социальные лифты и практически отсутствуют равные возможности. Не наблюдаются тенденции к снижению неравенства и какие-либо реальные меры государственной политики в этом направлении. Институциональный вызов характеризуется серьезной недофинансированностью социально значимых отраслей за счет государства и ростом финансирования за счет личных средств домохозяйств. В этих

условиях важно определить, как будет распределяться ответственность за воспроизводство человеческого потенциала между различными акторами.

В сборнике система вызовов, с которыми сталкивается сегодня воспроизводство человеческого потенциала национальной экономики, рассматривается в разрезе важнейших звеньев, ответственных за него: сферы труда и ключевых отраслей социальной сферы — образования и здравоохранения.

Раздел 1

ВЫЗОВЫ
ДЛЯ ВОСПРОИЗВОДСТВА
ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО
ПОТЕНЦИАЛА:
ПОДХОДЫ К ИССЛЕДОВАНИЮ

Н.М. Плискевич

старший научный сотрудник, ИЭ РАН

ВЫЗОВЫ ВОСПРОИЗВОДСТВУ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ В ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОМ И ЦЕННОСТНОМ КОНТЕКСТАХ

Вызовы, которые ставит перед человеческим потенциалом новый этап научно-технического прогресса, рассматриваются во взаимопереплетении его развития с формированием ценностной и институциональной структуры общества. Отмечается, что этот процесс двусторонний: и человек меняется под воздействием новой, непривычной для него технологической и институциональной среды, и сама эта среда формируется человеком, а значит, ее качество будет зависеть от достигнутого уровня человеческого потенциала общества. Показано, что стратегическая устойчивость общества зависит от степени соответствия уровню технологического развития качества культурно-психологической регуляции идущих в обществе процессов.

Ключевые слова: человеческий потенциал, институциональная структура общества, ценностная структура общества, закон техно-гуманитарного баланса, стабильность общества.

Человеческий потенциал каждой личности, т.е. совокупность ее знаний, компетенций в различных областях, культурный багаж, особенности ценностных ориентаций и т.п., формируется в той среде, которая ее окружает, зависит от той социальной атмосферы, в которую она погружена. Поэтому, анализируя вызовы, объективно и субъективно встающие и перед самими носителями человеческого потенциала (ЧП), и перед теми, кто призван обществом способствовать его формированию в направлении, ориентированном на процессы ускорения социально-экономического развития, важно исходить из того, какие проблемы и ограничения ставит этим процессам сама среда как в глобальном масштабе, так и в масштабах страны, региона, наконец, семьи. Особенно

важно, как показала история человечества, видеть тренды, направленные на синхронизацию хода научно-технического прогресса и появления соответствующих ему новых черт ЧП. Именно такая синхронизация способствует достижению стратегической стабильности общества.

В то же время нельзя упускать из вида и неизбежное, особенно при революционных научно-технологических прорывах, отставание как носителей ЧП массового типа от предъявляемых им требований, так и опирающихся на этот массовый слой социально-политических сил. Обычно эти силы опасаются таких изменений, и потому пытаются блокировать или хотя бы затормозить их, способствуя формированию соответствующих их интересам качеств массового ЧП. При всех выдвигаемых при этом аргументах о достижении тактической стабильности в каждый конкретный момент подобная политика нередко чревата усугублением стратегической нестабильности. В такой ситуации особенно важно при изучении вызовов, которые в каждый исторический период встают перед процессами формирования ЧП, рассматривать их в общем контексте научно-технических, социально-экономических и социально-культурных изменений.

Новый этап научно-технического прогресса и новый вызов человеческому потенциалу

XXI в. принес качественно новые изменения в процесс научно-технического развития общества. Ускорившиеся процессы научно-технических преобразований ставят перед человечеством все новые и новые задачи. Человек оказывается в новой, во многом непривычной для него технологической, экономической, социальной, культурной среде, которая требует существенных усилий для приспособления к ней. Причем важно, что процесс этот — обоюдный. С одной стороны, изменения внешней среды выдвигают свои требования к человеку, вынуждая его приспособляться к новым условиям, а с другой — эти внешние условия формируются самим человеком. И само качество этих внешних условий —

и технологий, которые способно изобрести и освоить то или иное общество, и институтов как важнейшего фактора успешности развития — прямо зависят от качества ЧП членов этого общества как совокупности имеющихся знаний, навыков, компетенций, ценностных предпочтений и в целом общегуманитарного уровня развития. По сути именно с этим связано лидерство того или иного общества в научно-технической гонке или обусловлена его способность к эффективному освоению заимствуемых у соседей прорывных технологий, вписыванию их в сложившиеся в данном обществе социально-экономические условия.

Этот процесс восприятия передовых достижений в современном глобальном мире играет важную роль. Изучая опыт предшествующего развития, как отмечают К. Бруланд и Д.Ч. Моуэри, яснее понимаешь «насколько сильно использование технологий зависит от ресурса знаний. И для того, чтобы внедрить технологии, взятые вовне, и для того, чтобы извлечь из них выгоду, потенциальный пользователь уже должен находиться на высоком уровне развития знаний». При этом «институты, связанные с производством знаний, составляют необходимую предпосылку и для развития новых технологий, и для их использования... Общее правило гласит, что успехов добивались те страны, которым удалось выстроить и укрепить такого рода потенциал и институты. Государства, которым этого не удалось сделать, терпели неудачу» [б. С. 158, 162].

Усложнение внешней среды объективно диктует требования адекватного усложнения ЧП. Причем необходимость такого усложнения встает перед людьми, находящимися на самых разных ступенях и экономической, и общественной иерархии. Это касается представителей не только элитных слоев, которые имеют возможность в максимальной степени воздействовать на качество экономических, политических, социальных и других отношений, складывающихся в обществе, конструирующих формальные институты, генерирующих новые научно-технические идеи, но и широких общественных слоев. От качества ЧП последних, начиная от

инструментальных знаний, требуемых для реализации возможностей, которые открываются на новом витке научно-технического прогресса, и заканчивая общегуманитарной культурной основой, на которую накладываются эти знания, от особенностей господствующей в данном обществе системы ценностей в итоге зависит успех человека в современном мире.

На первых этапах научно-технической революции акцент делался на средствах активизации инновационной деятельности и, соответственно, инноваторах (вспомним хотя бы Ф. Перру, писавшего о том, что для наиболее успешного развития нужны узловые зоны, из которых затем распространяются импульсы роста, или Р. Флориду с идеями креативных центров концентрации высокотехнологичных производств [44; 36]). Однако постоянно возрастающая сложность и в технологической сфере, и в системе социально-экономических отношений заставила серьезно скорректировать позиции. На передний план выступают проблемы развития личности, богатства культурного контекста, в который она погружена, и возможностей формирования ЧП каждого. Д. Норт отмечает, что «чем больше возможностей для разнообразных экспериментов и творческой конкуренции, тем больше шансов на успешное выживание имеет общество» [24. С. 61]. При этом он особо подчеркивает важность сочетания и взаимопонимания носителей ЧП разного уровня, выполняющих в экономике как едином организме разные функции: «Специализированные знания приобретают высокую ценность лишь в том случае, когда их можно интегрировать со вспомогательными знаниями ценой небольших затрат» [там же. С. 173].

А Э. Тоффлер особо выделил ту новизну в формировании ЧП, которая возникает и все более ярко проявляется в постиндустриальном обществе с его быстрыми изменениями в производственных процессах. Они требуют и соответствующей скорости изменений в образовательной подготовке людей, равно как и в системе их переподготовки, ибо может

случиться так, что «к тому времени, когда человек овладеет новыми умениями, требования экономики могут снова измениться... безработица в наукоемких экономиках отличается от безработицы в «конвейерных» экономиках: она носит структурный характер» [32. С. 548]. В такой ситуации, добавляет Тоффлер, возникает ситуация, кризисная и для развития новой экономики, и для носителей ЧП, не успевающих за изменением новых требований. Может оказаться невозможным решить проблему одного миллиона безработных – носителей устаревшего ЧП при создании даже пяти миллионов новых рабочих мест, если они требуют работников иного типа.

Социальные кризисы как вызов человеческому потенциалу

Эти идеи высказывались Э Тоффлером в конце XX – самом начале XXI в. А в 2011 г. вышла книга Г. Стэндинга «Прекариат: новый опасный класс», получившая существенный отклик и широкое обсуждение в научных кругах (русский перевод появился в 2014 г.) [46; 31]. В ней анализировался новый социальный феномен – нарастание неопределенности, неустойчивости положения широких слоев людей, ныне входящих в средний класс современного западного общества, в связи с перспективами резких качественных изменений в спросе на рабочую силу на лишь формирующемся новом рынке труда¹.

Правда, эти изменения пока оказались не такими катастрофическими, как виделось исследователям на рубеже веков. Например, расчеты Р.И. Капелюшникова 2010-х гг. показывают, что пока представители традиционных массовых специальностей чувствуют себя достаточно уверенно. Он пишет, что и экономическая теория, и экономическая история «учат, что сценарий сверхвысокой технологической

1. Отмечу, что понятие «прекариат» и само это явление отметил еще П. Бурдьё, давший ему название в результате сочетания двух слов «precarious» – «неустойчивый, нестабильный» и «proletariat» – «пролетариат» [41].

безработицы практически невероятен. Во всяком случае все предшествующие эпизоды с резким ускорением темпов роста производительности труда сопровождались не уменьшением, а увеличением числа рабочих мест» [17. С. 23] (см. также: [16]). В то же время нельзя просто игнорировать и опасности для носителей ЧП традиционных массовых профессий, о которых предупреждал Э. Тоффлер. Ведь он подчеркивал и фактор увеличения числа рабочих мест, и то, что новые места не могут занять люди с ЧП, основанным на старых компетенциях.

Не будем абстрагироваться и от того, что мы находимся лишь на пороге новой технологической эпохи, связанной как с массовым переходом к роботизации, так и с развитием технологий искусственного интеллекта. Технологическому прогрессу присущи скачкообразные изменения. И за замедлением процессов, отмечаемых сегодня, возможно их резкое ускорение даже в обозримом будущем. К этим изменениям должны готовиться и государственные социальные службы, и сами носители ЧП, жизненный успех которых во многих случаях будет зависеть от того, насколько они окажутся подготовленными к грядущим переменам, тем более что эти опасения касаются прежде всего структуры занятости, способности работников, потерявших прежнюю сферу приложения своего ЧП, быстро перестроиться в соответствии с новыми требованиями. Отчасти эту коллизию как социальную пытаются разрешить в рамках концепции «базового дохода». Он позволяет лишившимся дохода в виде заработной платы, не теряя источника существования, переключиться на иные виды деятельности — волонтерство, работу в благотворительных организациях или же повышение качества своего ЧП, посвящая время, освободившееся от работы по найму, образованию, разным сферам культурного и творческого досуга. Об этом, в частности, пишет и Г. Стэндинг [47]. Однако в данном случае нельзя не признать, что все это связано и с потерей части накопленного в предшествующий период ЧП. И для многих, оказавшихся в такой ситуации, сам факт частичного обесценения накопленных ими знаний, умений, компе-

тензий может оказаться травматичным в психологическом плане, даже если с помощью базового дохода они решат свои материальные проблемы.

Тема прекариата, хотя и возникшая в качественно иных, нежели в России, институциональных условиях, соответственно не вписывавшихся в традиционные неолиберальные концепции, тем не менее нашла в нашей стране широкий отклик². Представляется, это произошло потому, что описываемые Стэндингом процессы массового обесценения ЧП и связанных с этим лишений привычных средств существования, обострения чувства неуверенности в завтрашнем дне оказались родственными проходившим в России в период постсоциалистической трансформации процессам. Они, в частности, выразились в резком падении уровня жизни большинства населения, росте неравенства и во многих случаях в невозможности применения своего ЧП, особенно высокого качества. Однако причины этих процессов были не технологического, а институционального свойства, так как в периоды слома институциональной системы, перехода к качественно новому ее состоянию нормальная передача норм и ценностей, составляющая важную часть и самого ЧП, и основу тех институтов, с помощью которых он может реализовываться, становится крайне затруднительной, если вообще возможной. Это обусловлено тем, что «происходят разрывы культурного и социального воспроизводства, дефицита регуляции», ведущие за собой «нарастающую девальвацию культивируемых ранее форм социального поведения», «варваризацию» высших уровней нового общества» [10. С. 10]. А Е.В. Балацкий даже полагает, что при задержке появления новых институтов взамен старых мы имеем не только

-
2. Уже к рубежу 1990–2000-х гг. отмечалась тенденция быстрого возвращения вновь создаваемой институциональной системы страны к традиционным для нее принципам «власти–собственности», предполагающим зависимость системы собственности от властных структур (см., например [25]). Эта специфика описывается и как основа рентоориентированной экономики [35], и как особая институциональная матрица – X-матрица у С.Г. Кириной [18] или матрица Московии [37]. Есть варианты конструкций как сочетания раздаточной и рыночной экономики [4], а также противопоставления «силовой» и «правовой» матриц [12].

слом старой институциональной системы, но и «списание» соответствующего ей старого ЧП, так как для нового института необходим новый ЧП [2].

Все эти процессы способствовали тому, что тема прекариата применительно к анализу социальных проблем России получила достаточно широкое развитие (см., например, [5; 8; 9; 22; 38]). А Ж.Т. Тощенко посвятил этой теме специальную монографию [33]. Важно при этом то, что у него тема прекариата объединена с темой травмы российского общества, связанной с постсоциалистической трансформацией³. Причем сама неоднозначность, разноплановость, болезненность происходящих в постсоциалистических странах изменений, фиксируемая многими исследователями, у П. Штомпки обрели форму травмы как социальной трансформации, в основе которой лежат длительные непредвиденные процессы, отчасти неопределяемые, имеющие непредсказуемый финал, возникающие вследствие как действий реформаторов, так и последствий более ранних фаз развития [39].

Ж.Т. Тощенко развил идеи о социальной травме прежде всего на основе российского материала и пришел к выводу, что накопленные деформации в социальном развитии, связанные как с научно-техническими глобальными трансформациями, так и с постсоциалистическими преобразованиями, в российской ситуации позволяют говорить не просто о ряде травмирующих эффектов от самого хода развития, а о складывании особого общества травмы. Этот тезис, сформулированный им в книге о прекариате, затем был более подробно разработан в его следующей монографии, где он фиксирует, что Россия «олицетворяет собой травмированное общество, которому присущи взаимоисключающие ориентации и установки». С его точки зрения, «путь, по которому продвигается современная Россия, следует назвать путем, обусловленным социальной травмой в ее развитии» [34. С. 11].

3. Первоначально термин «травма», трактуемый в медицине не только как физическое увечье, но и как эмоциональный шок, стал использоваться в западной литературе при анализе форм депрессий, порождаемых кризисными явлениями в обществе (см., например [42]).

Эту тему воспринял Н.И. Лапин, исследовавший проходящие в России модернизационные изменения и в своей последней монографии предложивший комплексный антропосоциокультурный подход к их анализу. С его точки зрения, в России «возникла *глубоко противоречивая* культура населения: *цивилизационно-собирающая*, но одновременно *рутинно-симбиозная*; в итоге – *симбиозно-травмогенная*. Исторически следствиями этих противоречий стали как *антропосоциокультурные травмы-беды* русского, а затем многонационального российского народа, так и *антропосоциокультурные подъемы его консолидации* в условиях опасности для его независимого существования. Травмогенность рутинной, собирающе-симбиозной культуры приобрела *регулярный характер*, стала способом сохранения власти-благополучия правящих элит» [19. С. 112].

К истории анализа темы социальной травмы, думается, стоит добавить и заочную полемику между американским социологом Дж. Александером и одним из основоположников современной отечественной социологии А.Г. Здравомысловым. Александер в главе своей книги, названной «Культурная травма и коллективная идентичность», отмечает, что травма возникает тогда, когда члены некоего сообщества осознают, «что их заставили пережить какое-то ужасающее событие, которое оставляет неизгладимые следы в их групповом сознании, навсегда отпечатывается в их памяти и коренным и необратимым образом меняет их будущую идентичность» [1. С. 255]. Однако впоследствии нередко не само это событие, а его *интерпретация* начинает играть все большую роль [там же]. Здравомыслов возражает против, по его мнению, преувеличенного значения последующей интерпретации травмирующего события как важного компонента формирования культурной травмы. Важно само событие, потому внимание должно акцентироваться на ответственности людей за травмы, нанесенные другим [13. С. 214].

Однако представляется, что в случае травм, берущих свое начало в десятилетних и даже столетних ретроспекти-

вах, как раз интерпретации часто выступают на передний план. Ведь общественная атмосфера, в которой складываются представления, в совокупности своей учитывающие и последствия некогда пережитой обществом травмы, может обретать разные акценты. Это либо стремление к смягчению ее последствий и устремлению к новым рубежам развития, либо «растравливание» старых ран и концентрация энергии на способах «отомстить обидчику», хотя за давностью времен представления и об обиде, и об обидчике, по сути, теряют свою остроту. Но именно интерпретации травм как социокультурный феномен нередко оказываются живыми компонентами повседневности, факторами реальной социально-политической жизни: «Именно с помощью построения культурных травм социальные группы, национальные сообщества, а иногда даже целые цивилизации не только устанавливают на сознательном уровне наличие и источник человеческих страданий, но и принимают на себя существенную ответственность за них» [1. С. 256]. Либо, добавлю, находят иного ответственного за давние события и формируют соответствующую политику. Все это также важно учитывать в процессе формирования ЧП, особенно в образовательной сфере, где крайне важно избегать построения разного рода мифологических конструкций, по сути блокирующих созидательную энергию общества.

Такой подход к специфике российского общества и главное — к особенностям массового сознания людей, его формирующих, а значит, и к специфике их ЧП, и к тем вызовам, которые ставит на путях его складывания сама окружающая реальность как в ее современном проявлении, так и в исторических корнях, как представляется, должен быть учтен при разработке мер, направленных на смягчение влияния травмирующих факторов на ЧП, особенно новых поколений. С его учетом становится, в частности, понятно, почему Россия не только в 1990-х гг., но и в благополучных с экономической точки зрения годах начала нового столетия, при сопоставительных межстрановых ценностных исследованиях, как пока-

зали Р. Инглхарт и К. Вельцель, постоянно находится среди стран, в наибольшей степени приверженных ценностям выживания (см, например, [15. С. 99; 14. С. 69]. А это важно при анализе ценностных установок, составляющих часть ЧП, ибо нацеленность на выживание в ущерб саморазвитию свидетельствует о проблемах в его формировании⁴.

Специфика российского социально-экономического развития как фактор формирования человеческого потенциала

Сложность российской ситуации усугубляется еще и тем, что на протяжении своей истории страна пережила несколько модернизационных рывков мобилизационного типа. Специфика такого варианта развития состоит в том, что вместо эволюционного развития и технологического, и социокультурного его компонентов акцент делается на форсированном ускорении развития технологического компонента с пренебрежением комплексным развитием компонента социокультурного — важнейшей части формирования ЧП. Из последнего внимание уделяется лишь инструментальным знаниям, необходимым для работы с новыми технологиями, а также некоторым организационным аспектам функционирования новых производств и необходимых для этого заимствованных институтов.

Однако при этом развиваются два процесса. Прежде всего недоразвитость не может не сказаться и на нормальном функционировании инструментальных компонентов, а также новых институтов. В результате технические новации оказываются не только неспособными дать полную отдачу

4. Интересно, что Р. Инглхарт в своем исследовании дает траекторию ценностного движения некоторых стран от начальной точки (конец 1980 — начало 1990-х гг.) к 2014 г. В большинстве случаев он отмечает траекторию движения от ценностей выживания к ценностям самовыражения. Но Россия просто делает резкий зигзаг от дореформенного периода (когда она была почти в лидерах по ценностям выживания) к 1990-м гг. (рост фактора выживания в это время) с последующим возвращением к показателям практически исходным. Правда, он отмечает, что у молодого поколения ценности самовыражения проявляются значительно сильнее и «постепенно становятся во главе угла» [14. С. 90].

от самого факта своего внедрения, но и само это внедрение под воздействием социокультурных ограничений происходит с искажениями, которые приводят не только к институциональным ловушкам как неэффективной самоподдерживающейся норме [27], но и к формированию институциональных рубцов как устойчивой деформации институциональной системы, под воздействием институтов, имплантированных в ходе мобилизационного рывка из иной системы с целью активизации технологической и экономической деятельности в выбранных реформаторами областях [26].

Важно, что в такой ситуации нарушается ключевой принцип построения социально-экономической институциональной системы — согласованности всех ее компонентов: технологических, институциональных, культурных⁵ [2]. Ситуация рассогласованности по сути своей внутренне нестабильна. И люди, проводящие модернизационные преобразования в не готовой для них социокультурной среде, пытаются опереться на наиболее привычные им в управлении в этой среде элементы, укрепляя их в том числе и с помощью подходящих для этого инструментов, заимствованных у сообществ, которые стали донорами новых технологий и организационных форм. К таковым в России, например, можно отнести внедренные в ходе петровских преобразований формы бюрократии. Такая политика способствует решению тактических задач стабилизации общества. Однако в то же время она вступает в противоречие со стратегическими задачами стабильности в развивающемся обществе, так как упор делается на консервации социокультурных принципов, выработанных на предшествующих этапах развития и все более отстающих от новых технологических и социально-экономических запро-

5. Отмечу, что этот принцип был подвергнут проверке с помощью эконометрических моделей. Входными переменными являлись технологии, институты и культура, квантифицированные через прокси-переменные производительности труда и индексы Doing Business и Corruption Perceptions Index, а выходной переменной — темпы роста ВВП (выборка из 154 стран). Согласно проведенным расчетам, принцип согласованности верифицировался для группы богатых стран с доходами населения выше среднего и не подтвержден для группы бедных стран с доходами населения ниже среднего [40].

сов, что сказывается на качественных характеристиках ЧП, особенно массового.

При переходе к новой фазе научно-технического прогресса важно, чтобы общество, входящее в этап научно-технических и органичных для них институциональных изменений, соответствовало требованиям закономерностей техно-гуманитарного баланса. Еще в 1990 г. это как закон соблюдения в истории человечества зависимости между тремя переменными — технологическим потенциалом, качеством культурно-психологической регуляции и устойчивостью общества — сформулировал А.П. Назаретян. Для внутренней устойчивости общества важно развитие общегуманитарной культуры его членов, т.е. качество ЧП членов конкретного сообщества в данный момент времени и, соответственно, осознание тех вызовов, которые диктует время формирующим этот потенциал. Следование принципам данного закона не только способствует духовному развитию членов общества, но и оберегает его от опасности недалековидного использования новых технологических возможностей, ложного представления о своем «всемогуществе». И наоборот, пренебрежение связями, обусловленными этим законом, подрывает внутреннюю устойчивость общества (см., например [23]).

Однако в случае обществ, в истории которых неоднократно происходили модернизационные рывки мобилизационного типа, ситуация в социокультурной сфере, а значит — в сфере формирования ЧП, осложняется внутренним конфликтом заложенного в нее противоречия. Это противоречие между стратегической стабильностью как элементом согласованности всех компонентов развития и стабильностью тактической, направленной на удержание текущей ситуации с опорой на традиционалистские социокультурные методики, причем привычные не только для подавляющего большинства населения, но и для многих представителей властных элит. Такая ситуация оказывается особо опасной на новом этапе научно-технического прогресса, которому присуща опора на развитие качественно иных социокультурных связей горизон-

тального типа, часто входящих в противоречие с попытками стабилизации общества на основе привычных по прошлому опыту вертикальных связей.

И сегодня, говоря о вызовах, стоящих перед ЧП России, нельзя не вспомнить и о том, что предпринятый в советский период истории страны мобилизационный рывок, хотя и сопровождался значительными культурными изменениями, даже названными «культурной революцией», все же в социокультурной сфере не был завершен, ибо прежде всего был нацелен на скорейшее освоение массами населения тех компетенций, которые были необходимы для ускоренного формирования промышленного потенциала в преимущественно аграрной стране. Это, в частности, ярко показал А.Г. Вишневский в своей известной монографии «Серп и рубль. Консервативная модернизация в СССР». Сказанное весьма выразительно демонстрируют даже названия глав этой книги, посвященных незавершенности промышленной революции в стране и относящихся к проблемам, которые она поставила перед ее ЧП: «Городская революция: бурги без буржуа»; «Демографическая и семейная революции: демографическая свобода в несвободном обществе»; «Культурная революция: соборный человек с университетским дипломом»; «Политическая революция: маргиналы у власти» [7]. Такой путь модернизации для страны, в которой ЧП массы населения не поспевает за технологическими потребностями развивающегося мира, Вишневский признавал закономерным и предвидел уже в 1990-е гг. процессы «торможения модернизации, а в худшем случае, ее приостановление, сопровождающееся жесткой антимодернизационной реакцией», не исключая «даже крайнего варианта развития событий: прихода к власти традиционалистских элит и полной смены стратегии: стопроцентной “деколонизации” ценой отказа от модернизации и вообще всех “западных” ценностей, возврата в прошлое, закрытости и пр.» [7. С. 414].

Хотя более вероятным он видел такой же путь консервативной модернизации с комбинацией различных стратегий

прагматического инструментального модернизма с каким-либо вариантом идеологического фундаментализма и опирающегося на него политического авторитаризма [7]. В ходе этого эволюционного процесса важную роль он отводил развитию и совершенствованию ЧП населения, формированию в основе его тех ценностных предпочтений, которые характерны для среднего класса развитых стран, существенного повышения в них стремления к совершенствованию, саморазвитию, основанных прежде всего на глубоких знаниях не только в профессиональной, но и в общекультурной, морально-этической сфере в ущерб архаичным представлениям о некоей «соборности». Они идут от традиций аграрного общества (не путать их с коллективизмом-сотрудничеством, основанном на доверии в обществах с преобладанием горизонтальных связей сетевого типа). Этот процесс труден и может сопровождаться «осознанием эгоистических индивидуалистических интересов отдельно взятого “буржуа”, а не общих коллективных интересов всего этого слоя» [там же. С. 420]. Однако российское общество, ЧП его наиболее активной части развивается и, по мнению Вишневого, в итоге он приходит к осознанию, что непрерывная борьба всех против всех опасна для всех. И потому, говоря о будущем России, Вишневский делал ставку на «коллективный *интерес* среднего класса»⁶ [там же. С. 421]. Анализ Вишневого напоминает нам и о тех дополнительных сложностях, которые российскому обществу предстоит пережить, чтобы ЧП достаточно массовых его слоев включал в себя ценности, соответствующие современному этапу технологического и социального развития, т.е. приблизиться к тому «принципу соответствия», о котором пишут институционалисты.

Нельзя не отметить, что 2000-е гг., согласно данным Европейского социального исследования (ESS), стали для России годами существенных изменений в ценностных ори-

6. В то же время нельзя забывать и о «коллективном интересе» входящих в слой «промежуточных выгодоприобретателей» [43] в специфической институциональной конструкции «власти—собственности».

ентациях, причем именно в направлении, которое предсказывал А.Г. Вишнеvский. В.С. Магун и М.Г. Руднев, используя данные ESS⁷, проводимого в XXI в. в более чем 20 странах (Россия включилась в него в 2006 г.), выделили в каждой из участвующих стран группы людей с разной ценностной ориентацией, представляющие различные комбинации компонентов применяемой ценностной шкалы (альтернативные тенденции стремлений к ценностным полюсам «Сохранение – Открытость изменениям» и «Самоутверждение – Забота о людях и природе»). Сочетание разных пропорций этих компонентов позволило к концу 2010-х гг. Магуну и Рудневу выделить пять ценностных типов среди европейцев (в 2010 г. ими выделялись четыре [20]). Важно, что представители всех этих типов присутствуют в каждой стране. Причем лица, относящиеся к одному и тому же типу, оказываются по своим ценностным ориентациям ближе к представителям аналогичного типа из другой страны, нежели к своим соотечественникам из другого ценностного типа. В результате исследования на шкале Ш. Шварца была выстроена «европейская ценностная диагональ», включающая до 80% населения Европы и ориентированная к полюсам социальной и индивидуалистической ориентации [21]. При этом важно, что общество России за годы исследования, вопреки сложившимся стереотипам восприятия его как социально ориентированного, все более смещается в сторону индивидуалистического полюса диагонали. Так, если в 2006 г. соотношение носителей индивидуалистических и социальных ценностей составляло 45 к 49%, то данные 2018 г. показывают качественное изменение этого соотношения – 54 к 38%. Причем в 2018 г. Россия оказалась в пятерке лидеров по сумме сильных и слабых индивидуалистических ориентаций (совместно с Чехией, Венгрией, Словакией и Литвой) и лидером среди стран с сильной индивидуалистической ориентацией (30%) [там же. С. 340].

7. В исследовании использовалась модификация портретного ценностного опросника Ш. Шварца (см.: [45]).

Делая вывод из этой констатации, Магун и Руднев отмечают противоречие между реальными тенденциями и «пропагандистскими идеологемами, приписывающими россиянам особую склонность к бескорыстному альтруизму, коллективизму, “соборности”» [там же. С. 353]. В то же время они подчеркивают прогрессивный характер роста индивидуалистических ориентаций как некоего шага в направлении формирования еще одной ценностной группы, выделенной в базе ESS и названной ими «Ценностями Роста». Для представителей этого типа характерно тяготение к таким ценностям полюсам шкалы Шварца, как «Открытость изменениям» и «Забота о людях и природе». В наиболее развитых европейских странах преобладает именно эта ценностная группа (от 54 до 35%) [там же. С. 340]. Однако тут вряд ли можно разделить оптимизм данных авторов. Ведь само по себе усиление ценностей индивидуализма совсем не означает открытия дороги к экономическому росту, особенно в институциональных условиях системы «власти—собственности» и преобладания источников дохода рентного типа, ориентирующих прежде всего властные структуры и связанных с ними лиц не на развитие, а на перераспределение рентного дохода. И здесь стоит вспомнить предупреждение А.Г. Вишневого о том, что, особенно на первых этапах реформ, индивидуализм склонен к сугубо эгоистическим проявлениям (о том же в 1990-е гг. писал Г.Г. Дилигенский, характеризуя отечественный индивидуализм как преимущественно агрессивно-адаптационный [11]). Впрочем, это отнюдь не специфическая российская черта. Еще в 1950-х гг. И. Берлин разделял понятия негативной свободы («свободы от...»), когда просто никто не вмешивается в то, что я делаю, и позитивной свободы («свободы для...») — как желания быть хозяином самому себе, быть субъектом, а не объектом идущих процессов, сознательно подчиняясь силам природы или другим людям во имя общей цели [3].

По сути, процессы изживания ценностных представлений, связанных с негативной свободой, и выработки

черт, присущих свободе позитивной, происходят и сегодня в разных слоях населения даже наиболее развитых стран, о чем, в частности, свидетельствуют и построенная Магуном и Рудневым «европейская ценностная диагональ», и выявленная ими группа носителей «Ценностей Роста». Нельзя сказать, что такие процессы не происходят в России, хотя и крайне медленно. По данным Магуна и Руднева, с 2006 по 2018 гг. доля носителей «Ценностей Роста» у нас выросла с 4 до 8%, т.е. по этому показателю мы сравнивались тогда с Польшей и Чехией [21. С. 340, 348]. Но очевидно, что данная ценностная проблема входит в круг наиболее серьезных вызовов, стоящих сегодня перед формированием ЧП российского общества. Причем комплексный характер этого вызова свидетельствует о том, что решение вставших в этом плане перед страной проблем не может ограничиваться рамками социальной политики, усилиями в сферах культуры, образования и воспитания.

Речь должна идти о глубоких преобразованиях и в социально-экономической, и в институциональной структурах российского общества, преодолении стереотипов, выработанных на предшествующих этапах технологического развития, достижении нового стратегического баланса между технологическим потенциалом и культурно-психологическими регуляторами жизни общества. На элементы достижения такого баланса указывают как раз выявленные в ходе ESS Ценности Роста с их сочетанием стремления к Открытости изменениям с одновременной приверженностью ценностям Заботы о людях и природе. Тот же путь развития представляется магистральным и В.М. Полтеровичу – стороннику формирования институтов сотрудничества как важнейшей черты мирового развития (см., например, [28; 30]). При этом он считает важным при разработке теории сотрудничества объединение усилий экономистов, социологов, философов, чтобы при объяснении тенденций социально-экономического развития учитывать в наибольшей полноте «взаимовлияние институтов, гражданской культуры, технического прогресса и уровня благосостояния» [29. С. 23–24].

Можно добавить, что проблема развития ЧП, вызовов, стоящих сегодня перед этим процессом, является одной из ключевых, ибо от качества ЧП зависит и качество соответствия ЧП институциональным требованиям в новых технологических условиях (да и качество самих институтов во многом зависит от ЧП людей, их формирующих). От него зависят и возможности достижения стратегической безопасности в обществе в противовес стабильности тактической, которая направлена на решение сиюминутных проблем, причем часто с помощью способов, входящих в противоречие с требованиями новой реальности, а потому подрывающих стабильность стратегическую.

Поэтому столь важно адекватно отвечать на фиксируемые сегодня вызовы новой реальности, стоящие и перед наличным ЧП, и перед проблемами формирования ЧП будущего российского общества. Многогранность и комплексность стоящих в этой сфере задач свидетельствует о том, что их невозможно решить в рамках сугубо социальной политики. Необходим более широкий подход, охватывающий и серьезные требования к реформированию институциональной структуры общества, целенаправленному воздействию как на корректировку ныне действующих формальных институтов, так и на продуманную длительную работу, нацеленную на создание условий для эволюции неформальных институтов. Они должны включать не только поощрение норм и правил, благоприятно воздействующих на качество ЧП, но и жесткие санкции по отношению к нормам и практикам, действующим в противоположном направлении.

Без такого комплексного подхода, по сути, означающего движение в направлении подлинно социального государства, невозможно дать адекватный ответ на многие из тех вызовов, которые стоят сегодня перед ЧП. Например, проблема внутренней и внешней миграции в России как проблема «утечки мозгов» как из отдельных регионов, так и из страны в целом связана и с локализацией рабочих мест и мест жительства населения, и с неразвитостью системы комму-

никаций, и с преодолением неравенства жителей разных территорий в доступе к системам здравоохранения, образования, культуры и т.п. Это неравенство видно, даже если речь идет о населенных пунктах, расположенных в Центральном федеральном округе. Неудовлетворенность качеством жизни становится важным мотивом при принятии решения о внешней миграции, от которой страна страдает уже многие годы, теряя носителей наиболее качественного ЧП.

Поэтому не только социальная, но и вся политика государства должна быть ориентирована на достижение техногуманитарного баланса в обществе, вступившем в новую эпоху экономики знаний. Важнейшим компонентом этого баланса является соответствие качества ЧП новым условиям. Результатом же успешности такой политики может стать достижение стратегической стабильности, которая необходима для поступательного эволюционного развития, охватывающего все стороны экономической, социальной, культурной и политической жизни.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Александр Дж.* Смыслы социальной жизни: культурсоциология. М.: Праксис, 2013.
2. *Балацкий Е.В.* Принцип согласованности в теории социального развития // Terra Economicus. 2021. Т. 19. № 1. С. 36–52.
3. *Берлин И.* Два понимания свободы // Берлин И. Философия свободы. Европа. М.: Новое литературное обозрение, 2014. С. 122–185.
4. *Бессонова О.Э.* Образ будущего России и код цивилизационного развития. Новосибирск: ИЭиОПП СО РАН, 2007.
5. *Бузгалин А.В., Колганов А.И.* Трансформация социальной структуры позднего капитализма: от пролетариата и буржуазии к прекариату и креативному классу // Социологические исследования. 2019. № 1. С. 18–28.
6. *Бруланд К., Моуэри Д.Ч.* Технологии и распространение капитализма // Кембриджская история капитализма. В 2 т. Т. 2. М.: Новое литературное обозрение, 2021. С. 127–182.

7. *Вишневский А.Г.* Серп и рубль. Консервативная модернизация в СССР. М.: ОГИ, 1998.
8. *Гасюкова Е.Н., Карачаровский В.В., Ястребов Г.А.* Разный прекариат: об источниках и формах нестабильности социального статуса индивидов и групп // *Общественные науки и современность*. 2016. № 3. С. 48–64.
9. *Голенкова З.Т.* Прекариат как новое явление в современной структуре / *Наемный работник в современной России* / Отв. ред. З.Т. Голенкова. М.: Новый хронограф, 2015. С. 121–138.
10. *Гудков А.Д.* Условия воспроизводства «советского человека» // *Вестник общественного мнения*. 2009. №2. С. 8–37.
11. *Дилигенский Г.Г.* Российские архетипы и современность // *Куда идет Россия?.. Общее и особенное в современном развитии*. М.: МВШСиЭН, Интерцентр, 1997. С. 273–279.
12. *Заостровцев А.П.* Полемика о модернизации: общая дорога или особые пути? СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2020.
13. *Здравомыслов А.Г.* Социология: теория, история, практика. М.: Наука, 2008.
14. *Инглхарт Р.* Культурная эволюция: как изменяются человеческие мотивации и как это меняет мир. М.: Мысль, 2018.
15. *Инглхарт Р., Вельцель К.* Модернизация, культурные изменения и демократия. Последовательность человеческого развития. М.: Новое издательство: «Либеральная миссия», 2011.
16. *Капелюшников Р.* Технологический прогресс – пожиратель рабочих мест? // *Вопросы экономики*. 2017. № 11. С. 70–101.
17. *Капелюшников Р.И.* Универсальный базовый доход: есть ли у него будущее? Препринт WP3/2020/04 Серия WP3 Проблемы рынка труда. М. Изд. Дом ВШЭ, 2020.
18. *Кирдина С.Г.* Институциональные матрицы и развитие России. Введение в X-Y-теорию. М.; СПб.: Нестор-История, 2014.
19. *Латин Н.И.* Сложность становления новой России. Антропосоциокультурный подход. М.: Весь Мир, 2021.
20. *Магун В.С., Руднев М.Г.* Базовые ценности россиян в европейском контексте (окончание) // *Общественные науки и современность*. 2010. № 4. С. 5–17.
21. *Магун В., Руднев М.* За пределами «человека советского»: россияне в европейской ценностной типологии / *Демонтаж комму-*

- низма. Тридцать лет спустя. М.: Новое литературное обозрение, 2021. С. 325–353.
22. Михайлова М.Н. Неформальная занятость и прекаритизация работников // *Фундаментальные исследования*. 2015. № 11. С. 590–594.
 23. Назаретян А.П. Нелинейное будущее. Мегаистория, синергетика, культурная антропология и психология в глобальном прогнозировании. М.: Аргатак – Медиа, 2017.
 24. Норт Д. Понимание процесса экономических изменений. М.: Издательский дом ГУ-ВШЭ, 2010.
 25. Нуреев Р.М., Рунов А.Б. Назад к частной собственности или вперед к частной собственности? // *Общественные науки и современность*. 2002. № 5. С. 5–23.
 26. Плискевич Н.М. Институциональные рубцы в «пограничных» обществах и эволюция человеческого потенциала. (Часть 1: Институциональные рубцы) // *Вопросы теоретической экономики*. 2022. №3. С. 130–143. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_3_130_143.
 27. Полтерович В.М. Элементы теории реформ. М.: Экономика, 2007.
 28. Полтерович В.М. От социального либерализма – к философии сотрудничества / *Социальный либерализм* / Под ред. А.Я. Рубинштейна, Н.М. Плискевич. СПб.: Алетейя, 2016. С. 346–385.
 29. Полтерович В.М. К общей теории социально-экономического развития. Ч. 1. География, институты или культура? // *Вопросы экономики*. 2018. № 11. С. 5–26.
 30. Полтерович В.М. На пути к общей теории социально-экономического развития: к синтезу двух канонов // *Вопросы теоретической экономики*. 2022. № 1. С. 48–57. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_1_48_57.
 31. Стэндинг Г. Прекариат: новый опасный класс. М.: Ад Маргинем Пресс, 2014.
 32. Тоффлер Э, Тоффлер Х. Революционное богатство. Как оно будет создано и как оно изменит нашу жизнь. М.: АСТ; Профиздат, 2009.
 33. Тощенко Ж.Т. Прекариат. От протокласса к новому классу. М.: Наука, 2018.
 34. Тощенко Ж.Т. Общество травмы: между эволюцией и революцией (опыт теоретического и эмпирического анализа). М.: Весь Мир, 2020.

35. Фишман Л.Г., Мартыянов В.С., Давыдов Д.А. Рентное общество: в тени труда, капитала и демократии. М.: Изд. дом ВШЭ, 2019.
36. Флорида Р. Креативный класс: люди, которые меняют будущее. М.: ИД «Классика – XXI», 2005.
37. Хедлунд С. Невидимые руки, опыт России и общественная наука. Способы объяснения системного провала. М.: Изд. дом ВШЭ, 2015.
38. Шкаратан О.И., Карачаровский В.В., Гасюкова Е.Н. Прекариат: теория и эмпирический анализ // Социс. 2015. № 12. С. 99–110.
39. Штомпка П. Социальное изменение как травма // Социологические исследования. 2001. № 1. С. 6–16.
40. Balatsky E., Yurevich M. Consistency Principle: Theory and Empirical Evidence // Foresight and SYI Governance. 2022. 16 (3). Pp. 35–48. DOI: 10.17323/2500-2597.2022.3.35.48.
41. Bourdieu P. La précarité est aujourd’hui partout / Bourdieu P. (ed.) Contre-feuse. Paris: Libre-Raison d’agir, 1998. Pp. 96–102.
42. Habermas J. The Post-National Constellation and the Future Democracy / Habermas J. The Post-National Constellation: Political Essays / Ed. M. Pensky. Cambridge, MA: MIT Press, 2001. Pp. 58–112.
43. Hellman J. Winners Take All: The Politics of Partial Reform in Postcommunist Transition // World Politics. 1998. Vol. 50. No. 2. Pp. 203–234.
44. Perroux F. Pour un philosophie du nouveau developpemen. Paris: Aubier Presses de l’UNESCO, 1981.
45. Schwarts S.H., Bardi A. Value Hierarchies Across Cultures: Taking a Similarities Perspective // Journal of Cross-Cultural Psychology. 2001. Vol. 32. Pp. 268–290.
46. Standing G. The Precariat: the New Dangerous Class. London: Bloomsbury, 2011.
47. Standing G. Why a Basic Income Is Necessary for a Right to Work // Basic Income Studies. 2013. No. 7(2). Pp. 19–40.

М.Н. Федорова

доктор экономических наук, ведущий научный сотрудник,
ИЭ РАН

РАЗВИТИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА РОССИИ: НЕОБХОДИМОСТЬ КОМПЛЕКСНОГО РЕШЕНИЯ ПРОБЛЕМ

В статье проанализированы индикаторы состояния здоровья, образования и культуры (удовлетворения культурных потребностей) населения в период 2000–2021 гг. Выявлены проблемы, связанные с ухудшением здоровья молодого поколения, сокращением количества обучающихся по программам высшего и среднего профессионального образования, недостаточным соответствием подготовки кадров спросу работодателей, оттоком квалифицированных кадров, снижением интереса к зрелищным мероприятиям и туризму, сокращением реальных доходов и ростом неравенства в доходах населения. Обоснована необходимость взаимодействия государства и бизнеса для осуществления комплекса мер в сфере развития и реализации человеческого потенциала.

Ключевые слова: человеческий потенциал, индикаторы состояния здоровья, образования и культуры (удовлетворения культурных потребностей) населения, подготовка квалифицированных кадров, доходы населения, потребительские цены.

Человеческий потенциал объединяет разнообразные качества человека — способности, знания, умения, навыки, состояние здоровья, нравственно-духовные основы и т.п., которые могут использоваться в трудовой, предпринимательской и социальной деятельности, прямо или косвенно воздействовать на ее результаты [10. С. 12–13]. Все эти составляющие человеческого потенциала развиваются во взаимосвязи. Они отражают роль человека как ядра социально-экономической системы и всех ее подсистем — экономической, социальной, политической, нравственно-духовной и семейно-бытовой, и как главной производительной силы, субъекта производственных отношений и цели производства [8. С. 6; 9. С. 12, 64].

На развитие человеческого потенциала России оказывают влияние общие и специфические вызовы. Общие вызовы порождаются, прежде всего, переходом к шестому технологическому укладу и сопровождающимися его противоречиями между интеллектуализацией (ростом знаниеемкости производства) [2. С. 29; 1. С. 40] и архаизацией труда [7. С. 234], между формированием основ «капитализма всех заинтересованных сторон» [13. С. 15]¹ и прекаризацией труда [11. С. 42; 6. С. 8]. Среди общих вызовов следует также отметить геополитические трансформации и последствия пандемии COVID-19. Специфические вызовы связаны с антироссийскими санкциями, что вызывает необходимость формирования экономики, обладающей технологическим, производственным и кадровым суверенитетом². Общие и специфические вызовы взаимодействуют и переплетаются друг с другом. Следовательно, необходимость совокупного решения проблем развития человеческого потенциала в России обусловлена как его социально-экономическим содержанием, так и необходимостью комплексного ответа на современные вызовы.

В целях исследования состояния человеческого потенциала в России и тенденций его развития автором были проанализированы индикаторы состояния здоровья, образования и культуры (удовлетворения культурных потребностей) населения [12. С. 72–84]³. В результате был выявлен ряд проблем, которые можно рассматривать как конкретные проявления отмеченных выше вызовов.

1. Необходимо обратить внимание, что в качестве «заинтересованных сторон» в работе [13] рассматриваются органы государственной власти, организации гражданского общества, коммерческие компании и международные организации (с. 231). Предполагается, что в центре деятельности этих четырех сторон – люди и планета (с. 233). В определенной мере это так, но надо учитывать, что любая организация имеет собственные интересы и может рассматривать человека как ресурс для достижения своих целей.
2. См.: выступление Президента РФ В.В. Путина на Петербургском международном экономическом форуме 17.06.2022. <https://www.kremlin.ru/events/president/news/68669>
3. Рассматривался период с 2000 по 2020 гг., поскольку в 1990-е гг. в России осуществлялись рыночные реформы, и в последующий период российская экономика стала функционировать на новых основах.

В качестве основных индикаторов состояния здоровья населения рассматривались заболеваемость, в том числе профессиональная, травматизм на производстве, инвалидность и ожидаемая продолжительность предстоящей жизни (см. табл. 1), а в качестве косвенного – основные причины смертности населения. Как показывает анализ данных Росстата, динамика этих индикаторов в допандемийный период свидетельствует о росте заболеваемости населения в целом и о значительной межрегиональной дифференциации этого показателя. Быстрее всего растет заболеваемость болезнями системы кровообращения, злокачественными новообразованиями, болезнями эндокринной системы, расстройствами пищеварения и нарушением обмена веществ, а также врожденными аномалиями (пороками развития), деформациями и хромосомными нарушениями. При этом

Таблица 1. Основные индикаторы здоровья населения

Индикаторы	2000	2010	2019	2020	2021	2021 в % к 2000
Зарегистрировано заболеваний, установленных впервые*:						
– всего на 1000 чел. населения	730,5	780,0	780,2	759,9	857,1	117,3
– на 1000 чел. в возрасте 0–14 лет	1462,4	1886,9	1724,6	1486,8	1665,1	113,9
– на 1000 чел. в возрасте 15–17 лет	885,1	1357,6	1346,0	1218,9	1369,2	154,7
Численность лиц с впервые установленными профессиональными заболеваниями (отравлениями) на 10000 работающих (чел.)	1,81	1,64	0,83	0,79	0,93	51,4
Численность пострадавших при несчастных случаях на производстве на 1000 работающих (чел.)	5,1	2,2	1,2	1,0	1,1	21,6
Численность лиц, впервые признанных инвалидами, на 10000 чел. населения (чел.)	98,5	76,6	54,6	48,2	46,4	47,1
Ожидаемая продолжительность предстоящей жизни (лет)	64,34	68,04	73,34	71,54	70,06	–

* Число зарегистрированных случаев заболеваний у пациентов.

Составлено по: Российский статистический ежегодник. 2022. М.: Росстат, 2022. С. 102, 144, 145, 228, 233, 234, 235; Российский статистический ежегодник. 2005. М.: Росстат, 2005. С. 180, 289, 296.

темпы роста заболеваемости подростков превышают темпы роста по населению в целом. Это угроза будущему человеческого потенциала. Рост заболеваемости в подростковом возрасте может привести к росту количества хронических больных и инвалидов во взрослом возрасте, что снижает качество человеческого потенциала. По данным социологов, в современной России плохое состояние здоровья в 2–4 раза сокращает шансы на занятость, а хорошее увеличивает эту вероятность [4. С. 70].

Необходимо отметить, что в 2020 г. заболеваемость стала снижаться, что было вызвано недостаточным учетом заболеваемости, так как люди реже обращались в поликлиники, опасаясь заразиться COVID-19, и сокращением плановой помощи больным. Однако в 2021 г. заболеваемость снова стала расти, и по ряду болезней превысила допандемийный уровень. С 2020 г. стала снижаться ожидаемая продолжительность предстоящей жизни, которая в предыдущие годы росла.

Что касается профессиональной заболеваемости, производственного травматизма и инвалидности, то за период 2000–2020 гг. они значительно снизились, но в 2021 г. первая и вторая стали расти, что указывает на необходимость обращать внимание на условия труда, несмотря на сокращение всевозможных проверок в сфере бизнеса.

Основными причинами смертности являются болезни системы кровообращения, злокачественные новообразования и внешние причины. При этом в России смертность от злокачественных новообразований ниже, чем в большинстве стран, а от болезней системы кровообращения находится на среднем уровне. Однако смертность от внешних причин в России в 1,5–3 раза превышает показатели большинства стран⁴.

В качестве основных индикаторов, характеризующих образование населения, рассматривались динамика уровня образования занятого населения, а также охват населения средним специальным и высшим образованием, численность

4. См.: Россия и страны мира. 2022. Стат. сб. М.: Росстат, 2022. С. 61.

студентов на 10000 населения, выпуск квалифицированных кадров на 10000 занятых, а в качестве дополнительных — доля защитившихся аспирантов и докторантов, динамика количества прошедших профессиональное обучение, переподготовку и повышение квалификации, соотношение уехавших из России и прибывших в нее квалифицированных специалистов.

В 2021 г. по сравнению с 2000 г. уровень образования занятого населения в целом повысился (см. табл. 2). Увеличились доли занятых, имеющих высшее образование (с 24,7% в 2000 г. до 34,7 в 2021 г.) и среднее профессиональное образование (с 40,1 до 44,8%)⁵. Доли имеющих среднее общее образование, основное общее образование и не имеющих основного общего образования сократились. Рост профессиональной составляющей образования свидетельствует о повышении качества человеческого потенциала. Это же демонстрирует и значительный рост прошедших профессиональное обучение, переподготовку и повышение квалификации (в 2021 г. в 9 раз больше, чем в 2000 г.)⁶.

По сравнению с другими странами охват российского населения средним образованием находится на среднем уровне, высшим — превышает уровень большинства стран⁷.

Коэффициент охвата программами среднего и высшего образования в возрастной группе 15–34 лет повысился. Вместе с тем численность студентов и выпуск квалифицированных кадров по программам среднего профессионального образования сократились больше, чем количество лиц в возрасте 15–34 лет. Среди закончивших аспирантуру и докторантуру доли защитивших диссертации в период 2000–2020 гг. снижались, в 2021 г. стали увеличиваться, но еще не достигли уровня 2018 г.⁸

5. См.: Российский статистический ежегодник. 2022. М.: Росстат, 2022. С. 127; Российский статистический ежегодник. 2017. М.: Росстат, 2017. С. 119.

6. Рассчитано по: Российский статистический ежегодник. 2022. М.: Росстат, 2022. С. 215.

7. См.: Россия и страны мира. 2022. Стат. сб. М.: Росстат, 2022. С. 151–152.

8. См.: Российский статистический ежегодник. 2022. М.: Росстат, 2022. С. 211, 214.

Таблица 2. Основные индикаторы образования населения

Индикаторы	2000	2010	2019	2020	2021	2021 в % к 2000
Доля занятых, имеющих:						
– высшее образование (%)	24,7	29,1	34,2	35,4	34,7	–
– среднее профессиональное образование (%):						
– по программе подготовки специалистов среднего звена	30,9	27,1	25,6	25,6	26,1	–
– по программе подготовки квалифицированных рабочих (служащих)	10,1	19,6	19,4	19,2	19,2	–
Коэффициент охвата образовательными программами среднего и высшего профессионального образования (возрастная группа 15–34 лет), %	20,5	23,8	19,9	21,3	22,4	–
Численность студентов, обучающихся по программам среднего профессионального образования на 10000 населения (чел.)	277	219	213	228	236	85,2
Численность студентов, обучающихся по программам бакалавриата, специалитета и магистратуры на 10000 населения (чел.)	324	493	277	277	278	85,8
Выпуск квалифицированных кадров на 10000 занятых (чел.):						
по образовательным программам среднего профессионального образования:						
– квалифицированных рабочих, служащих	118	86	23	20	22	18,6
– специалистов среднего звена	90	85	75	78	80	88,9
– выпуск бакалавров, специалистов, магистров	99	217	126	120	113	114,1

Составлено по: Российский статистический ежегодник. 2022. М.: Росстат, 2022. С. 127, 189, 190.

Следует отметить, что в современных условиях возрастает значение проблемы оттока квалифицированных кадров (см. табл. 3).

Численность российских граждан, выехавших на работу за границу, за рассматриваемый период имела тенденцию к снижению. При этом на показатель 2020 г., безусловно, повлияли антиковидные ограничения.

Вместе с тем в 2022 г. в связи с антироссийскими санкциями и частичной мобилизацией процесс стал разворачиваться

Таблица 3. Соотношение выбывших из России и прибывших в нее высококвалифицированных специалистов

Индикаторы	2011	2019	2020	2020 в % к 2011
Численность российских граждан с высшим и средним специальным образованием, выехавших на работу за границу (чел.):				
– всего	53437	51829	41124	77,0
– с высшим образованием	29562	32618	25850	87,4
– со средним специальным образованием	23875	19211	15274	64,0
Численность иностранных граждан – высококвалифицированных специалистов имеющих разрешение на работу в России (чел.)	7529	47715	48306	541,6
Соотношение выбывших из России и прибывших в нее высококвалифицированных специалистов (%)	709	109	85	–

Составлено по: Труд и занятость в России. 2021 г. М.: Росстат, 2021. С. 109, 111; Труд и занятость в России. 2017 г. М.: Росстат, 2017. С. 162, 165. https://gks.ru/bgd/regl/b11_36/IssWWW.exe/Stg/d1/05-22.htm

в обратную сторону. По данным кадровой компании Ancoг, 76% опрошенных компаний столкнулись с отъездом работников⁹. В целом за январь–ноябрь 2022 г. количество выехавших из России превысило количество прибывших на 0,12%, а за тот же период 2021 г. количество прибывших превышало количество выехавших в 2,6 раза¹⁰.

Необходимо учитывать, что независимо от угрозы мобилизации для работы в России высококвалифицированным специалистам необходимы соответствующие рабочие места и достойная заработная плата. Однако значительная доля выпускников высшего и среднего профессионального образования (до 40%) не находит работу по специальности [5. С. 51; 14. С. 68, 71], что свидетельствует о недостаточном соответствии структуры подготовки кадров спросу работодателей, необходимости переподготовки кадров и повышения квалификации. Так, по данным опроса ТПП РФ, 100%

9. См.: https://www.ng.ru/economics/2022-11-02/1_8581_labormarket.html

10. Рассчитано по: Социально-экономическое положение России. 2022. 12. М.: Росстат, 2023. С. 217.

руководителей промышленных предприятий сталкиваются с трудностями в обеспеченности кадрами рабочих и инженеров [3. С. 90].

В сфере культуры динамика индикаторов, характеризующих духовное развитие людей, освоение духовного наследия и возможности культурного проведения досуга, свидетельствует о том, что в допандемийный период наблюдался рост интереса населения к удовлетворению познавательных, художественно-эстетических и рекреационных потребностей, использованию информационно-коммуникационных технологий (см. табл. 4).

Таблица 4. Основные индикаторы удовлетворения культурных потребностей населения

Индикаторы	2000	2010	2019	2020	2021	2021 в % к 2000
Численность зрителей театров на 1000 чел. населения (чел.)	210	217	280	110	174	80,1
Численность зрителей цирков на 1000 чел. населения (чел.)	59	79	39	10	19	32,2
Число посещений музеев на 1000 чел. населения (чел.)	499	567	877	403	654	131,1
Численность российских граждан, размещенных в санаторно-курортных организациях на 1000 чел. населения (чел.)	30	39	45	27	40	133,3
Численность российских граждан, размещенных в организациях отдыха на 1000 чел. населения (чел.)	26	25	56	34	53	203,8
Число туристических поездок российских граждан за рубеж на 1000 чел. населения (чел.)	29	86	309	85	132	455,2

Составлено по: Российский статистический ежегодник. 2022. М.: Росстат, 2022. С. 238, 250, 251.

В условиях пандемии сократились посещаемость театров, цирков и музеев, а также численность отдыхающих в санаторно-курортных организациях и туристов на 1000 чел., особенно за рубежом. В то же время выросли численность активных абонентов сети Интернет и доля населения, использующая его. Численность активных абонентов фиксированного доступа к сети Интернет на 1000 чел. населения

в 2021 г. составила 188,1% к уровню 2011 г., а мобильного доступа – 186,8%. Доля населения 15–74 лет, использующая Интернет, в 2021 г. достигла 90,1%¹¹.

Таким образом, анализ индикаторов состояния здоровья, образования и культуры (удовлетворения культурных потребностей) населения свидетельствует о ряде негативных тенденций – ухудшении здоровья молодого поколения, снижении количества обучающихся по программам высшего и среднего профессионального образования, недостаточном соответствии подготовки кадров спросу работодателей, оттоке квалифицированных кадров, снижении интереса к зрелищным мероприятиям и туризму.

При разработке комплекса мер, направленных на решение данных проблем, необходимо также учитывать разнонаправленные тенденции в сфере доходов населения и его расходов на развитие человеческого потенциала (см. табл. 5).

Период 2000–2019 гг. характеризовался значительным ростом среднедушевых денежных доходов населения, среднемесячной номинальной начисленной заработной платы; эта тенденция продолжилась в 2020, 2021 и 2022 гг. Фактическое конечное потребление домашних хозяйств на душу населения в 2000–2019 гг. росло, в 2020 г. снизилось по сравнению с 2019 г., но в 2021 г. снова выросло (см. табл. 5). В значительной мере снижение в 2020 г. было связано с опережающим ростом цен по сравнению с ростом среднедушевых денежных доходов. Потребительские цены на продовольственные и непродовольственные товары и на услуги в 2020 г. по сравнению в 2019 г. выросли на 4,9%, а больше всего выросли цены на жилье: на первичном рынке на 12%, а на вторичном – почти на 10%¹²; среднедушевые денежные доходы за этот период увеличились на 2%. В 2021 г. по сравнению с 2020 г. потребительские цены выросли на 8,4%, цены на жилье – соответственно на первичном рынке на 26% и на вторичном на

11. См.: Российский статистический ежегодник. 2022. М.: Росстат, 2022. С. 489, 490.

12. См.: Российский статистический ежегодник. 2021. М.: Росстат, 2021. С. 541, 545.

Таблица 5. Доходы населения и расходы на развитие человеческого потенциала

Индикаторы	2000	2010	2019	2020	2021	2021 в % к 2000
Среднедушевые денежные доходы населения (руб.)	2281	18958	35338	36073	40272	1765,5
Фактическое конечное потребление домашних хозяйств на душу населения (руб.)	26014	195744	446010	440033	519439	1996,8
Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата (руб.)	2223	20952	47876	51334	57224	2575,1
Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата в сфере НИОКР (руб.)	2701	32320	82287	84973	93279	3453,5
В % к средней по экономике	121,5	154,3	171,9	165,5	163,0	–
Доля населения с доходами ниже прожиточного минимума	29,0	12,5	12,3	12,1	11,0	–
Коэффициент фондов	13,9	16,6	15,8	14,9	15,2	–
Коэффициент Джини	0,395	0,421	0,406	0,406	0,409	–
Доля расходов на образование, здравоохранение, культуру, спорт и отдых в расходах домашних хозяйств (%)	3,2	11,4	13,1	10,7	11,3	–

Составлено по: Российский статистический ежегодник. 2006. М.: Росстат, 2006. С. 205; Российский статистический ежегодник. 2009. М.: Росстат, 2009. С. 199; Российский статистический ежегодник. 2017. М.: Росстат, 2017. С. 145; Российский статистический ежегодник. 2022. М.: Росстат, 2022. С. 151, 156, 163, 171.

17,2%¹³, а среднедушевые денежные доходы увеличились на 11%. В 2022 г. по сравнению с 2021 г. потребительские цены увеличились на 11,9% (в том числе на продовольственные товары – на 10,3%, на непродовольственные – на 12,7%, на услуги – на 13,2%¹⁴), а на жилье – соответственно на 21,0% и на 11,8%; при этом рост среднедушевых денежных доходов был выше роста потребительских цен и составил 13,1%¹⁵. В итоге в 2022 г. реальные денежные доходы на душу насе-

13. См.: Российский статистический ежегодник. 2022. М.: Росстат, 2022. С. 555, 568.

14. См.: Социально-экономическое положение России. 2022. 12. М.: Росстат, 2023. С. 126.

15. Там же. С. 125, 132, 177.

ния составили 98,5% от уровня 2021 г., а реальная среднемесячная начисленная заработная плата – 99%¹⁶.

Доля населения, живущего за чертой бедности, в 2000–2019 гг. сократилась более чем в 2 раза, в 2020 и 2021 гг. ее снижение продолжилось. Однако в 2021 г. по сравнению с 2020 г. увеличились коэффициент Джинса и коэффициент фондов, что свидетельствует о росте неравенства в доходах.

Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата в сфере НИОКР за рассматриваемый период росла более высокими темпами, чем по экономике в целом и составила в 2021 г. 163% к средней по экономике. Однако существуют проблемы, связанные с тем, что государство недостаточно финансирует НИИ, а дополнительных внебюджетных доходов не хватает на то, чтобы обеспечить заработную плату в размере 200% от средней по региону, что было предусмотрено в Указе Президента РФ от 7 мая 2012 г. № 597 «О мерах по реализации государственной социальной политики». Льготы по ипотеке и гранты молодым специалистам не могут решить всех проблем.

Для ответа на все эти вызовы требуется комплексное решение проблемы развития человеческого потенциала. С одной стороны, необходимо взаимодействие государство и бизнеса в развитии образования, здравоохранения и культуры. Для этого, наряду с государственным финансированием подготовки кадров для промышленности, софинансированием дорогостоящих научно-технических разработок, государственным закупками в сфере НИОКР, грантами изобретателям и инноваторам, важное значение имеют стимулирующие меры по развитию партнерства предприятий, учебных заведений и научных организаций – снижение налогов и льготное кредитование организаций, финансирующих учебные заведения, технологические инновации, научные исследования и разработки, фонды целевого капитала в обра-

16. См.: Социально-экономическое положение России. Январь–март 2023. М.: Росстат, 2023. С. 167, 169.

зовании и науке. В сфере культуры необходимо продолжать государственную поддержку ее учреждений и туристических организаций, чтобы способствовать росту интереса людей к ним, а также к занятиям спортом. Для этого целесообразно продолжать поощрение туризма по России с помощью кеш-бэка, деятельности некоммерческих организаций, фондов целевого капитала и волонтерской деятельности в сфере культуры. С другой стороны, надо заинтересовать человека работать в России. Для этого нужны, прежде всего, достойная заработная плата, получение знаний, востребованных на рынке труда, обеспечение жильем. Необходимы также меры по сдерживанию роста потребительских цен, господдержка льготной ипотеки, помощь семьям с детьми, поощрение культуры отношения людей к своему здоровью¹⁷.

-
17. Согласно ст. 185.1 Трудового кодекса РФ, работодатель обязан предоставлять один оплачиваемый день работникам для диспансеризации один раз в три года, работникам старше 40 лет — один раз в год, работникам предпенсионного возраста — два дня один раз в год. В соответствии с Федеральным законом от 5 апреля 2021 г. № 88-ФЗ «О внесении изменений в статью 219 части второй Налогового кодекса РФ в части предоставления социального налогового вычета в сумме, уплаченной налогоплательщиком за оказание ему физкультурно-оздоровительных услуг» предоставляется налоговый вычет по сумме затрат на физкультурно-оздоровительные услуги в размере 120 тыс. руб. Налоговый вычет по затратам на лечение и лекарства составляет 120 тыс. руб. в год (в Послании Президента РФ в 2023 г. предлагается увеличить его до 150 тыс. руб.).

ЛИТЕРАТУРА

1. *Аганбегян А.Г.* Новой России 30 лет. Достижения и упущения (социально-экономический анализ). М.: Издат. центр ИНЭС, 2021.
2. *Бодрунов С., Десаи Р., Фриман А.* По ту сторону глобального кризиса: ноономика, креативность, геополитэкономия. СПб: ИНИР им. С.Ю. Витте, 2022.
3. Кадры для промышленности: подготовка к новой индустриализации // Мир перемен. 2022. № 1. С. 88–103.
4. *Каравай А.В.* Оценка взаимосвязи состояния здоровья и занятости россиян в конце 2010-х годов // Социологические исследования. 2021. № 7. С. 61–72.
5. *Ключарев Г.А.* О подготовке инженерных кадров для наукоемких производств (взгляд работодателя) // Социологические исследования. 2020. № 3. С. 51–59.
6. От прекарной занятости к прекаризации жизни / Под ред. Ж.Т. Тощенко. М.: Изд-во «Весь мир», 2022.
7. *Плещенко В.И.* К вопросу об архаизации труда и потребления в современном российском обществе // Россия и современный мир. 2022. № 2. С. 228–243.
8. *Савченко П.В., Федорова М.Н.* Система: тенденции ее развития. М.: ИЭ РАН, 2011.
9. *Савченко П.В.* Системный метод исследования социально-трудовых отношений: человек как доминанта развития. М.: ИНФРА-М, 2021.
10. *Соболева И.В.* Человеческий потенциал российской экономики: проблемы сохранения и развития. М.: Наука, 2007.
11. Уровень и качество жизни населения России: от реальности к проектированию будущего / Под ред. В.Н. Бобкова, Н.В. Локтюхиной, Е.Ф. Шамаевой. М.: ФНИСЦ РАН, 2022.
12. *Федорова М.Н.* Тенденции развития человеческого потенциала России: индикаторы состояния здоровья, образования и культуры населения в 2000–2020 гг. // Развитие и безопасность. 2022. № 3. С. 72–84.
13. *Шваб К.* Капитализм всеобщего блага: новая модель мировой экономики. М.: ЭКСМО, 2022.
14. *Чердниченко Г.А.* Трудоустройство и положение на рынке труда выпускников среднего профессионального образования // Социологические исследования. 2019. № 7. С. 67–77.

С.А. Долматова

к.э.н., доцент, старший научный сотрудник,
ИЭ РАН

КЛЮЧЕВОЕ ЗВЕНО ВОСПРОИЗВОДСТВА ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

В статье показывается, что проблемы воспроизводства человеческого потенциала, обострившиеся после ввода антироссийских санкций, возникли задолго до последнего кризиса и обусловлены экономической моделью, согласно которой России отводилась роль поставщика сырьевых ресурсов при торможении технологического развития и недофинансировании социально значимых отраслей. Делается вывод об императиве развития науки как необходимого условия обеспечения технологического суверенитета и воспроизводства человеческого потенциала в условиях неослабевающего санкционного давления.

Ключевые слова: человеческий потенциал, финансирование науки, заработная плата, технологический суверенитет, смена парадигмы.

При подведении первых итогов постсанкционного развития как со стороны правительства, так и большинства экспертного сообщества было объявлено об успешной адаптации российской социально-экономической системы к внешним шокам, вызванным украинским кризисом. Было отмечено, что самые пессимистические прогнозы не были реализованы вопреки негативным ожиданиям не только западных, но и российских аналитиков, и можно говорить если не о позитивной динамике целого ряда экономических показателей, то о меньшей глубине их падения в сравнении с первоначальными алармистскими прогнозами. По мнению главы ЦБ Э.С. Набиуллиной, «сейчас экономика уже очень близка к тому, чтобы вернуться к уровню активности, который был в конце 2021 года, восстановиться до своего потенциала» [8].

Возникают закономерные вопросы, что имеется в виду под данным восстановлением, какая роль при этом отводится человеческому потенциалу. Кроме того, если при потерях

гигантских финансовых ресурсов страны, включая половину золотовалютных резервов, а также разрыве глобальных экономических связей и снижении поступления нефтегазовых доходов в бюджет отмечаются успехи правительства, то что мешало при благоприятной внешней конъюнктуре и финансовой стабильности, при профиците бюджета обеспечивать на должном уровне отрасли, нацеленные на воспроизводство человеческого потенциала? После глобальных шоков, выявивших несостоятельность стратегии сырьевого развития, логично было бы ожидать «работы над ошибками» не только в контексте нереализованной программы импортозамещения и провалов обеспечения финансовой безопасности, что, безусловно, заслуживает отдельного рассмотрения, но и, в первую очередь, в связи с проблемами воспроизводства человеческого потенциала.

Стало уже общим местом, что проблема недофинансирования социально значимых отраслей, непосредственно обеспечивающих человеческое развитие, остается главным препятствием для перехода к экономике знаний, создающей конкурентные преимущества в современном мире. Как отметил А.Г. Аганбегян, необходим «финансовый форсаж» для концентрации ресурсов на направлениях, которые могут обеспечить качественный прорыв для нашей экономики. «Крайне низка (всего 14%) в России доля в ВВП экономики знаний (НИОКР, образование, информационно-коммуникационные технологии, биотехнологии и здравоохранение), а это — главная составная часть человеческого капитала. В Китае она в полтора раза выше (22%), в Западной Европе — вдвое выше (около 30%), а в США — почти в три раза выше (40%)» [1]. Однако, несмотря на острую необходимость обеспечения финансирования со стороны государства данных отраслей, им приходится конкурировать за бюджетные средства, направляемые прямо или косвенно на поддержку бизнеса, которую министр Решетников назвал беспрецедентной. Следует отметить, что если льготы предоставляются компаниям, попавшим под западные санкции, которые имели достаточно возможно-

стей вывода средств из офшорных юрисдикций заблаговременно, когда на деньги добросовестных налогоплательщиков претендуют рыночные игроки, длительное время занимавшиеся налоговой оптимизацией, то это выглядит, по меньшей мере, неэтично. В данной связи вызывает опасение тот факт, что меры, предпринимаемые правительством в ответ на глобальные вызовы, не носят системный характер в расчете на длительную перспективу, а осуществляются в «пожарном порядке» в зависимости от возможностей и запросов лоббистов, претендующих на господдержку, несмотря на имеющиеся собственные ресурсы, для сохранения прибыльности частных проектов. К тому же, по всей видимости, предполагается сохранение той же политики сырьевого развития, но с вынужденной переориентацией с Запада на Восток. Однако перспектива стать сырьевым придатком Китая или Индии не может внушать оптимизма.

Отход от парадигмы сырьевого развития должен подразумевать переход на иную траекторию, направленную на развитие человеческого потенциала, о чем неоднократно говорилось с самых высоких трибун. Тем не менее правительство выбрало бизнес-ориентированную стратегию развития с предоставлением первоочередных мер помощи предпринимателям, ограничившись помощью населению мерами демографического характера. В то же время, хотя взят курс на дерегулирование и отказ от плановых проверок, чтобы бизнес сам искал способы адаптации к изменившимся условиям, там, где присутствуют средства государства в качестве помощи, наоборот, необходима тщательная проверка, в том числе на предмет коррупции. В данной связи в условиях экстраординарной потери финансовых ресурсов страны и жесткого бюджетного ограничения необходимо усилить контроль над государственными расходами.

Президент В.В. Путин, выступая на пленарном заседании Петербургского международного экономического форума в июне 2023 г., отметил, что в России формируется экономика предложения, которая «предполагает масштабное наращи-

вание производительных сил и сферы услуг, повсеместное укрепление инфраструктурной сети, освоение передовых технологий, создание новых современных промышленных мощностей и целых отраслей, в том числе по тем направлениям, где мы пока не проявили себя должным образом, но возможности для этого — научные возможности, творческий потенциал — у нас, конечно, имеются» [9]. Тем не менее «научные возможности» отнюдь не безграничны и зависят от многих факторов, в частности от финансового обеспечения. Ставка на развитие науки, открывающей новые горизонты знания и обеспечивающей создание прорывных технологий, формирующей привлекательный образ будущего общества — это действительно магистральный путь для нашей страны, имеющей славные традиции научных школ мирового уровня и пионерных открытий, повлиявших на историю всего человечества, который необходимо реализовывать с помощью максимальной концентрации финансовых ресурсов для создания режима наибольшего благоприятствования для научных исследований и разработок, внедрения наукоемких технологий.

Вместе с тем «экономика предложения» — это конкретный термин, калька с английского — *supply-side economics*, имеющий определенное содержание, по сути — это максимальный уход от принципов социального государства, дерегулирование экономики в интересах частного бизнеса: снижение налоговой нагрузки на него, ограничение поступлений на социальные нужды, сворачивание социальных программ и многое другое, что предложили экономисты США для экономической программы Президента США Рональда Рейгана, и что в последствии получило название «рейганомика». В свое время, в 80-е гг., «рейганомика, тетчеризм и другие менее радикальные варианты редукции государства всеобщего благосостояния оказали определяющее влияние на весь комплекс экономических отношений в западных странах, привели к смене тренда социализации экономики на долгие годы» [6. С. 7], обусловили специфику процессов неолибераль-

ной глобализации, когда «среди возможных вариантов повысить конкурентоспособность произведенных товаров практически повсеместно выбирается наиболее приемлемый для работодателя способ – понизить издержки по оплате труда и сократить социальную нагрузку на бизнес» [там же. С. 25]. В любом случае при реализации данной доктрины на российской почве особых прорывов ожидать не приходится, если на смену критикуемой 30 лет модели экономического развития, основанной на так называемом Вашингтонском консенсусе, придет модель рейганомики в каком-нибудь модифицированном виде с российской спецификой. Фактически же после риторики на самом высоком уровне о необходимости перехода к развитию наукоемких технологий, ценности человеческого потенциала состоялся перевод научного сообщества в «режим ожидания», что изменится незыблемая с 90-х гг. экономическая парадигма.

Однако, судя по всему, данные ожидания не оправдываются. По-прежнему, насаждается идея, что государство прежде всего должно идти в фарватере бизнеса, продвигая его интересы. В частности, в июне 2023 г. во время делового завтрака Сбербанка ПМЭФ «Российская экономика – новый курс: приоритеты и направления» миллиардер А. Мордашов, председатель совета директоров ПАО «Северсталь», предельно откровенно определил роль государства в современных российских условиях, в духе времени сославшись на опыт великого советского ученого И.В. Курчатова, научного руководителя атомного проекта и выдающегося организатора науки. Так, Курчатов, по преданию, велел прокладывать асфальтовые дорожки к возглавляемому им институту по проторенным его сотрудниками тропинкам, также и Мордашов предложил действовать государству, направлять ресурсы туда, куда уже протоптал дорожки бизнес. Тем не менее целесообразнее напрямую обращаться к советскому опыту организации науки с точки зрения интересов не бизнес-сообщества, а общества в целом.

В то же время В.В. Путин наиболее точно охарактеризовал положение дел в российской науке: «Многое утрачено

за 1990-е гг., когда все разваливалось, и наука разваливалась, в образовании возникли проблемы. Но, тем не менее, фундаментальные основы были такими мощными, что развалить все не удалось» [4]. Эти мощные фундаментальные основы тем не менее нуждаются в финансовой подпитке со стороны государства, поскольку уповать на российский бизнес в данном вопросе не приходится в связи с его ориентацией на быструю выгоду в краткосрочном периоде. В России сложился механизм финансирования науки, образно называемый «русской пирамидой», когда государство предоставляет 80%, а 20% обеспечивает бизнес.

Вице-премьер Д. Чернышенко отметил, что в бюджете «на гражданскую науку в 2023 г. предусмотрено 492 млрд руб., в 2024 г. — 490 млрд руб., на 2025 год — 473 млрд руб. (сокращение связано с тем, что запланированные строительные объекты завершены, а новые пока не внесены в проектировки). Общий объем финансирования государственной программы «Научно-технологическое развитие» с учетом задач по финансированию высшего образования составит более 1,1 трлн руб. ежегодно. В заявленных параметрах бюджета на период 2023–2025 гг. учтены задачи по сохранению объемов расходов на исследования и разработки, параметров финансирования фундаментальных исследований, заработной платы ученых на уровне 200% от средней по региону» [13].

Таким образом признается, что в эти, и так не слишком значительные, объемы финансирования — в масштабах страны и в рамках поставленных перед нею задач — еще и включаются затраты на строительство объектов. В то же время на 2023 г. РАН рекомендовала выделить 383 млрд руб. на фундаментальную науку [3], кроме того, на прикладную науку в условиях поставленной задачи обеспечения технологического суверенитета, затрат необходимо не меньше, таким образом, сумма расходов заявленная правительством явно мала. Сохраняется тот же тренд недостаточного финансирования сферы НИОКР. Не может считаться нормальной ситуация, когда Россия по показателю валовых внутренних

расходов на НИОКР занимает лишь 19 место среди 22 стран (1,09% к ВВП, соседствует с Литвой – 1,16%). Лидером является Израиль – 5,4% к ВВП, в среднем по странам ОЭСР – 2,7% [15]. В СССР при развитом приборостроении сырье и оборудование для научных исследований было преимущественно отечественным, в настоящее время – с точностью до наоборот, даже примитивные реактивы для опытов научным учреждениям приходится закупать за границей. Поскольку и в этом вопросе импортозамещение остается большой проблемой, важную роль играет динамика курса рубля. Вследствие санкций параллельный импорт из-за удорожания логистики потребует больших расходов, а девальвация рубля, планомерно осуществляемая в последнее время правительством и получившая ускорение после словесных интервенций вице-премьера А. Белоусова на ПМЭФ [2] и представителей ЦБ, когда только за две последние недели июня 2023 г. рубль обвалился почти на 15%, по сути, обесценивает скромное финансирование, оставляет еще меньше возможностей для научного развития.

Вопрос об отставании реальной заработной платы ученых от заявленной в официальных документах и российских статистических сборниках неоднократно поднимался не только в СМИ, но и на прямой линии Президента РФ. Известен пример, когда «в ходе заседания Совета при Президенте РФ по науке и образованию к Владимиру Путину обратилась старший научный сотрудник из Новосибирска А. Проскурина, которая рассказала, что ее зарплата составляет 25 тыс. руб. Она также добавила, что вместо повышения зарплаты, положенной по указу президента, научным сотрудникам университета просто предложили формально перейти на полставки» [5]. Президент, обратившись к министру финансов А. Силуанову за разъяснением, получил ответ, что по документам «ученые обеспечены зарплатой, двукратной по региону». Тогда выяснилось, что вместо 25 тыс. руб. по всем нормам майских указов 2012 г. обратившаяся с этим вопросом не только лично от себя, но и фактически от имени всего науч-

ного сообщества, ученая из Новосибирска должна получать не меньше 80 тыс. руб. Тем не менее эта проблема в дальнейшем не получила своего разрешения, хотя публичная дискуссия президента с чиновником высокого ранга имела широкий общественный резонанс и было дано поручение профильному министру разобраться. Однако существенных сдвигов в этом вопросе так и не произошло. По многочисленным социологическим опросам, фиксируется более чем двукратное отклонение заработной платы научных сотрудников от данных Росстата в сторону уменьшения. Тем не менее в настоящее время, по данным Росстата, средняя заработная плата научных сотрудников по стране за январь—март 2023 г. составила 107758,4 руб., причем в Москве она составила 138646,5 руб. [14].

Убедительно звучат слова премьер-министра РФ Михаила Мишустина: «Ведь не инновации сами по себе, а именно люди, которые их создают, обеспечивают технологический суверенитет во всех отраслях. Для этого необходимы специалисты высокого уровня, которые способны генерировать идеи, совершать революции, если хотите, даже перевороты в своих дисциплинах» [7]. Тем не менее, специалистам высокого уровня необходимо платить соответствующую их квалификации заработную плату, о чем неоднократно заявлялось в многочисленных исследованиях. Кроме того, важную роль играют условия, благоприятные для трудового процесса. Не случайно в советский период были созданы наукограды, инфраструктура которых и управление были ориентированы на максимально комфортную среду для обеспечения жизнедеятельности ученых.

Судя по всему, значимые решения отодвигаются до 2030 г. Об этом свидетельствует утвержденная правительством Концепция технологического развития до 2030 г., согласно которой «для обеспечения технологического суверенитета необходимо добиться роста внутренних затрат на исследования и разработки не менее чем на 45%» [10]. В то же время в экспертном сообществе достигнут консенсус по

поводу необходимости увеличения этих затрат в разы, чтобы добиться качественных изменений, причем это надо делать немедленно. Для развития человеческого потенциала необходимо повысить заработную плату не на уровень инфляции, а с учетом недофинансирования в предыдущие годы, так называемым рядовым бюджетникам — не только научным работникам, но и врачам, учителям, работникам сферы культуры, соответственно уровню заработных плат бюджетников «привилегированных» — чиновников, работников госкорпораций, силовых структур, артистов, деятельность которых также финансируется из российского бюджета. Также необходимо обеспечить единый стандарт оплаты труда бюджетников всех уровней, нивелировав региональные различия. Ожидалось, что получит распространение почин Д. Рогозина, объявившего о сокращении своей гигантской заработной платы (83,1 млн руб. за год) на 30% в руководимой им госкорпорации «Роскосмос», но после его отставки об этом даже перестали упоминать.

Характерно, что даже проправительственные эксперты признают, что и «до ввода санкций на рынке труда сложился ряд дисбалансов, в частности в уровне оплаты труда работников бюджетной сферы» [11. С. 6]. Региональный разрыв заработных плат, доходящий до 2–3,5 раз, явно дискредитирует выполнение майских (2012 г.) указов, об успехе которого рапортовали повсеместно губернаторы. В то же время для преодоления негативных тенденций в сфере науки, ставшей наиболее ярким примером, вопиющего несоответствия уровня оплаты труда квалификации работников, эксперты предлагают длинный временной горизонт решения давно назревших проблем. «В научной и преподавательской сфере для повышения конкурентоспособности России на мировом уровне необходимо создать конкурентные условия работы для высококвалифицированных специалистов профессорско-преподавательского состава и научных работников, привлекать талантливых студентов для продолжения обучения и исследовательской деятельности в аспирантуре и в дальней-

шем в науке. Для этого в долгосрочном периоде (к 2035 г.) уровень заработной платы передовых научных работников и профессоров вузов должен быть сопоставимым с уровнем заработной платы соответствующих работников в развитых странах (5–7 тыс. долл. США в месяц, текущий уровень заработных плат в развитых странах)» [там же. С. 7].

Поскольку установление указанного уровня оплаты труда научных работников дело отдаленной перспективы, конкретные решения предложены только для сотрудников сферы информтехнологий, поддержанной правительством после начала СВО, в ответ на их массовый отъезд за рубеж, причем в возрасте от 22 до 44 лет. Министр экономического развития М. Решетников конкретизировал «требования по их зарплате — от 150 тыс. рублей в месяц до вычета подоходного налога в городах-миллионниках и от 100 тыс. — в остальных населенных пунктах» [12]. Помимо оплаты труда предложена целая система льгот и привилегий, включая льготные кредиты по ипотеке. Однако при всей важности данной отрасли в эпоху цифрового развития потребности экономики не ограничиваются исключительно ИТ-специалистами.

В данной связи представляется необходимым расширить список специальностей, подлежащих стимулированию со стороны правительства. Целесообразно было бы меры поддержки ИТ-специалистов распространить на научных работников, инженерно-технических специалистов, работающих на жизненно важных предприятиях и в сфере наукоемких производств, причем без ограничений по возрасту, стимулировать приток работающих пенсионеров, обладающих фундаментальными знаниями и квалификацией для переобучения специалистов на предприятиях, по желанию предоставив им соответствующий фронт работ. Также необходимо поручить профильным министерствам выявлять потребности сферы НИОКР в квалифицированных кадрах, обеспечив их приток стимулирующими выплатами и соцпакетом, увеличить в вузах объем преподаваемых естественно-научных дисциплин, а также количество бюджетных мест. В связи

с экономией средств следовало бы провести сокращение непомерно раздутого управленческого аппарата, в том числе и высшего звена, в первую очередь, структуры с дублирующими функциями.

Особо следует отметить, что исключение науки из системы общественных приоритетов в 90-е гг. стало едва ли не самым серьезным провалом за весь постсоветский период. Несмотря на заверения на самом высоком уровне о необходимости ее развития, в связи с первым этапом санкций 2014 г., принципиальных сдвигов не последовало. В этой связи вызывает опасение, что консервация сырьевой специализации российской экономики в рамках парадигмы *supply-side economics* не приведет к качественным изменениям воспроизводства человеческого потенциала. Тем не менее императив развития науки остается на повестке дня — как в связи с неослабевающим давлением внешних санкций, так и из-за необходимости соответствия традициям великой державы, в том числе и в обеспечении технологического суверенитета.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Аганбегян А.Г.* Два главных вызова, стоящих перед Россией: по сокращению катастрофически высокой смертности при восстановлении сохранности народа и переходу к устойчивому социально-экономическому росту // *Экономическое возрождение России.* 2021. № 1(71). С. 14–31.
2. *Белоусов А.Р.* Курс рубля находится в оптимальной для экономики зоне. Заявление для прессы. 2023. <https://tass.ru/ekonomika/18027439>
3. *Веденеева Н.* Ученые написали письмо премьер-министру о недопустимости сокращения финансирования науки. 2022. <https://www.mk.ru/science/2022/08/30/uchenye-napisali-pismo-premerministru-o-nedopustimosti-sokrasheniya-finansirovaniya-nauki.html>
4. Встреча с молодыми учеными. 1 декабря 2022 года, Сочи. Президент РФ. <http://special.kremlin.ru/catalog/keywords/39/events/69967>

5. *Герейханова А.* Путин про зарплаты ученых: «Где деньги, Зин?» 2021. <https://rg.ru/2021/02/08/putin-pro-zarplaty-uchenyh-gde-dengi-zin.htm>
6. *Долматова С.А.* Кризис социального государства: политэкономический аспект: Научный доклад. М.: ИЭ РАН, 2017. С. 7. https://www.inecon.org/docs/2017/Dolmatova_paper_2017.pdf
7. *Мишустин М.* Видеообращение к участникам, организаторам и гостям Международного молодежного промышленного форума «Инженеры будущего». 2023. <http://government.ru/news/48840/>
8. *Набиуллина Э.* Выступление на IX Всероссийском конгрессе волонтеров финансового просвещения. 2023. <https://cbr.ru/press/event/?id=16850>
9. Пленарное заседание Петербургского международного экономического форума. Владимир Путин принял участие в пленарном заседании XXVI Петербургского международного экономического форума. Президент России. 2023. kremlin.ru
10. Правительство утвердило Концепцию технологического развития до 2030 года. Распоряжение от 20 мая 2023 г. №1315-р. Новости правительства РФ. <http://government.ru/news/48570/>
11. Предложения по мерам социальной политики в условиях комплексных санкций. Институт ВЭБ. 2022. <http://inveb.ru/ru/articles-menu/796-predlozheniya-po-meram-sotsialnoj-politiki-v-usloviyakh-kompleksnykh-sanktsij>
12. *Решетников М.* Стенограмма доклада Максима Решетникова на заседании президиума Правительственной комиссии по повышению устойчивости российской экономики в условиях санкций. 6 июля 2022. https://www.economy.gov.ru/material/news/stenogramma_doklada_maksima_reshetnikova_na_zasedanii_prezidiuma_praavitelstvennoy_komissii_po_povysheniyu_ustoychivosti_rossiyskoj_ekonomiki_v_usloviyah_sankciy.html
13. *Чернышенко Д.* Бюджет на науку будет приоритизирован под задачи экономики. Новости правительства РФ. 2022. <http://government.ru/news/46020/>
14. https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/itog-monitor_01-2023.htm
15. <https://www.oecd.org/science/>

Раздел 2

ВОСПРОИЗВОДСТВО
ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА
В СФЕРЕ ТРУДА

Е.С. Кубишин

к.э.н., старший научный сотрудник,
ИЭ РАН

НОВЫЕ ФОРМЫ НЕСТАНДАРТНОЙ ЗАНЯТОСТИ КАК ВЫЗОВ РОССИЙСКОМУ РЫНКУ ТРУДА

В статье рассматриваются новые формы нестандартной занятости, в последние полтора десятилетия являющиеся активно растущим сегментом российского рынка труда и оказывающие заметное воздействие на человеческий потенциал страны. Отмечены объективные факторы, обусловившие расширение круга занятых в нестандартных формах (развитие и проникновение информационно-коммуникационных технологий во все сферы жизнедеятельности, пандемия COVID-19 и экономические санкции, выступившие катализатором указанных изменений). Обращено внимание на отсутствие четких трактовок разных форм нестандартной занятости. Дано авторское толкование таких ее видов, как фриланс, самозанятость, платформенная занятость. Рассмотрены преимущества и недостатки новых форм нестандартной занятости. Особое внимание уделено условиям, безопасности, гигиене и охране труда, которые являются практически неизученным и неурегулированным аспектом нестандартной занятости. В заключение отмечается слабость и недостаточность регулирования современных форм нестандартной занятости в России, исследованы возможности и направления развития этого ракурса социально-трудовых отношений.

Ключевые слова: нестандартная занятость, формы нестандартной занятости, самозанятость, фриланс, платформенная занятость, аренда персонала, заемный труд, регулирование нестандартной занятости, человеческий потенциал.

Одним из серьезных вызовов человеческому потенциалу на рубеже второго и третьего тысячелетия стала трансформация сферы занятости, появление и активное распространение новых форм нестандартной занятости, обусловленные целым рядом глобальных факторов, в числе которых формирование постиндустриальной экономики, приведшее к необходимости усиления гибкости рынка труда; резко выросшие темпы научно-технического прогресса на основе стремительного развития и внедрения информационно-коммуникационных технологий и искусственного интеллекта (ИИ); интенсив-

ная цифровизация экономики и всех сторон общественной жизни. Продолжавшаяся три года пандемия COVID-19 дала дополнительный стимул этим процессам и выступила катализатором многих сдвигов в сфере занятости, породила ряд серьезных проблем, затронувших практически все аспекты социально-трудовых отношений: условия труда, формы организации деятельности, возможности занятости и т. д.

Эти изменения не обошли стороной и российский рынок труда. Их следствием стало появление и активное распространение таких новых форм нестандартной занятости, как фриланс, самозанятость, платформенная занятость, аутстаффинг, аутсорсинг, лизинг персонала и т. п., осуществляемых во многих случаях посредством дистанционной (удаленной) работы, отличающихся слабой социальной защищенностью вовлеченных контингентов (или ее полным отсутствием) и наличием, в большей или меньшей степени, неформального компонента. В России их распространение стремительно растет и, по отдельным оценкам, уже превысило 43% в общей структуре занятости населения¹.

Нестандартная занятость — отнюдь не новое явление на рынке труда, отдельные ее формы существовали и раньше. К таким «старым», традиционным формам нестандартной занятости можно отнести надомный труд по найму, временную занятость, труд кустарей и т. п. Однако в российском законодательстве само понятие *нестандартной занятости*, как и ее антонима — *занятости стандартной*, отсутствует. Наиболее распространенная в научной литературе трактовка последнего термина, предложенная еще в 2006 г. В.Е. Гимпельсоном и Р.И. Капелюшниковым [1. С. 16], предполагает работу по найму в режиме полного рабочего времени на предприятии или в организации на основе бессрочного трудового договора под непосредственным руководством работодателя или назначенных им менеджеров. Именно занятость, соот-

1. https://zakon.ru/blog/2021/09/30/nestandartnye_formy_zanyatosti_kak_faktor_izmeneniya_v_trudovyh_pravootnosheniyah (дата обращения 20.06.2023).

ветствующая этому стандарту (нормы которого, как и некоторые допустимые отклонения от них, прописаны в Трудовом кодексе РФ), обеспечивает работнику весь набор гарантий и прав, делающих его труд социально защищенным. То, что не соответствует этому стандарту, рассматривается как *занятость нестандартная* и не гарантирующая работнику установленных законодательством прав, однако придающая рынку труда необходимую гибкость социально-трудовых отношений.

Вместе с тем приведенная выше трактовка стандартной и нестандартной занятости как работы по найму отличается от содержания ст. 1 Закона «О занятости населения в Российской Федерации», где она рассматривается шире — как деятельность, связанная с удовлетворением личных и общественных потребностей, не противоречащая законодательству Российской Федерации и приносящая им, как правило, заработок, трудовой доход, т.е. включающая и предпринимательскую деятельность².

В последние годы по мере распространения новых форм нестандартной занятости и актуализации данной проблематики круг ее исследований в России заметно расширился [2, гл. 11; 3; 4. С. 11–18, 23–35; 5; 6; 7], однако по-прежнему отсутствует четкое и однозначное определение как самого явления и его составляющих, так и различий между ними, что усложняет и порождает противоречивость количественных оценок, равно как и оценку воздействия неформальной занятости и ее отдельных форм на российский рынок труда и социально-трудовые отношения, а также определение возникающих в этой связи проблем и возможных направлений их решения.

Самозанятость vs фриланс

Новые формы нестандартной занятости чаще всего, но не всегда, правомерно отождествляются с самозанятостью, поскольку в российской науке четкое определение данного

2. Федеральный закон от 20 апреля 1996 г. №36-ФЗ «О занятости населения в Российской Федерации» (в редакции от 1 марта 2022 г.). Ст. 1, 2.

термина отсутствует. Так, в законодательстве РФ под самозанятостью понимается проводимый в период 2019–2029 гг. эксперимент по установлению *особого налогового режима*, предполагающий уплату налога на профессиональный доход (НПД)³. При этом сам эксперимент задумывался с целью «обеления» теневой занятости, сокращения ее размеров и выведения «из тени» получаемых в этой сфере доходов⁴.

Однако наряду с этим получила распространение трактовка самозанятости как особой формы занятости – трудовой деятельности лиц, самостоятельно обеспечивающих себя работой и выполняющих ее, организующих свою деятельность и взаимоотношения с клиентами-заказчиками на свой страх и риск.

Самозанятыми, в принципе, могут быть представители многих категорий занятых. Однако их положение в системе трудовых отношений двойственно. С одной стороны, они являются трудящимися, работающими самостоятельно без привлечения других лиц по найму, и в случае регистрации в Федеральной налоговой службе (ФНС) в качестве плательщиков НПД вроде бы получают некий официальный формальный статус. Простота предусмотренной процедуры регистрации и льготный режим налогообложения (в размере 4 или 6%) обусловили быстрый и резкий (в 23 раза за 4,5 года) скачок численности самозанятых: с 330 тыс. на конец 2019 г. до 7,6 млн к июню 2023 г.⁵ (рис. 1). Ожидается, что к концу 2023 г. численность самозанятых превысит 8 млн чел., т. е. составит более 10% рабочей силы страны⁶. При этом, согласно критериям Росстата, плательщики НПД относятся к занятым в неформальном секторе.

3. Федеральный закон от 27 ноября 2018 г. №422-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима “налог на профессиональный доход” (в редакции от 28 декабря 2022 г., так называемый Закон о самозанятости).

4. Согласно расчетам автора, теневая занятость в России в последние годы стабильно превышала 15 млн чел. (это свыше 20% рабочей силы страны), а теневые доходы составляли примерно 10 трлн руб. [8].

5. <https://rmsp.nalog.ru/statistics2.html> (дата обращения 15.06.2023).

6. <https://ria.ru/20230131/zanyatost-1848550260.html> (дата обращения 15.01.2023).

С другой стороны, самозанятых можно рассматривать как предпринимателей, действующих на свой страх и риск и самостоятельно обеспечивающих себя не только работой, но и средствами труда, и несущих ответственность за свою деятельность, в том числе перед надзорными органами. Однако в данном вопросе мнения экспертов расходятся. Так, общественный омбудсмен по вопросам защиты прав предпринимателей на специальных режимах налогообложения М. Блудян считает, что воспринимать плательщиков НПД именно как предпринимателей нельзя, поскольку, по ее мнению, это не бизнес, а профессиональные услуги⁷, а авторы исследования [9], проведенного в июле 2022 г. компанией Strategy Partners⁸, полагают, что в России данная категория занятых представлена двумя основными группами: самозанятыми-предпринимателями (к которым относят себя 37% опрошенных исследователями) и самозанятыми-профессионалами (каковыми считают себя 63% из 1500 респондентов).

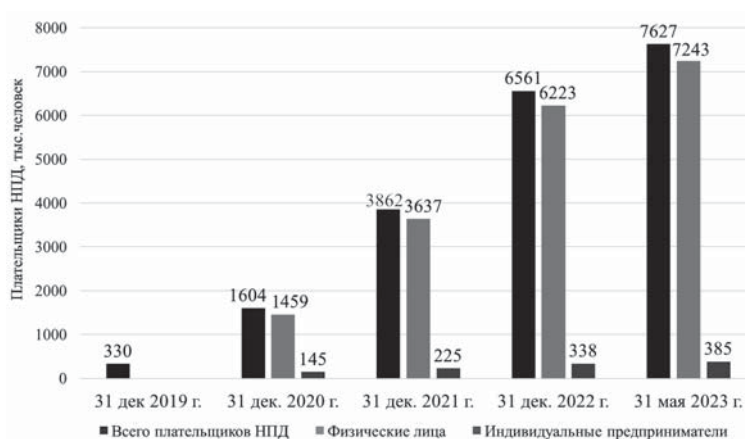

Рис. 1. Динамика численности зарегистрировавшихся в качестве плательщика налога на профессиональный доход (НПД), тыс. чел.)
 Источник: данные ФНС.

7. <https://ria.ru/20230131/zanyatost-1848550260.html> (дата обращения 15.01.2023).
8. Strategy Partners – ведущая российская консалтинговая компания, специализирующаяся на исследованиях, разработке стратегий, цифровой трансформации и их внедрении в практику бизнеса. Входит в экосистему Сбера.

Оба приведенных выше подхода не представляются правомерными, так как предпринимательская компонента, по сути, в большей или меньшей степени — неотъемлемое свойство самозанятости. Однако и позиция Strategy Partners не вполне оправдана и не согласуется с данными ФНС, согласно которым индивидуальных предпринимателей среди самозанятых немногим более 5%.

На практике, однако, самозанятость нередко остается прикрытием фактической работы по найму (т.е. вполне стандартной занятости), но без заключения трудового договора. Это ощутимо снижает налоговую нагрузку как для работодателей, так и для самих таких «фиктивных самозанятых» (правда, практически не обеспечивает последних никакими социальными гарантиями в виде оплачиваемых отпусков и сверхурочных, больничных, пенсионных отчислений и пр.), а работодателям позволяет снижать заработок, выплачивать его нерегулярно или вообще задерживать (в силу отсутствия трудового договора, где вопросы оплаты труда, как правило, четко фиксируются). Так, уже в первую волну пандемии коронавируса (первое полугодие 2020 г.) многие фирмы нанимали сотрудников, оформляя их как самозанятых, либо переводили в этот статус уже работающих. По закону, прежний работодатель в течение двух лет не имеет права прибегать к услугам самозанятых, бывших ранее его штатными работниками, и для этого, как правило, используется подставная фирма⁹. По оценке профсоюзов, в 2020 г. подобную трансформацию претерпели порядка 400 тыс. занятых¹⁰. В настоящее время услугами самозанятых пользуется уже каждая пятая российская компания¹¹.

Наибольший вклад в стремительный рост самозанятости внесли физические лица: за последние 3,5 года численность этой группы увеличилась в 5 раз, тогда как самозанятых-инди-

9. <https://ria.ru/20200828/samozanyaty-1576410079.html> (дата обращения 21.11.2021).

10. Самозанятых выводят из тени. <https://www.kommersant.ru/doc/5317608> (дата обращения 18.03.2022).

11. Коммерсантъ. 2023. 10 февр. № 25. С. 2.

видуальных предпринимателей – только в 2,6 раза. При этом отнюдь не все плательщики НПД реально его уплачивают. Так, по данным ФНС на 31 мая 2023 г., из числа зарегистрированных в данном налоговом режиме физических лиц (7,2 млн чел.) доход задекларировали всего 66% (4,8 млн чел.), т.е. свыше 30% дохода не имели¹².

Следует также отметить незначительные размеры получаемого самозанятыми дохода. По оценкам Минфина, размер среднего дохода самозанятого составляет 25–35 тыс. руб., что на 40–50% меньше среднего заработка наемного работника в российской экономике¹³. Согласно данным ФНС, в 2022 г. величина среднегодового дохода самозанятых составила всего 260 тыс. руб., т.е. менее 22 тыс. руб. в месяц¹⁴. Это дает основание предположить, что самозанятость рассматривается ее участниками скорее как подработка, а не как основной источник средств к существованию (либо получаемый доход частично или полностью утаивается)¹⁵.

Не все радужно и с размерами уплачиваемого самозанятыми НПД. На начало марта 2023 г. – за все время эксперимента (четыре с небольшим года) – его участники зарегистрировали более 1,9 трлн руб. дохода, НПД с которого составил 81 млрд руб., или 4,3%¹⁶. Такой размер налога несколько противоречит данным официальной статистики, которая показывает, что в 62,5% случаев деятельность самозанятых осуществляется в пользу юридических лиц и инди-

12. https://www.rsmf_stat_sz_2023-05-31 (дата обращения 18.06.2023).

13. Коммерсантъ. 2022. 18 февр. №30. С. 2.

14. https://www.rbc.ru/opinions/own_business/18/04/2023/643d30309a7947a791f116f8 (дата обращения 17.05.2023).

15. Согласно так называемому Закону о самозанятости (№422-ФЗ), НПД (в размере 4 или 6%) облагается весь полученный самозанятым доход, включая издержки. Кроме того, к уплачиваемому налогу добавляются пенсионные взносы и взносы на социальное страхование, если самозанятый делает их добровольно (для индивидуальных предпринимателей, не являющихся самозанятыми и находящихся на упрощенной системе налогообложения (УСН), такие взносы уменьшают размер налоговых платежей). Возможно, именно поэтому самозанятые не горят желанием добровольно присоединяться к системе государственного пенсионного страхования и платить соответствующие взносы.

16. <https://sznpd.ru/statistika/> (дата обращения 18.06.2023).

видуальных предпринимателей (с доходов, от которых НПД должно уплачиваться по ставке 6%), доля же работ в пользу физических лиц (облагаемых налогом по ставке 4%) составляет только 37,5%¹⁷. Согласно этим показателям, размер уплаченного НПД, по нашим расчетам, должен был бы превысить реальный примерно на 23% и составить около 100 млрд руб. (т.е. 5,3% полученного дохода с учетом так называемого налогового вычета в размере 10 тыс. руб., который каждый самозанятый получает при регистрации).

Перечисленные обстоятельства, вкупе с рядом других «подводных камней», свойственных данному налоговому режиму¹⁸, явно не способствуют полному «обелению» сферы занятости, на что был рассчитан эксперимент с НПД. Об этом свидетельствуют и результаты упоминавшегося выше исследования компании Strategy Partners, которое показало, что из числа опрошенных зарегистрированных самозанятых остаться таковыми и в будущем планируют только 40%, 22 не определились, а 4% планируют уйти в «серую экономику»

17. https://www.rbc.ru/opinions/own_business/18/04/2023/643d30309a7947a791f116f8 (дата обращения 17.05.2023).

18. Например, получаемый самозанятым доход подлежит регистрации в приложении «Мой налог», которое затем автоматически рассчитывает НПД, подлежащий уплате ежемесячно (до 25 числа месяца, следующего за тем, когда доход был получен), причем если налог не оплатить вовремя, то за каждый день просрочки начисляются пени (в отличие от самозанятых юридические лица и ИП, не являющиеся самозанятыми, платят налоги раз в квартал или вообще раз в год). Кроме того, отнюдь не весь получаемый доход может регистрироваться самозанятым (особенно если он поступает в наличной форме), а значит, с этой части выручки налог рассчитан и уплачен не будет. Есть сложности и с определением, чем можно заниматься самозанятому, так как в законе (№422-ФЗ) указаны только ограничения по видам деятельности (например, для оказания медицинских услуг необходимо наличие соответствующей лицензии, которую могут получить только ИП и организации). То же относится и к запрету производства и реализации самозанятыми ряда видов продукции (подакцизных товаров, полезных ископаемых и т.п.), перечень которых ежегодно расширяется. Официально зарегистрированные самозанятые также не вправе претендовать на налоговые вычеты за покупку недвижимости, лечение и образование (как свое, так и детей), так как они полагаются только плательщикам НДФЛ, доходы от самозанятости им не облагаются. Наконец, сохраняет остроту вопрос социальной защиты для более 7 млн самозанятых, уже вставших на налоговый учет. На сегодняшний день для них доступны добровольные взносы на будущую пенсию, которые они могут делать самостоятельно (вопрос о взносах по социальному страхованию пока не решен). Однако размеры этих взносов и отмеченный выше невысокий уровень доходов от самозанятости заставляют сомневаться в широком распространении подобной практики. Подробнее об этом см.: [10. С. 36].

(причем среди самозанятых, сотрудничающих с платформами, таких оказалось 6%) [9].

Фриланс – в настоящее время новейший и наиболее динамично развивающийся сегмент российского рынка труда (за рубежом эта форма нестандартной занятости появилась несколько раньше), который очень часто даже специалисты полностью отождествляют с самозанятостью. Так, даже директор Национальной гильдии фрилансеров К. Аношин в своем интервью изданию Business Excellence¹⁹ использует эти понятия как равнозначные (хотя в самом тексте не раз подчеркивает специфику фрилансеров, называя их «цифровыми воротничками», т.е. людьми современных интеллектуальных профессий, таких как программисты, дизайнеры, разработчики веб-приложений)²⁰. Поэтому трактовка этих понятий как идентичных представляется неверной в силу различий осуществляемой деятельности, что очень затрудняет оценку количественных параметров обоих феноменов, их роли и вклада в экономику.

Во-первых, *самозанятость*, как уже отмечалось, это прежде всего особый налоговый режим с довольно четкими ограничениями по видам деятельности и размерам получаемых доходов, тогда как *фриланс* – это, скорее, *тип деятельности*, основанный на использовании информационно-коммуникационных технологий и свободной форме занятости (хотя ясного определения терминов «фриланс» и «фрилансер»²¹ нет ни в российском законодательстве, ни в специальной литературе).

Фрилансеры могут оформлять свою деятельность как самозанятые и имеют право работать по широкому кругу договоров гражданско-правового характера (ГПХ). Кроме

19. Business Excellence – ежемесячный профессиональный деловой журнал, издаваемый РИА «Стандарты и качество» (старейшее бизнес-издание современной России – выходит с 1996 г., предназначено для топ-менеджеров и управленцев высшего и среднего звена).

20. <https://ria-stk.ru/ds/adetail.php?ID=212324> (дата обращения 12.07.2023).

21. В переводе с английского freelance означает свободная или внештатная работа. Сам термин впервые употребил В. Скотт в романе «Айвенго» для обозначения средневекового наемного воина.

того, фрилансер может быть не только самозанятым, но и оформить свою деятельность как индивидуальный предприниматель (ИП) или юридическое лицо (ООО) и, соответственно, иметь право нанимать работников. Однако фрилансер может быть и физическим лицом без специального налогового статуса и работать «в тени»²². По данным исследования Национальной гильдии фриланса (НГФ), проведенного в феврале 2023 г., 37% опрошенных фрилансеров составили самозанятые, 11% являлись ИП или организацией и более половины (52%) находились в статусе физического лица (причем для 60% респондентов фриланс являлся основным форматом заработка) [11].

О наличии во фрилансе значительного теневого компонента свидетельствуют также данные, что 37% заказчиков услуг цифровой удаленной работы не составляют договор, фиксируя договоренности в электронной переписке, а 21% — работают только по устным договоренностям²³.

Во-вторых, фрилансеры *всегда работают удаленно* от клиента (иногда очень удаленно — на другом конце планеты²⁴), самостоятельно выбирая конкретное место выполнения заказа (у себя дома, в интернет-кафе или в какой-либо другой локации), а с заказчиком общаются преимущественно через Интернет, тогда как для многих самозанятых выполнение ряда видов работ или оказание услуг (персональных, ремонтных, бытовых, репетиторских, транспортных и т.п.) невозможно без непосредственного общения с заказчиком у него на дому, в офисе, в транспортном средстве либо в помещении, специально арендованном исполнителем для этих целей.

В-третьих, *работа фрилансеров — это преимущественно деятельность интеллектуального характера* (аналитиче-

22. В данном случае теневую занятость как не имеющую никакого легального оформления и налогового статуса следует отличать от неформальной занятости в трактовке Росстата.

23. <https://trends.rbc.ru/trends/social/60c8e3139a79472ba64fde35> (дата обращения: 17.05.2023).

24. По мнению экспертов, доля российских фрилансеров, работающих из-за границы, составляет около 10%. <https://www.forbes.ru/finansy/492818-dohod-rossijskih-frilanserov-vyros-na-53-god-k-godu-i-dostig-5-3-mlrd-rublej> (дата обращения 02.06.2023).

ская, креативная, творческая и т.п.), основными направлениями которой, согласно данным ИТ-холдинга TalentTech, Национального исследовательского университета Высшая школа экономики (НИУ ВШЭ) и биржи фриланса FL.ru, являются дизайн и компьютерная графика (58% фрилансеров), разработка и поддержание веб-сайтов (46%), программирование (38%), создание текстов и копирайтинг (32%), реклама и маркетинг (24%)²⁵.

В-четвертых, фрилансеры как квалифицированные специалисты в среднем зарабатывают больше менее квалифицированных самозанятых. При среднем доходе одного самозанятого, ненамного превышающем 22 тыс. руб. в месяц (см. выше), средний месячный доход фрилансера (хотя и зависит от вида выполняемой работы и опыта специалиста), по данным платформы Solar Staff²⁶, составляет порядка 100 тыс. руб., а у 9–10% — превышает 300 тыс.²⁷ В годовом исчислении это составляет более 3,6 млн руб., т.е. в 1,5 раза выше порога годового дохода, установленного для льготного налогообложения самозанятых.

Резюмируя приведенные выше соображения, *представляется целесообразным считать фрилансом дистанционную деятельность независимых работников посредством сети Интернет, реализующих для выполнения заказов свои креативные способности и навыки за вознаграждение*. При этом следует констатировать, что самозанятость и фриланс — пересекающиеся, но не тождественные понятия, и степень пересечения соответствующих множеств требует специального изучения.

25. В сумме приведенные данные не составляют 100%, так как один и тот же фрилансер может выполнять работы, относящиеся к разным видам. Свобода по выбору: настоящее и будущее фриланса в России. <https://trends.rbc.ru/trends/social/60c8e3139a79472ba64fde35> (дата обращения 17.05.2023).

26. Компания Solar Staff — существующая с 2014 г. российская платформа для работы с фрилансерами и удаленными сотрудниками.

27. <https://www.forbes.ru/finansy/492818-dohod-rossijskih-frilanserov-vyros-na-53-god-k-godu-i-dostig-5-3-mlrd-rublej> (дата обращения 02.06.2023).

Следствием отсутствия четких трактовок фриланса стало огромное расхождение количественных оценок фрилансеров: от нескольких миллионов человек до более чем половины российских работников²⁸. По итогам исследования российского подразделения международной сети консалтингово-аудиторских компаний PricewaterhouseCoopers (PwC)²⁹, российский рынок фриланса по темпам роста занимает второе место в мире (после США). В 2020 г. страна вошла в пятерку государств по объему этого рынка, оборот которого в денежном выражении составил 41 млрд долл., а к 2025 г., как предполагается, достигнет 102 млрд³⁰.

Стремительное развитие фриланса в России, увеличившегося за период с 2014 г. по настоящее время, согласно имеющимся оценкам, более чем в 6 раз по числу вовлеченных работников (с 3 до 19,3 млн чел.)³¹, стало следствием проникновения высоких технологий в сферу занятости. Причем в развитии этой формы нестандартной занятости пандемия COVID-19 выступила катализатором, обусловив активное включение в нее в 2020–2023 гг. таких категорий работников, как инженеры-проектировщики и разработчики, преподаватели, психологи, журналисты, юристы и бизнес-и профконсультанты. Результатом столь динамичных сдвигов стало даже появление термина «фриланс-революция»³².

28. Фрилансер: кто это и чем занимается. <https://goldengalaxy.ru/rabota-i-karera/frilanser-kto-eto-chem-zanimaetsya> (дата обращения 20.10.2022).

29. В апреле 2022 г. PwC ушла из России, а ее российское подразделение продолжило работу под новым названием – «Технологии доверия».

30. Исследование рынка фриланса. <https://www.pwc.ru/ru/publications/issledovaniye-rynka-freelance-uslug.html> (дата обращения 03.12.2022). В ноябре 2022 г. объем российского рынка фриланса оценивался экспертами ЦСР в 47 млрд долл. (≈2,9 трлн руб.). https://www.ng.ru/economics/2022-10-13/4_8565_russians.html (дата обращения 28.11.2022).

31. https://new-retail.ru/business/personal/rossiyskiy_rynok_frilanserov_v_kakikh_oblastyakh_rabotayut_i_kakie_vygody_daet_partnerstvo_s_nimi/ (дата обращения 15.07.2023). Однако есть основания полагать, что приведенная цифра в 19,3 млн фрилансеров завышена и включает не только цифровых удаленных работников, но иных самозанятых в соотношении примерно 65:35, тем более, что, согласно тому же источнику, в ближайшие годы число фрилансеров достигнет 25 млн чел., из которых самозанятых будет более 10 млн.

32. <https://leader-id.ru/events/248849> (дата обращения 11.07.2023).

Платформенная занятость и аренда персонала

Распространенным способом организации деятельности как самозанятых, так и фрилансеров все чаще является *платформенная занятость*, которую можно определить как особый и чрезвычайно гибкий формат нестандартной занятости, основанный на использовании платформ-агрегаторов и цифровых технологий как посреднического звена между клиентами — заказчиками работ (организациями, фирмами и физическими лицами) и их исполнителями (ИП, самозанятыми, фрилансерами и т.п.).

В России, как и в мире, развитие и этой формы нестандартной занятости также подхлестнула пандемия COVID-19, активизировавшая использование практики удаленной работы. Однако она пока никак не урегулирована юридически, не формализована и практически не встроена в сложившуюся систему социально-трудовых отношений. При этом, по мнению специалистов из НИУ ВШЭ и Центра стратегических разработок (ЦСР), попытка вписать эту систему «в прокрустово ложе традиционного трудового законодательства» может привести к ее разрушению, «нивелировать все преимущества платформ» [5. С. 7] и вернуть значительную часть этой «новой бизнес-модели» и «новой формы занятости» «в тень» [7. С. 11–12, 57]³³.

Нечто подобное произошло с российским аутстаффингом (арендой персонала), также причисляемым к новым формам нестандартной занятости. Под *аутстаффингом* понимается *особый способ организации работы с сотрудниками, де-юре числящимися (оформленными) в штате агентства-аутстаффера, но фактически работающими на другого рабо-*

33. Авторы данного доклада трактуют платформенную занятость как трехстороннее взаимодействие онлайн-платформ, платформенных занятых, т. е. физических лиц, оказывающих услуги через онлайн-платформы, и клиентов (заказчиков). При этом подчеркивается, что платформенная занятость представляет собой промежуточную форму занятости между трудом по найму и деятельностью на себя, что порождает целый ряд проблем: от нормативно-правовой квалификации таких работников до вопросов ответственности за их социальную защищенность.

тодателя-заказчика на основе договора об использовании их труда, заключенного между первым и вторым. За использование таких работников агентство-аутстаффер получает от работодателя-заказчика комиссионное вознаграждение в размере 10–20% с каждой заработной платы используемого таким образом работника.

Аутстаффинг, активно развивавшийся в России в первые полтора десятилетия XXI в., когда его регулирование практически отсутствовало, в то время представлял собой вывод сотрудников за штат с последующим их использованием в той же компании, но уже не по трудовому договору, что оказалось очень выгодно для работодателя, так как позволяло существенно экономить на отчислениях в социальные фонды (Пенсионный, Социального страхования, с 1 января 2023 г. объединенные в единую организацию под названием «Социальный фонд России»³⁴, Фонд обязательного медицинского страхования), на различных компенсациях, а также снять с себя всякую ответственность за персонал. Но как только аутстаффинг подвергся жесткой ограничительной регламентации на основе Федерального закона № 116³⁵ и соответствующих поправок в ТК РФ (ст. 56.1 и гл. 53.1), вступивших в силу с 1 января 2016 г., его использование в России резко пошло на спад³⁶.

34. Федеральный закон от 14 июля 2022 г. № 236-ФЗ «О Фонде пенсионного и социального страхования Российской Федерации».

35. Федеральный закон от 5 мая 2014 г. № 116-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (так называемый закон О заемном труде).

36. Согласно внесенным в законодательство изменениям аренда работников возможна теперь только у аккредитованных частных агентств занятости (аутстафферов), состоящих в специальном Реестре, имеющих уставный капитал не ниже 1 млн руб., не имеющих задолженности по налогам и взносам и использующих общий режим налогообложения (спецрежимы не допускаются); у арендуемых с агентством-аутстаффером должен быть заключен трудовой договор, а оплата их труда не должна быть ниже, чем у штатного персонала на аналогичных должностях у арендатора; аренда персонала возможна исключительно на условиях временной занятости (не дольше 9 мес.) и должна быть связана с расширением объемов деятельности либо заменой временно отсутствующих штатных работников; не допускается аренда работников для замены бастующих, использования в особо опасных или вредных условиях труда либо если предприятие находится под угрозой банкротства и др.

В результате, по подсчетам Ассоциации частных агентств занятости (АЧАЗ), объем рынка заемного труда в течение года сократился почти в 3 раза (с 36,6 млрд руб. в 2015 г. до 12,7 млрд руб. в 2016 г.), услуги аутстаффинга подорожали на 30–40%, а стоимость временного сотрудника оказалась сопоставимой с таковой штатного работника³⁷. Аутстаффинг в ряде случаев стал заменяться *аутсорсингом*, который в России пока не подвергся серьезной регламентации. Последний, по сути, представляет собой не аренду персонала, а передачу компанией-заказчиком выполнения части своих производственных или бизнес-процессов (например, ведения бухгалтерии и (или) кадрового учета, маркетинга, некоторых ремонтных и строительных работ, клининга и т.п.) другой компании (аутсорсеру) на основе договора возмездного оказания услуг, регулируемого нормами гражданского, а не трудового законодательства. При этом выполнение соответствующих работ оплачивается на основе такого договора, а обязанность выплаты заработной платы работникам, выполняющим заказанные работы (услуги), как и всех положенных налогов, возложена на аутсорсера³⁸.

Следует, однако, отметить, что аренда персонала принципиально отличается от таких форм нестандартной занятости, как самозанятость, фриланс и платформенная занятость, в большинстве случаев соединяющих в себе личную трудовую деятельность с элементами предпринимательства. Арендованный персонал, по сути, обладает практически всеми признаками традиционных наемных работников с той только разницей, что нанимателем выступает один работодатель (арендодатель), а работа осуществляется на другого (арендатора) и может производиться как на его территории

37. Аутстаффинг в России: мертв или жив. <https://pro.rbc.ru/demo/5d0a21bc9a7947373e956ed8> (дата обращения 28.11.2022).

38. В последние годы аутсорсинговые агентства помимо своих прямых видов деятельности активно занялись предоставлением в аренду персонала из числа гестарбайтеров. В результате только в 2020 г. (первый год пандемии) объем рынка аутсорсинга, по данным АЧАЗ, увеличился на 13,7% (до 243 млрд руб.) (Кадровое импортозамещение. https://www.kommersant.ru/doc/5490631?from=doc_vrez (дата обращения 22.10.2022)).

и его рабочих местах, так и удаленно, а значит, такой персонал должен обладать и всеми правами наемных работников, закрепленными российским законодательством о труде. И в этом плане ничего не меняет официальное запрещение заемного труда, установленное ст. 56.1 ТК РФ, а затем иезуитски допущенное (с некоторыми ограничениями в виде временного характера такой занятости у арендатора) в гл. 53.1 того же документа под названием «Особенности регулирования труда работников, направляемых временно работодателем к другим физическим лицам или юридическим лицам по договору о предоставлении труда работников (персонала)»³⁹.

Характеризуя количественные параметры платформенной занятости в России, следует отметить, что оценить их сложно как по причине высокой динамичности развития самих платформ-агрегаторов, так и из-за отсутствия официального статистического учета этой сферы, четкого определения понятий «платформа» и «платформенный занятый» и, как следствие, единообразной методики такого учета, а также из-за наличия в этой форме занятости значительного неформального компонента.

В результате главным источником количественных данных о платформенной занятости остаются выборочные обследования на основе опросов, проводимые по разным методикам и исходя из разных концептуальных подходов, результаты которых существенно расходятся, а нередко и противоречат друг другу⁴⁰. Более репрезентативными представляются результаты опросов, проводимых Институтом социальной политики НИУ ВШЭ по более широкой и репрезентативной

39. Трудовой кодекс Российской Федерации. Принят Государственной Думой 21 декабря 2001 г. (в действующей редакции от 13 июня 2023 г.). Под заемным в ст. 56.1 ТК РФ понимается труд, осуществляемый работником по распоряжению работодателя в интересах, под управлением и контролем физического или юридического лица, не являющегося работодателем данного работника.

40. В качестве примера можно привести уже упоминавшийся доклад ЦСР [7] и аналитический доклад ИСП НИУ ВШЭ [12]. Оба исследования проводились в одно время (апрель 2022 г.), но из-за расхождений в концептуальных подходах и поставленных задачах дали существенно различающиеся результаты.

выборке в 12 тыс. чел. в возрасте 18–72 лет (у ЦСР – немногим более 2000 чел.). Оценка ИСП НИУ ВШЭ на апрель 2022 г. дала примерно 15,5 млн жителей России, работающих на платформах, из которых только для 1,7 млн (10,9%) эта форма занятости является основной, остальные подрабатывают на платформах эпизодически или более-менее регулярно [12. С. 9]. По данным ЦСР, платформенную занятость как основной источник дохода назвали 86% респондентов [7. С. 16]. Однако следует отметить, что в России нет четко установленного критерия, какой объем работы в рамках платформы считать основной. Так, в странах Европейского союза таковой считается работа, когда «работник предоставляет трудовые услуги через платформы по крайней мере ежемесячно и тратит не менее 20 часов в неделю на работу на платформе или получает не менее 50% своего дохода через платформы» [12. С. 12].

В настоящее время существуют две основные возможности работы на платформах: легальное оформление сотрудничества для ИП и самозанятых и незарегистрированная (т.е. теневая) занятость. Об ориентировочном соотношении этих категорий можно судить по данным последнего обследования ИСП НИУ ВШЭ, представленным в табл. 1, из которых следует, что в платформенной занятости присутствует весьма

Таблица 1. Распределение респондентов, имеющих опыт платформенной занятости, по степени легальности оформления выполненной работы и статусу занятости (апрель 2022 г.)

Способ оформления выполненной на платформе работы (услуг)	Доля оформляющих работу данным способом, %	Из числа платформенных занятых, полностью или частично оформляющих выполненные работы, %
Полностью официальное оформление работы (услуг)	32,7	– Самозанятые – 35 – Оформленные по договору ГПХ или подряда – 32
Оформляется официально только часть работ (услуг)	18,7	– ИП – 15 – Через иные юрлица – 18
Выполнение работ никак не оформляется через платформу	36,2	–
Затруднились с ответом	12,4	–

Источник: [12. С. 10].

значительный теневой компонент, охватывающий свыше трети лиц (36,2%), работающих через платформы постоянно или эпизодически (или даже почти половину, если добавить к ним 12,4% затруднившихся с ответом). А это от 5,6 до 7,5 млн лиц, далеко не все из которых имеют легальный статус на официальном рынке труда.

Сходная картина и во фрилансе, который чаще всего ассоциируют именно с платформенной занятостью, хотя в России свыше половины фрилансеров (53%) за два года, предшествовавших обследованию, ни разу платформы не использовали, находя себе заказы и проекты через родственников, друзей и знакомых, «сарафанное радио» либо рекламируя себя в соц-сетях⁴¹. Причем среди обратившихся к платформам фрилансеров-самозанятых примерно 34%, фрилансеров-ИП – 15% и почти половина (49%) – физические лица без специального налогового статуса⁴². Приведенные данные подтверждают позицию исследователей ИСП НИУ ВШЭ, рассматривающих самозанятость, фриланс и платформенную занятость как нетождественные, но пересекающиеся множества [12. С. 12], т.е. свидетельствуют, что часть фрилансеров сознательно избегает формализации отношений с платформами, рассматривая последние как существенное ограничение свободы, гибкости и независимости фриланс-занятости.

Особый интерес в плане перспектив развития платформенной занятости представляет отношение к платформам самих занятых в нестандартных формах (рис. 2).

По данным исследования компании Strategy Partners, 70% опрошенных рассматривают платформы как полезный посреднический институт (хотя чуть более половины из них сами через платформы не работают либо делают это крайне редко). Однако почти треть (30,1%) респондентов посчитали

41. Отчет [13] подготовлен командой исследователей Московской школы управления «Сколково» и маркетплейса по найму профессиональных фрилансеров для решения бизнес-задач «Профессионалы 4.0» (П4.0) на основе опроса, проведенного в сентябре 2021 г. среди 30000 фрилансеров, зарегистрированных на площадке П4.0.

42. Расчеты автора на основе [13. С. 10–11].

Рис. 2. Оценка платформ занятыми в нестандартных формах
(в % к общему числу респондентов)

Рассчитано по: [9. С. 11].

платформы излишним и ненужным звеном, причем $\frac{2}{3}$ давших такой ответ отметили, что не работают с платформами и никогда не будут с ними взаимодействовать, тогда как остальные (10,4%), хотя и работают через платформы, делают это с целью собрать собственную клиентскую базу и покинуть платформу [9].

Приведенные факты свидетельствуют о проблемах, свойственных не только платформенной занятости как особой формы нестандартной занятости, но и всему явлению в целом.

Плюсы и минусы новых форм нестандартной занятости

К основным преимуществам нестандартных форм занятости, обусловившим их активное развитие в России в последние годы, можно отнести: а) простоту и удобство официальной регистрации для самозанятых; б) низкие ставки налогообложения (кроме всего прочего имеющие целью «обеление» рынка труда и выведение из «тени» части получаемых доходов); в) гибкость и удобство работы, включая режим труда, которые в большинстве случаев определяет не работодатель-заказчик, а работник-исполнитель; г) самостоятельность и независимость осуществляемой деятельности, свобода в выборе заказов; д) возможность совмещать работу с другими видами

деятельности (в том числе с постоянной занятостью) и работать из любого места и пр.

Для работодателей-заказчиков нестандартные формы занятости привлекательны прежде всего возможностью существенной экономии затрат на труд, так как избавляют от обязательных социальных платежей, расходов на оборудование рабочих мест, обучение и охрану труда, позволяют привлекать работников только по необходимости, а не держать постоянно в штате (особенно если специфика работ имеет непостоянный или сезонный характер)⁴³. При этом квалификация и интенсивность труда внештатного сотрудника зачастую выше, чем у штатного⁴⁴. Все это обуславливает дальнейший рост популярности нестандартных форм занятости среди работодателей. Так, услугами самозанятых уже пользуется каждая пятая российская компания, а в сфере логистики и строительства их доля еще выше (соответственно, 30 и 28%)⁴⁵. Возникает даже новый вид сервисов, упрощающих для компаний работу с самозанятыми, организующих их поиск, привлечение, документооборот, оплату выполненных работ и минимизирующих для работодателей риски взаимодействия с такими работниками⁴⁶.

Для экономики и общества в целом развитие нестандартных форм занятости открывает возможность обеспечения доходов населения (особенно его уязвимых групп: молодежи, пожилых, инвалидов, женщин с маленькими детьми), сниже-

43. По данным Reuters, полноценный сотрудник обходится компаниям на 30% дороже, чем независимый временный работник, так как избавляет работодателя от необходимости предоставления дополнительных льгот, оплаты сверхурочных, правовой защиты, гарантий минимальной оплаты труда и т.п. (Россиян затягивает в гиг-экономику // Независимая газета. 2022. 13 окт. https://www.ng.ru/economics/2022-10-13/4_8565_russians.html (07.07.2023)).

44. По мнению директора Национальной гильдии фрилансеров К. Аношина, нанятый по договору ГПХ оказывается для работодателя в полтора раза дешевле, чем работающий по срочному трудовому договору, а один фрилансер – это максимум полтора специалиста (Русский фриланс в цифровом воротничке. <https://xn----8sbgbfirbb0aezowfo9bxjnc.xn--p1ai/post/russkiy-frilans-v-cifrovom-vorotnichke-44> (дата обращения 29.06.2023)).

45. Коммерсантъ. 2023. 10 февр. №25. С. 2.

46. <https://www.forbes.ru/biznes/479900-spros-na-uslugi-samozanatyh-vyros-na-fone-mobilizacii-rabotnikov> (дата обращения 20.10.2022).

ния безработицы, легализации экономической деятельности и повышения собираемости налогов и социальных платежей.

Интенсивный рост новых форм нестандартной занятости является одной из характерных черт современного рынка труда, придающих ему необходимую гибкость и адаптивность к требованиям, диктуемым новым экономическим укладом, выступает своеобразным демпфером в периоды кризисов и нестабильности, позволяя бизнесу оптимизировать расходы и сокращать издержки, в том числе на персонал⁴⁷.

Однако у современных форм нестандартной занятости имеется и обратная сторона: это свойственные им существенные недостатки, проявляющиеся не только в России, но и за рубежом⁴⁸. Характеризуя этот аспект рассматриваемого явления, следует отметить, что во многом негативные стороны нестандартной занятости являются продолжением ее преимуществ. Так, простота оформления, удобство и гибкость новых форм оборачиваются *неопределенностью и неурегулированностью правового статуса работающих на нестандартной основе, непостоянством дохода, нестабильностью и ненадежностью их занятости* (а значит, риском ее прекаризации), *произволом работодателей и платформ-агрегаторов*. Последние пока тоже не имеют официального юридического

47. По оценке экспертов, использование внештатных сотрудников на нестандартных режимах занятости позволяет экономить 15–20% фонда оплаты труда ежемесячно (https://new-retail.ru/business/personal/rossiyskiy_rynok_frilanserov_v_kakikh_oblastyakh_rabotayut_i_kakie_vygoty_daet_partnerstvo_s_nimi/ (дата обращения 19.06.2023)).

48. Проведенный ассоциацией IPSE (некоммерческое объединение самозанятых Англии и Уэльса) еще в 2020 г. опрос показал, что в Великобритании наиболее значимыми недостатками самозанятости были признаны необходимость постоянного поиска новых заказов (отмечено 53% респондентов) и нерегулярный заработок (50%) [14]. Сходные результаты продемонстрировало построенное на тех же принципах исследование, проведенное Московской школой управления «Сколково» и платформой «Профессионалы 4.0» (охватившее, правда, только фрилансеров). Среди топ-4 главных недостатков были названы (в порядке убывания): непрогнозируемый и нестабильный доход (60% респондентов); необходимость самому искать себе клиентов (34%); риск обмана со стороны клиента (его отметили 26% опрошенных, но, как выяснили авторы доклада, с отказом оплачивать заказ хотя бы раз сталкивался каждый второй фрилансер); отсутствие социальных гарантий (25%) [13. С. 19]. Исследование Национальной гильдии фрилансеров России добавило к приведенному выше перечню эмоциональное выгорание, отмеченное 24% респондентов [11].

статуса в России, но будучи важным звеном в организации деятельности платформенных занятых, всячески уклоняются от какой бы то ни было ответственности за них, аргументируя свою позицию тем, что являются всего лишь посредниками, «диспетчерами», не отвечающими за условия работы (хотя и обладающими в этом плане большими возможностями⁴⁹).

Еще одна крайне важная проблема работающих в нестандартных формах — *отсутствие социальной защищенности*. Она существует и за рубежом, но пока еще ни в одной стране полноценно решить ее не удалось. В России у самозанятых нет обязательного государственного социального страхования и пенсионного обеспечения: уплата соответствующих взносов для них является добровольной и оставлена на их усмотрение, а в случае выбора такого варианта — дополнительно сокращает получаемый доход, который, как было отмечено выше, у большинства и так невелик⁵⁰. Исключения составляют только работающие по договорам ГПХ, которые с 2023 г. получили право на пособия по временной нетрудоспособности, беременности и родам, а также по уходу за ребенком⁵¹.

49. Многие агрегаторы в любой момент и без объяснения причин могут запретить доступ к информации о заказах, закрыть или удалить аккаунт исполнителя (например, если у него низкий рейтинг) либо в одностороннем порядке и без предварительного уведомления изменить условия его участия (Центральная профсоюзная газета «Солидарность». <https://www.solidarnost.org/articles/gigadollary-gig-ekonomiki.html> (дата обращения 22.10.2022)).

50. Согласно данным ЦСР, работающие в условиях нестандартной занятости хотели бы иметь ежегодный оплачиваемый отпуск, декретный отпуск, выплаты по больничному листу и в связи с травматизмом. Так, абсолютное большинство платформенных занятых (84%) не реже одного раза в год не могут выйти на работу по причине болезни. Из них свыше четверти приостанавливают работу и живут на сбережения. Еще 40% в случае заболевания или получения травмы оказываются в затруднительных обстоятельствах (22% приостанавливают работу и берут в долг, 18% приостанавливают работу и живут на средства другого члена семьи), 18% продолжают работать, будучи больными или травмированными. Тот же источник отмечает, что особенно значимым отсутствие социальной защищенности является для самозанятых-женщин [7. С. 63, 16].

51. С 1 января 2023 г. на них распространено действие п. 1 ч. 1 ст. 2 Федерального закона от 29 декабря 2006 г. № 255-ФЗ «Об обязательном социальном страховании на случай временной нетрудоспособности и в связи с материнством». Эта законодательная новация имеет целью ликвидировать дискриминацию исполнителей по договорам ГПХ по сравнению со штатными сотрудниками, поскольку ранее такие договоры нередко оформлялись именно для того, чтобы сэкономить на социальных выплатах (отпускных, больничных, страховых взносах и т.д.) (<https://www.garant.ru/ia/opinion/author/kozhemyakina/9-vazhnyh-zadach-kadrovika-v-nachale-2023-goda/> (дата обращения 16.06.2023)).

Помимо социальной незащищенности еще одной проблемой новых форм нестандартной занятости, наносящей ущерб человеческому потенциалу, является *безопасность, гигиена и охрана труда*, что выражается в перегруженности работников⁵², переработках и ненормированном рабочем графике, чрезмерной интенсивности труда, работе по ночам, в выходные и праздники, отсутствии полноценного отдыха ради поддержания дохода и из-за неуверенности в стабильном поступлении заказов⁵³. Все это ведет к накоплению усталости, стрессам, профессиональному выгоранию⁵⁴ и, в конечном итоге, к психическим, поведенческим расстройствам и разнообразным органическим заболеваниям (сердечно-сосудистым, органов пищеварения, иммунной системы и т.д.), которые, будучи обусловлены особенностями трудовой деятельности, профессиональными заболеваниями, однако, не считаются, а поскольку могут проявиться далеко не сразу, таковыми считаться не будут и в дальнейшем. Следует учитывать и то, что у самозанятых, фрилансеров и вообще работающих дистанционно травмы, связанные с деятельностью, считаются бытовыми и как производственные не учитываются.

Вообще вопросы безопасности, гигиены и охраны труда работающих в условиях нестандартной занятости изучены крайне слабо и в настоящее время являются одним из основных недостатков этих ее форм. Международная организация труда (МОТ) выделяет четыре основные категории рисков, связанных с нестандартными формами занятости:

-
52. Свыше половины российских фрилансеров совмещают фриланс с постоянной занятостью, полной или частичной (41 и 15%, соответственно), и только 35% работают исключительно на фрилансе [13. С. 10]. Среди самозанятых в сфере услуг совместителей 15% (однако эта дополнительная работа приносит им только около 30% их дохода) [15]. На переработки жалуются 17% платформенных занятых [7. С. 20].
 53. Согласно данным НИУ ВШЭ, 16% фрилансеров отдыхают меньше пяти дней в течение года и только 11% могут позволить себе отпуск продолжительностью 30 и более дней (Свобода по выбору: настоящее и будущее фриланса в России. <https://trends.rbc.ru/trends/social/60c8e3139a79472ba64fde35> (дата обращения 19.06.2023)).
 54. Профессиональное выгорание – патологический синдром, возникающий в результате хронического стресса, связанного с работой, который не был преодолен.

травматизм и несчастные случаи, сопряженные с трудовой деятельностью; психическое здоровье; плохие условия труда и опасные факторы производства; проблемы повышенной усталости. Эти риски могут быть обусловлены разными факторами или их сочетанием, в том числе — отсутствием, нечеткостью, противоречивостью и/или недостаточностью правовых обязательств работодателей-заказчиков и платформ-агрегаторов⁵⁵.

В России работающие в нестандартных формах занятости в настоящее время никак не застрахованы от различных рисков, связанных с профессиональной деятельностью. Особенно это касается выполняющих травмоопасные и вредные для здоровья работы, а также тех, кто стал самозанятым вынужденно, под давлением работодателя (причем последний может даже не проинформировать их о том, что им предстоит работать во вредных и (или) опасных условиях). Стандартная модель занятости «работодатель — наемный работник» в этом случае неприменима, поскольку, если работа выполняется не на основании обычного трудового договора, работодатель перестает нести ответственность за исполнителя работы, которую, согласно договору, он должен только оплатить, но не обязан ни создать безопасные условия труда, ни обеспечить средствами индивидуальной защиты, если они необходимы, так как исполнитель формально сам является микропредпринимателем, действует на свой страх и риск, обеспечивая свою безопасность самостоятельно (вплоть до покупки СИЗ за счет собственных средств, которые будут составлять его издержки, компенсация которых может не предусматриваться договором с заказчиком как повышающая налогооблагаемую базу по НПД). Нередко самостоятельно создать безопасные условия исполнитель

55. По данным МОТ, за рубежом случаи производственного травматизма среди временных работников и временных заемных работников более распространены, чем среди занятых постоянно, и эта разница может быть двукратной. Передача работы на субконтракт несколько раз приводила к ряду масштабных несчастных случаев [3. С. 19].

просто не в состоянии и вынужден оказывать услуги, рискуя своей жизнью и здоровьем⁵⁶.

Ряд проведенных опросов выявил также специфические недостатки, свойственные платформенной занятости, а именно: *дискриминацию исполнителей* при распределении заказов на основе времени сотрудничества с платформой (20% респондентов), непрозрачные рейтинги исполнителей и систем оплаты заказов (что отмечает, соответственно, треть и пятая часть опрошенных), произвольные критерии временного или постоянного отключения от платформы [7. С. 54–55].

Наконец, нельзя не отметить, что интенсивный рост масштабов нестандартной занятости не привел пока к «обелению» рынка труда и легализации получаемых от такой занятости доходов: несмотря на принятые меры по облегчению регистрации самозанятости, смягчению налоговых режимов и цифровизации соответствующих процедур в каждой из новых форм нестандартной занятости сохраняется заметный теневой компонент.

Направления и возможности регулирования нестандартной занятости

Каковы бы ни были количественные оценки масштабов нестандартной занятости, однозначной тенденцией является рост этого сегмента рынка труда, обусловленный не только технологическими сдвигами, но и рядом негативных факторов, вынуждающих сферу занятости трансформироваться (длительная пандемия COVID-19, современная геополитическая ситуация, санкционный кризис, неблагоприятная демографическая ситуация и растущий дефицит квалифицированных кадров). Все это ставит задачу совершенствования регулирования нестандартной занятости, к важнейшим аспектам

56. Единственно возможная мера – проведение вводного инструктажа по технике безопасности – применима только если исполнитель имеет статус индивидуального предпринимателя. В иных случаях любые мероприятия по охране труда могут быть чреваты переквалификацией договора между заказчиком и исполнителем в стандартный трудовой договор со всеми вытекающими для работодателя последствиями в виде штрафов, изменения режима налогообложения, доначисления НДФЛ, социальных платежей и компенсаций за работу во вредных и/или опасных условиях.

которого следует отнести: 1) правовую квалификацию новых форм нестандартной занятости; 2) обеспечение социальной защищенности соответствующих контингентов занятых; 3) решение спорных вопросов платформенной занятости; 4) противодействие теневизации нестандартной занятости; 5) обеспечение безопасности, гигиены и охраны труда работающих в нестандартных формах; 6) преодоление законодательных противоречий применительно к вопросу о заемном труде.

Современный международный опыт свидетельствует, что ключевыми проблемами в сфере нестандартной занятости являются правовая квалификация и законодательное закрепление статуса занятых на нестандартной основе и отдельных форм такой занятости. Отсутствие юридического статуса, четко определяющего специфику каждой их форм, ведет к их отождествлению и смешению, невозможности организовать их статистическое наблюдение и получить относительно достоверную оценку количественных параметров вовлеченных контингентов и их вклада в экономику страны.

С определением правового статуса тесно связана проблема социальной защищенности работающих в нестандартных формах, степени ее необходимости и добровольности, а также ответственности за ее предоставление. Опросы и исследования последних лет демонстрируют диаметрально противоположную позицию по этому вопросу основных заинтересованных сторон. Одна из позиций, декларируемая КПРФ и профсоюзами в лице ФНПР исходит из расширительной трактовки трудовых отношений (фактически приравнивая занятых на нестандартной основе к работающим по найму) и необходимости распространить на них установленные законодательством социальные гарантии, задача обеспечения которых возлагается на противоположную сторону трудовых отношений⁵⁷.

57. В ФНПР считают, что понятие «работник, который является стороной трудовых отношений», пока довольно узкое и требует расширения, а самозанятых и всех платформенных трудящихся необходимо включить в понятие «работник», прописанное в законодательстве, и распространить госгарантии в сфере труда на всех работающих – независимо от формы занятости и правового статуса (Вскочить на платформу. Центральная профсоюзная газета «Солидарность». <https://www.solidarnost.org/articles/vskochit-na-platformu.html> (дата обращения 12.07.2023)).

Противоположная позиция, представляемая государственными органами, исходит из разделения трудовых и всех прочих отношений (гражданско-правовых, отношений с самозанятыми и пр.) и необходимости обеспечения доступа к социальным гарантиям, связанными с фактом работы, всем, в том числе занятым на нестандартной основе. Последние, однако, будучи по сути предпринимателями, заботу о таких гарантиях должны брать на себя, делая соответствующие взносы в Фонд социального страхования на добровольной основе⁵⁸ (тем более что для многих из них такая деятельность является подработкой⁵⁹). Примечательно, однако, что многие самозанятые, декларирующие нехватку социальной защиты, по всей вероятности, имеют в виду не добровольное, а обязательное государственное социальное страхование на случай болезни, материнства и т.п. Об этом свидетельствует, в частности, то, что уже сейчас, имея право на добровольные пенсионные взносы, размер которых могут определять самостоятельно, они не слишком активны в этом плане: среди самозанятых, работающих на платформах, застрахованных не более четверти (а по данным ФНС, еще меньше). Причины: отсутствие достаточного количества средств для уплаты страховых взносов (20% респондентов), еще 20% считают, что пенсия не важна, 16% надеются, что в будущем взносы за них будет платить работодатель⁶⁰. По мнению специалистов НИУ ВШЭ,

-
58. Вопросы доступа рассматриваемых категорий к социальным гарантиям были включены в представленную в феврале 2022 г. концепцию нового Закона о занятости, для чего Минтруд РФ разработал поправки к федеральному закону «О социальном страховании в РФ», предлагавшие создание в России института добровольного социального страхования самозанятых на базе единого Социального фонда. Однако теперь в связи с изменившимися обстоятельствами (СВО, санкционный кризис и т.п.) решение этого вопроса отложено до разработки отдельных нормативных актов, регулирующих нестандартные формы занятости. Что касается пособий по безработице, то, согласно действующему законодательству, воспользоваться этой мерой могут только самозанятые и индивидуальные предприниматели, которые прекратили по объективным причинам свою деятельность в этом качестве.
59. Согласно данным ЦСР, свыше половины (55%) платформенных занятых в России имеют иные источники дохода (например, основную постоянную занятость по найму), которые могут обеспечивать им ряд социальных гарантий [7. С. 62].
60. Данные ЦСР. Цит. по: (<https://rg.ru/2021/10/01/kto-obespechit-platformennyh-zaniatyh-socialnymi-garantiiami-obsudili-eksperty-na-ploshchadke-csr.html> (дата обращения 25.10.2022)).

заинтересованность работающих в самостоятельной уплате пенсионных взносов подрывает также «всеобщий охват населения старшего возраста пенсионным обеспечением за счет возможности получать социальные пенсии и небольшие различия в средних размерах страховых и социальных пенсий», что делает перспективу увеличения текущего дохода за счет низкого НПД привлекательнее потерь в будущих пенсионных выплатах [5. С. 67–68].

Все изложенное выше в полной мере относится и к платформам, и платформенной занятости, статус которых по-прежнему остается неопределенным, а вопрос социальной защиты занятых через них – неурегулированным⁶¹. При этом к рассмотренным проблемам добавляются дополнительные, обусловленные спецификой и ролью платформенной экономики и платформ как самостоятельной формы занятости, которую не следует смешивать с другими ее видами.

В частности, определяя характер отношений, возникающих между заказчиком, платформой и исполнителем, необходимо четко установить и законодательно закрепить права и обязанности взаимодействующих сторон, обеспечить прозрачность условий работы на платформе и возможность одновременной работы на нескольких платформах, что должно существенно сократить дискриминацию платформенных занятых.

Это касается также наболевшего вопроса о статусе компаний-агрегаторов, относительно которых продолжается дискуссия, являются ли они только посредниками или их можно рассматривать и как работодателей, а стало быть, возложить на них хотя бы часть социальных выплат, включая страховые взносы. Единого мнения, к какому типу отношений отнести

61. В представленном Минтрудом РФ в начале 2022 г. проекте нового закона «О занятости населения» было предложено закрепление правового статуса платформ и самозанятых, работающих через них. Однако из-за острых дискуссий и большого количества разногласий по этому вопросу в процессе последующего обсуждения было принято решение, что проблематика нестандартных форм занятости будет регулироваться отдельными нормативными актами, которые будут разработаны позже (но в современных сложных условиях этот процесс рискует затянуться).

платформенную занятость, нет ни в России, ни за рубежом. Аргументом в пользу трудового характера таких отношений выступает информационная, организационная и финансовая зависимость исполнителя от платформы, которая в этом случае является работодателем, несет ответственность перед заказчиком и, соответственно, обязана платить социальные взносы. Сторонники противоположных взглядов утверждают, что предоставление посреднических услуг и технических средств для организации занятости не дает оснований считать возникающие отношения трудовыми, платформы — работодателями, ограничивая их роль деятельностью диспетчера, посредника, в том числе и в вопросах организации и содействия добровольному социальному страхованию (а иногда и соучастия в финансировании соответствующих взносов, для чего многие платформы имеют как финансовые, так и технические возможности, а некоторые — уже это делают). Пытаясь же самостоятельно и полностью оплачивать социальные взносы, платформы сталкиваются с риском переквалификации отношений с платформенными занятыми в трудовые⁶² [7. С. 54, 56–59].

На нестандартную занятость возлагалась также задача «обеления» рынка труда, выведения трудовых отношений из тени, с чем, как показано в данной статье, этот формат занятости справился не вполне: в его рамках сохранился заметный теневой компонент. Распространение пакета социальных гарантий означает повышение финансовой нагрузки на этот сегмент, может нивелировать приносимые им позитивные эффекты и привести к перемещению значительной части нестандартной занятости в тень.

Как отмечается в докладе ЦСР, весьма актуальной проблемой является вывод из «серой зоны» платформенных занятых, «разграничение истинных платформ от де-факто работодателей, заключающих притворные гражданско-правовые

62. <https://www.hr-director.ru/article/67829-platformennaya-zanyatost-kak-alternativa-trudovomu-dogovoru> (дата обращения 12.07.2023).

договоры со своими сотрудниками» [7. С. 57]. В качестве меры по обелению этого сектора сейчас рассматривается предложение Минтруда по созданию Реестра цифровых платформ занятости, который должна вести Федеральная налоговая служба, причем включение в него будет обязательным условием осуществления деятельности таких платформ, для чего их операторы должны осуществлять информационный обмен с органами ФНС о размещенных заказах и проведенных платежах. Это, как считается, позволит исключить «серые схемы». Однако под такое регулирование могут не попасть платформы-«доски объявлений» (например, «Профи.ру», «Авито», YouDo и подобные), при посредстве которых часть оплаты осуществляется наличными, а значит может избегать налогообложения. По мнению проректора Финансового университета А. Сафонова, применительно к таким случаям задачу легализации реестр не реализует, поскольку «прямые» транзакции налоговые органы пока отслеживать не могут⁶³.

Аналогичная проблема существует и в блогосфере, которая в настоящее время вообще никак не регулируется. С предложением урегулировать эту сферу в нормативном плане выступило Минцифры РФ, для чего, по мнению ведомства, необходимо установить, что понимается под термином «блогер» и что включает в себя их деятельность. Основные претензии к блогерам заключаются в искусственном дроблении бизнеса с целью применения специальных режимов налогообложения, что позволяет в десятки и сотни раз снижать уплачиваемые налоги (а некоторые, например, НДС, не платить вообще). Здесь также поступило предложение (причем со стороны самих блогеров) создать цифровую платформу для их взаимодействия с налоговыми органами⁶⁴.

63. Ведомости. 2023. 3 апр. <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2023/05/03/973511-vedenie-edinogo-reestra-tsifrovih-platform-mozhet-bit-porucheno-fns> (дата обращения 04.05.2023).

64. https://www.rbc.ru/technology_and_media/04/05/2023/6452d27f9a7947b3ea0b421b?from=rom_main_12 (дата обращения 07.05.2023).

По-прежнему совершенно нерешенной остается проблема обеспечения безопасности, гигиены и охраны труда занятых в нестандартных формах, страхования их профессиональных рисков, включая производственный травматизм и профессиональную заболеваемость. У них, к примеру, полностью отсутствует право на получение выплат в связи с травматизмом.

За рубежом в странах, выделяющих работающих через платформы в особую категорию занятых (государства Европейского союза, США — Калифорния, Индия), страхование от несчастных случаев во время работы — наиболее часто встречающийся его вид, обычно полностью оплачиваемый платформой. В России, где платформенная занятость в особую категорию пока не выделена, подобные гарантии отсутствуют, хотя некоторые платформы (например, сервис Яндекс.Go) предлагают свои программы частного страхования от несчастных случаев, предоставляемые платформенным занятым, но на условиях частичной или полной компенсации стоимости страхования и только при наличии определенных статусов в программе лояльности [7. С. 48].

В уже упоминавшемся первоначальном варианте проекта нового Закона о занятости для них (правда, только занятых через платформы) предполагалось установить и закрепить нормы времени работы и отдыха, что позволило бы снизить перегрузки, чрезмерную утомляемость, а значит — опасность аварий, несчастных случаев, травм и профессиональных заболеваний. Для мониторинга соблюдения устанавливаемых норм и социальных гарантий, а также решения спорных вопросов предлагалось создать отдельную саморегулируемую организацию (Совет цифровых платформ занятости), куда работающие на платформах смогут подавать свои жалобы в случае нарушения их прав. Теперь, видимо, решение и этой задачи будет отложено до принятия отдельного закона.

Наконец, особое внимание необходимо уделить спорным вопросам использования в России заемного труда (в настоящее время однозначно запрещенного ст. 56.1 ТК РФ). В пред-

ложенном проекте Закона о занятости такой труд рассматривался Минтрудом как переходный между классическими трудовыми отношениями и новыми формами занятости, и предполагалось устранить сложившееся противоречие между указанной выше статьей и гл. 53.1 ТК РФ, определившей особенности регулирования труда работников, временно направляемых работодателем к другим физическим или юридическим лицам по договору о предоставлении труда работников (персонала). В частности, планировалось: а) определить правовой статус таких сотрудников (т.е. легализовать заемный труд); б) установить конкретные условия договора о предоставлении персонала; в) пересмотреть требования к организациям, оказывающим подобные услуги; г) определить виды работ, на которых может использоваться заемный труд. Однако в настоящее время судьба и этой наработки также остается неясной.

В заключение необходимо отметить, что мировая практика демонстрирует многообразие подходов и способов регулирования новых форм нестандартной занятости. В ней отсутствует какая-либо универсальная модель с доказанной эффективностью, которая подошла бы к любым социально-экономическим условиям. В России, в силу свойственной ей специфики и особенностей современной ситуации, необходимо, видимо, разработать собственные подходы к регулированию данного явления (возможно, принципиально новые и нестандартные), а также предусмотреть перспективу динамичного изменения применяемых норм и практик.

ЛИТЕРАТУРА

1. Нестандартная занятость в российской экономике / Под ред. В.Е. Гимпельсона и Р.И. Капелюшникова. М.: ИДГУ ВШЭ, 2006.
2. В тени регулирования: неформальность на российском рынке труда: моногр. / Под ред. В.Е. Гимпельсона и Р.И. Капелюшникова; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: ИД Высшей школы экономики, 2014.
3. Нестандартные формы занятости. Анализ проблем и перспективы решения в разных странах / Обзорная версия. Женева: МБТ, 2017.
4. Прекарная занятость: истоки, критерии, особенности / Под ред. Ж.Т. Тощенко. М.: Весь мир, 2021.
5. Платформенная занятость: определение и регулирование / Колл. авт. Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Институт социальной политики. М.: НИУ ВШЭ, 2021. <https://ncmu.hse.ru/data/2021/05/26/1438190156> (дата обращения 21.06.2023).
6. Трудовые отношения в условиях развития нестандартных форм занятости: монография / Под ред. Н.А. Лютова, Н.В. Черных. М.: Проспект, 2022.
7. Платформенная занятость: вызовы и возможные решения. Аналитический доклад. Апрель 2022. М.: Центр стратегических разработок (ЦСР), 2022.
8. Кубишин Е.С. Проблемы количественной оценки неформальной занятости в Российской Федерации / Материалы X Международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы социальных и трудовых отношений», посвященной 300-летию образования Российской академии наук (16 декабря 2022 г.). Махачкала, 2023. С. 215–221. DOI:10.26159/APSTO.2022.10.10.071.
9. Самозанятость. Предпринимательство и стабильное партнерство с платформами. Исследование компании Strategy Partners. Июль 2022. <https://files.sberdisk.ru/s/tTpbFipNx4pS9af> (дата обращения 10.07.2023).
10. Кубишин Е.С. Условия труда и новые формы нестандартной занятости в контексте развития человеческого потенциала России: Препринт научного доклада. М.: ИЭ РАН, 2023.
11. Фриланс и фрилансеры 2020–2023. Факты, цифры, тенденции. <https://xn----8sbgbfirbb0aezowfo9bxjnc.xn--p1ai/post/frilans-i>

frilansery-2020-2023-fakty-cifry-tendencii-59 (дата обращения 21.06.2023).

12. Платформенная занятость в России: масштабы, мотивы и барьеры участия / О.В. Синявская, С.С. Бирюкова, Е.С. Горват, Д.Е. Карева, Д.А. Стужук, К.О. Чертенков; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: НИУ ВШЭ, 2022. https://www.hse.ru/data/2022/07/26/1616950951/NCMU_Platform_Employment_Report_2022.pdf (дата обращения: 19.05.2023).
13. Фрилансеры – «белые воротнички»: профиль, мотивация и склонность к командной работе. Исследовательский отчет. https://leader-id.storage.yandexcloud.net/event_doc/248849/619d165780b3b343489682.pdf (дата обращения: 05.07.2023).
14. *Jepps C., Yordanova I.* The Cost of COVID: How the pandemic is affecting the selfemployed. 2020. <https://www.ipse.co.uk/policy/research/the-cost-of-covid.html> (дата обращения 02.07.2023).
15. Российский рынок услуг. Самозанятые исполнители и микро-бизнес. https://datainsight.ru/sites/default/files/DI_Avito_Service_2022.pdf (дата обращения 14.10.2022).

А.П. Седлов

д. э. н., ведущий научный сотрудник,
ИЭ РАН

ТРУДОВАЯ ИММИГРАЦИЯ В СИСТЕМЕ ВОСПРОИЗВОДСТВА ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА: СПЕЦИФИКА И НАПРАВЛЕНИЯ АНАЛИЗА

В статье рассмотрены содержание, методология формирования и механизм участия иммиграционного человеческого капитала в процессе воспроизводства национального человеческого потенциала. Исторические примеры экспансии массовой трудовой миграции демонстрируют риски в экономике и социуме принимающей страны, имеющие особенности в современной России. На примере отраслевой модели выявлены причины гипертрофированных потребностей в иностранной рабочей силе, подтвержденные расчетами трудовой иммиграции в сравнении с развитыми странами, обоснованы принципы нормативных оценок и приоритетов национальных кадров.

Ключевые слова: человеческий потенциал, иммиграционный человеческий капитал, трудовая иммиграция, воспроизводство, ресурсы, резервы, риски иммиграции.

Постановка проблемы улучшения использования ресурсной базы, которой располагает общество, страна, корпорация, абсолютно не нова, а цель скорее отражает перманентное развитие, основанное на известных принципах и факторах роста с использованием базовых индикаторов. Вместе с тем трудности, условия реализации очередной программы, несомненно, накладывают свой отпечаток на ее содержание. Современные трактовки ресурсов в контексте человеческого потенциала отличаются попыткой комплексного взгляда на уже используемый арсенал и поиск дополнительных трудовых резервов на фоне ухудшения демографической ситуации, имеющей особую остроту в российских реалиях.

Одним из системных вызовов, в контексте резервов, является внешняя миграция, которая по своему составу принци-

пиально разнородна. Так, квалифицированная миграция, как правило, осуществляется в парадигме конкурентной борьбы и предпочтений, и, напротив, массовая неквалифицированная миграция (без всяких оговорок) — в парадигме тотальных ограничений.

Закат эпохи глобализации, снижение значения международных соглашений, стандартов и норм ограничило свободное движение людских ресурсов в контексте миграционного обмена, усилив значение региональных союзов. В новой глобальной архитектуре произошло усиление конфронтации, в контексте которой наибольший ущерб был нанесен условному Востоку, учитывая, что интеллектуальные человеческие ресурсы имеют в большей мере западную принадлежность.

Разумеется, на мировом и региональных рынках выигрывают развитые страны с наибольшей миграционной привлекательностью.

Трудовая иммиграция в системе воспроизводства

Следует напомнить, что экономический рост на 60–70% зависит от вложений в основной капитал, а доля инвестиций в ВВП современной России составляет всего 17%, и это при тотальном отставании в технико-технологическом развитии, которое на фоне уже 16 пакетов санкций со стороны Запада продолжает увеличиваться. Для роста экономики в 3–4% эту долю надо довести, по меньшей мере, до 25%. Разумеется, что настоящие третий и четвертый технологические уклады, преобладающие в экономике современной России, являются питательной базой для дешевого труда и привлечения мигрантов из бедных стран СНГ. При этом уровень развитых западных стран характеризуется технологической средой преимущественно пятого и шестого технологических укладов, определяемой экономикой знаний и компетенциями квалифицированной рабочей силы.

Вложения в человеческий капитал априори представляет второй по важности компонент экономического роста.

По этому показателю Россия также кратно отстает от развитых принимающих стран. Так, доля экономики знаний (НИОКР, био-, нано- и IT-технологии, возобновляемые источники энергии, развитые системы образования и здравоохранения) в ВВП современной России составляет 14% (в Китае – 22%, в Европе – 30%, в США – 40%)¹.

Суть современных новаций в понимании ресурсной базы состоит во всестороннем осмыслении категории «человеческий потенциал» и проложении своеобразного «мостика» от порученных для изучения абстракций к устоявшимся научным понятиям, представляющим основу для проведения исследования. Выявление содержания и соподчиненности новых абстракций позволит выявить группировки показателей, которые дадут возможность по-новому взглянуть на резервы роста производительности труда, в том числе за счет использования всего арсенала вложений в человека.

Исторический опыт развитых принимающих стран позволил констатировать трансформации трудового и демографического потенциала, суть взаимосвязей которых определена нормами миграционной политики. *Либеральные основы привлечения неквалифицированной миграции ведут к возникновению рисков в трудовой и социальной сфере, консервативные – к сдерживанию привлечения мигрантов из бедных стран (в контексте стандартов и норм, определяющих меру этого привлечения)*. Современная российская экономика характеризуется низкими технико-технологической базой и экономическими критериями эффективности, которые в совокупности дают импульс для гипертрофированной меры привлечения трудовых ресурсов, что требует упорядочения и пересмотра норм использования неквалифицированной рабочей силы из бедных стран СНГ.

Довольно сложной представляется решение задачи персонифицированной формулировки человеческого потенци-

1. https://me-forum.ru/media/news/16197/?utm_medium=email&utm_source=Unisender&utm_campaign=%D0%A0%D0%90%D0%A4

ала с использованием для этого известных разноуровневых понятий. Однако и удачных попыток определения также нельзя исключать. Сложность определена многоуровневым и многовариантным практическим использованием понятия «потенциал», в значительной мере имеющего философское звучание в контексте нормы и меры, заданных и определяемых конкретным исследованием. Например, может быть идентифицирован человеческий потенциал личности, страны, нации и т.д. Особую проблему из-за принятых штампов политической и социальной риторики, не всегда правильно отражающих суть понятия, вызывает прилагательное «национальный» (потенциал, капитал, рынок труда).

В экономическом содержании трудового потенциала важно определить принципиальный момент. Включает ли человеческий потенциал категорию уже занятых или только тех, кто может пополнить ее? Причем второй вариант предполагает и вовсе решение задачи экстенсивного роста, когда идет потеря нераскрытого человеческого потенциала (ЧП) за счет технико-технологического роста, структурной перестройки и перегруппировки занятых. В этом расширенном подходе важной частью улучшения использования ЧП являются известные резервы подготовки и переподготовки кадров, включающие систему образования и профориентации.

Вариант рассмотрения совокупного потенциала занятых и незанятых хотя и обесценивает резервы экстенсивного роста (к которым следует отнести и привлечение мигрантов из бедных стран СНГ), все же более понятен и продуктивен для их оценки. Разумеется, любое исследование опирается на поставленные цели, однако многое зависит от способности найти место абстракции «человеческий капитал» в его процессе, который основан на известных устоявшихся понятиях, имеющих конкретные числовые значения. В любом варианте рассмотрение дополнительных экстенсивных резервов к уже имеющимся предполагает всестороннюю оценку базовых ресурсов уже занятых как основного элемента совокупного потенциала.

Таким образом, категория «потенциал» в зависимости от целей и уровня обобщения может быть многовариантна. В ее понимание можно вложить до известной степени противоречивые и пересекающиеся значения потенциала, капитала, ресурса, различающиеся по уровням экономического субъекта, являющегося предметом исследования, институтам, регулирующим различные стороны экономических отношений. Например, может рассматриваться функциональное влияние института или программы, имеющей границы времени, отрасли, финансирования. К этому можно отнести потенциал «вертикали власти», профсоюзов и институтов гражданского общества, образовательных программ, национальных проектов и т.д.

От общего к частному. Абстракцией, которая может подчеркнуть трудовую направленность человеческого потенциала, может послужить вполне устоявшаяся категория «человеческий капитал» (ЧК), определяемая как знание, умения, здоровье, компетенции, используемые для удовлетворения общественных потребностей [6], тем более что авторам (Д. Минсер, Т. Шульдц и Г. Беккер) за данную формулировку в контексте его принадлежности человеку была присуждена Нобелевская премия.

В таком общепризнанном толковании категория «человеческий капитал» является важным звеном на пути исследования по стандартной линии от «общего к частному», предполагающего приближение к более конкретным категориям, позволяющим понять и измерить абстракции на отраслевом и корпоративном уровне: трудовой миграции и иностранной рабочей силе (ИРС). Проведенные с использованием последних конкретизированные исследования позволят вернуться к абстракциям и обобщениям, завершая анализ. При этом трудовая миграция как процесс перемещения представлена иностранными гражданами (ИГ) — носителями ЧК, которые пересекают границу и заполняют миграционную карту «с целью работы», проходят путь от соискателя к работнику или к «занятым в экономике». Важной разделительной чертой в этом движении ИГ является переход работника в официаль-

ный статус занятого или занятого нелегально. Иностранная рабочая сила представлена ИГ, занятыми и безработными, готовыми приступить к работе.

В зависимости от задач исследования в качестве носителя иммиграционного человеческого капитала (ИЧК) может быть рассмотрена категория неформально занятых ИГ, которую представляют работники, официально оформленные по трудовым договорам, но часть заработной платы, получающие в конвертах, или находящиеся полностью на нелегальном положении. Значительную часть представляют ИГ, не успевшие оформить патент или по разным причинам утратившие важный статус его носителя. В зависимости от поставленных целей могут рассматриваться комбинации иммиграционного человеческого потенциала, включающие не только потенциал мигрантов, пересекавших границу России и не занятых официально, но и соискателей рабочих мест, находящихся в стране-доноре.

ИРС в системе воспроизводства. В определении и понимании современного звучания ЧК смущает только прошлое значение слова капитал, которое использовалось для объяснения его как способности производить товары и услуги, возмещать издержки и получать прибыль. Без понимания участия капитала в общественном производстве не представляется возможным рассмотреть и весь процесс воспроизводства, основанный на распределительных отношениях, не ясен смысл и мотивы организации производства товаров и услуг. Так, в российских условиях рента дешевого труда является универсальным критерием эффективности, который в отсутствии «противовеса в пользу национальных кадров и инноваций» позволяет решать противоречие между экономической и социальной функцией занятости в пользу привлечения мигрантов из бедных стран. В проигрыше остаются национальные кадры, для которых не созданы рабочие места с достойными условиями и оплатой труда.

Интерпретация человеческого капитала как знания, умения, здоровья и компетенций, используемых для удовлетворения общественных потребностей, дает ключ к пониманию

роли иммиграционного человеческого капитала в процессе воспроизводства. В этой риторике не обойтись без категорий воспроизводства рабочей силы, являющейся центральным звеном в системе распределительных отношений, которые возобновляются на основе простого или расширенного воспроизводства. Трудовые мигранты наряду с национальными кадрами участвуют в процессе воспроизводства, создают национальный доход, ВВП, состоят в трудовых отношениях с работодателем. Вместе с тем существенным отличием является статус нерезидента с особыми правами в сфере занятости и временем пребывания на территории принимающей страны, определяемыми «факторами вмешивающихся обстоятельств» [10], под которыми С. Стоуффер понимал нормы законодательства стран – участниц миграционного обмена, и которые (как правило) не вписываются в логику экономических законов.

Ключевым является выпадение из распределительного процесса денежных переводов, отправляемых мигрантами на родину, размеры которых составляют до половины получаемой ими заработной платы. Очевидно, что эта часть создаваемого продукта выпадает из расширенного воспроизводства, уменьшая на эту сумму вклад субъекта распределительных отношений в диалектику развития (оплату товаров и услуг) и отдачу сферы образования, здравоохранения и культуры. При этом очевидно, что мигранты и члены их семей реже посещают образовательные курсы, участвуют в культурных и оздоровительных программах и иных мероприятиях, способствующих росту их личностного человеческого капитала. В полной мере это следует отнести и к их финансовому участию в фондовом рынке, вкладах в российские банки, недвижимость, иным формам инвестирования в создание достойных рабочих мест.

Риски трудовой иммиграции: истоки, опыт, оценки

Одним из центральных разделов изучения проблем формирования национального человеческого потенциала должна стать оценка экономических, социальных и демографических рисков трудовой иммиграции.

Исторический опыт свидетельствует о трансформациях трудовой иммиграции в излишние человеческие ресурсы, превышающие спрос на рынке труда и рождающие экономические и социальные риски. Причиной массовых переселений явилось глобальное неравенство, неравномерное экономическое развитие стран и территорий. Так, в активный период массовых миграций по маршруту «периферия—Центр» в XVIII — начале XX в., обусловленных трудовыми мотивами, спрос опережал предложение [11. Р. 410], а мигранты из бедных стран занимали обособленную часть рынка и социума, не пользующуюся спросом граждан. Автономное состояние экономических и социальных границ массовой миграции в развитые принимающие страны зафиксировал М. Пиоре, в сформулированной теории двойного рынка труда [9]. Начиная со второй половины XX в. и, особенно, с начала XXI в. вместе с возрастающими потоками миграции из бедных стран периферии предложение стало опережать спрос [7], и большинство развитых принимающих стран окончательно сменило либеральный подход на тотальные ограничения [8]. Неравномерное развитие стран, различные уровни богатства принимающих стран-реципиентов и бедности стран-доноров, являющихся участниками сложившихся маршрутов миграционного обмена, рождают специфичные иммиграционные модели с возникающими на рынке труда конкурентными пересечениями².

Россия не обладает миграционной привлекательностью развитых принимающих стран, не имеет материальных и финансовых ресурсов Франции, куда иностранцы едут в надежде получить статус беженца с последующими правами и социальными льготами. Традиционно считается, что мотивом миграции в Россию из бедных стран постсоциали-

2. В современной науке о труде теория двойного рынка занимает важное место. Подчеркнем, что со второй половины XX в. теория М. Пиоре используется для понимания алгоритма возникновения политики ограничений массовой миграции. Проблемы возникают, когда исследователи используют теорию (1976 г.) для толкования современных миграционных процессов буквально, в контексте гипотетического равновесия на рынке труда.

стического экономического пространства является трудовая деятельность. Однако такая иммиграционная парадигма начала меняться. Так, в последнее время, по словам члена Совета по правам человека при Президенте РФ К. Кабанова, в Россию чаще едут пенсионеры и дети³, что, несомненно, создает дополнительные социальные проблемы и увеличивает нагрузку на государственный бюджет и внебюджетные фонды разных уровней. При этом следует добавить, что чаще речь идет о контингенте из самых бедных стран ЦА.

Ежегодно в Россию въезжает 7–10 млн мигрантов из стран СНГ, примерно 5–10% из них натурализуются или получают российское гражданство. Современные масштабы и динамика роста численности мигрантов из бедных стран СНГ свидетельствуют, что миграция во многих случаях перестает быть трудовой, перемещаясь в социум со всеми рисками, которые уже нашли подтверждение в развитых принимающих странах Европы. В России, по мнению руководителя Общественной палаты В. Фадеева, велика роль диаспор, которые во многих случаях начинают подменять функции органов государственной исполнительной власти. Растут преступность (как среди мигрантов, так и направленная против них), нелегальная миграция, которая, по многим оценкам, превышает формальную занятость.

Представляется, что в такой ситуации современная Россия являет пример трансформации модели трудовой иммиграции в алгоритм этнографического⁴ замещения населения, которое несет риски негативных социальных последствий, наблюдаемых в европейских странах.

Разумеется, миграционная политика реагирует на эту динамику, в первую очередь, мерами по реадмиссии неграждан за уголовные и административные правонарушения. Бизнес при этом выдвигает предложения амнистии и упрощения порядка пребывания мигрантов на территории РФ.

3. <https://dzen.ru/a/ZK5jFlP7JXlfllyF>

4. Термин, используемый в официальных документах ООН.

Парадигма тотальной нехватки мигрантов из бедных стран подкреплена и официальными сведениями статистических органов, которые чаще приводят данные, дающие фрагментарные оценки, часто исключающие полный охват реальных миграционных процессов.

Расчеты и нормативы. Сравнительные оценки качества иммиграционного человеческого потенциала России и развитых принимающих стран показывают, что при меньшей общей иммиграции в нашу страну удельный вес неквалифицированной миграции значительно выше. Так, если в странах ЕС, по оценкам Евростата, в 2020 г. доля трудовой иммиграции составляла 34% в общем числе прибывших в страны ЕС, то, по сведениям Росстата, в России она стабильно держится на уровне 75%. Для примерных расчетов возьмем приблизительно одинаковые абсолютные показатели общей иммиграции в России и Германии — 11 млн чел.⁵ Используя примерные значения удельного веса неквалифицированной миграции в странах ЕС на уровне 50% [2. С. 187] и в России — около 95%, произведем несложные расчеты и получим следующие результаты по количеству мигрантов неквалифицированного труда:

$$\begin{aligned} \text{Россия: } & 11 \text{ млн чел.} \times 75\% : 100 = \\ & = 8,25 \text{ млн чел.} \times 95\% : 100 = 7,84 \text{ млн чел.} \end{aligned}$$

$$\begin{aligned} \text{Германия: } & 11 \text{ млн чел.} \times 34\% : 100 = \\ & = 3,74 \text{ млн чел.} \times 50\% : 100 = 1,87 \text{ млн чел.} \end{aligned}$$

Парадигме нехватки мигрантов в значительной мере отвечает официальная статистика. Так, по данным Росстата, в 2022 г. ИГ из стран СНГ, имеющие патенты, составили 2,9% занятых в РФ. Если к ним прибавить ИГ из стран ЕАЭС, заключивших трудовые договоры (1,9 млн чел.), и, разумеется, ИГ из визовых стран, имеющих разрешения на работу (всего 54 тыс.), то получим общую сумму менее 4 млн чел. Вместе с тем, по данным МВД, въехали в Россию только за 9 месяцев 2022 г. 12 млн чел., из них с целью работы — 8,9 млн чел. Если

5. Ежегодный доклад ООН (2018 г.).

допустить, что по разным причинам вернулись на родину примерно 10%, то остается неясным статус примерно 5,0 млн чел. которые по всем признакам представляют нелегально занятых. И наконец, используя известные сведения о нелегальной миграции, можно располагать данными о 8–10 млн чел.⁶

В этом контексте напрашивается сакраментальный вопрос о барьерах неквалифицированной нелегальной миграции или некоей нормативной доле иммигрантов из бедных стран, необходимой современной экономике знаний, инноваций, превышение которой чревато негативными последствиями. Так, в России мигранты из бедных стран занимают сферы, конкурируя с национальными кадрами, при этом работодатель, как правило, отдает приоритет найма первым. Такое положение снижает стандарты условий и оплаты труда, которые по варианту использования национальных кадров должны быть и были бы выше.

Представляется, что резервы внутренней миграции, вложений в национальные кадры, подкрепленные инвестициями в создание достойных рабочих мест с адекватной оплатой труда, могут и должны стать основой инновационного развития, максимально использующего трудовой потенциал, скрепленный менталитетом национального самосознания, процветания и благосостояния. Разграничивая демографический и трудовой потенциал и отдавая отчет рискам трудовой иммиграции из бедных стран СНГ, целесообразно рассмотреть подходы к предоставлению гражданства РФ и длительному пребыванию в России в зависимости от квалификации и реального вклада соискателя в финансовую систему страны.

Экономические риски трудовой иммиграции в России

Менее развитые принимающие страны – аутсайдеры в цепочках создания добавленной стоимости, сталкиваются с большими проблемами, попадая, по образному выражению,

6. Эти данные привела Т. Москалькова на встрече с Президентом РФ В. Путиным в 2018 г.

в «миграционную ловушку» [5. С. 69]. Перечень негативных последствий, как правило, включает снижение норм условий труда и его оплаты на национальном рынке [12]. При этом низкие заработные платы и платежеспособный спрос на внутреннем рынке не обеспечивают инновационное развитие, не стимулируют инвестиции в создание достойных рабочих мест, а, напротив, генерируют перманентные потребности в дешевой рабочей силе. В России низкая рентабельность большинства отраслей, работающих на внутренний рынок, рождает систему их дотационного развития за счет государства, а высокая ключевая ставка отрезает их от легального финансирования, ориентируя на привлечение дешевого труда, теневой рынок и нелегальную миграцию.

Отраслевая модель трудовой иммиграции

Очевидно, что, для того чтобы вектор демографической деградации сменился вектором роста, стране нужна здоровая экономика. Ахиллесовой пятой экономики России является низкий платежеспособный спрос (ППС) большинства бедного населения, неспособного приобретать товары и услуги с высокой добавленной стоимостью. Попытки государства оживить спрос на внутреннем рынке за счет льготной ипотеки имеют целый ряд побочных явлений и возможно долговременные негативные последствия. Так, в рамках национального проекта «Жилье и городская среда» население, принявшее участие в программах покупки жилья по льготной ипотеке, длинным кредитом оплатило приобретенное жилье общей суммой задолженности в 15 трлн руб. с ежегодными аннуитентными платежами в 1,25 трлн руб. при средней ставке ипотеки 8,4%⁷. В Сбере сообщили, что программой воспользовались 22 тыс. соотечественников, которые сэкономили 6,1 трлн руб.⁸ Однако после резкого повышения ЦБ ключевой ставки с 7,5 до 8,5% российские банки начали повы-

7. https://dzen.ru/a/ZKqUfoU2ghmgtvIA?from_site=mail

8. https://dzen.ru/a/ZKWFZH729XQOVLKK?utm_medium=email&utm_source=Unisender&utm_campaign=%D0%A0%D0%90%D0%A4

шение ставок по ипотеке до 12,7%.⁹ Очевидно, что этот тренд следует признать как шаг по направлению окончания льготной ипотеки и предупреждения дальнейшего раздувания «пузыря» несоответствий в процессе воспроизводства.

Побочным эффектом «ипотечного допинга» в строительную отрасль, в которой занято около половины всей трудовой иммиграции в Россию, является возможность накопления рисков неплатежей населения, резкое повышение стоимости ипотечного жилья, нарушившее ценовые пропорции нового и вторичного жилья, разница которого, разумеется, будет оплачена за счет и без того бедного и уже закредитованного населения.

Проект выявил неспособность регулятора эффективно вмешиваться в рыночные процессы, оказывая влияние на субсидированные структуры застройщика, завышающего цены на приобретение жилья по льготным для него условиям. Более того, для выполнения программы были нарушены нормативы привлечения мигрантов в строительство на 2023 г. (по настоящему бизнеса пересмотрены до одиозных 100%). Представляется, что проект, просчитанный на основе дешевой рабочей силы, был бы немислимым, не состоялся бы без привлечения мигрантов из бедных стран ЦА. Остается добавить, что в развитых странах ограничения мигрантов в строительной отрасли составляют существенно меньшую величину (например, 40 и 60% в Швейцарии и Франции соответственно).

Такая отраслевая модель, помимо нарушенных ценовых пропорций в отрасли и продажи населению жилья по необоснованно высоким ценам, на долгое время легла тяжелым бременем на низкий бюджет покупателей жилья, снизив и нарушив структуру платежеспособного спроса, вычеты из которого означают снижение вложений в другие отрасли, обслуживающие внутренний рынок, на 15 трлн руб.

В исследовании мы оставляем открытым вопрос соответствующего снижения расходов приобретателей жилья на

9. <https://www.rbc.ru/finances/27/07/2023/64c14b909a7947e03cc4f6a2>

воспроизводство рабочей силы, который предполагает дифференцированный подход к оценке доходов семей приобретателей жилья. Однако есть основания полагать, что не менее трети участников программы льготной ипотеки испытывают трудности с платежами, ограничивая тем самым возможности расширенного воспроизводства (в образовании, здоровье и культуре), вложения в развитие свое и членов своей семьи.

Исходя из опыта развитых стран, рисков в системе воспроизводства и возможных неплатежей в счет оплаты ипотеки можно избежать при условии равенства стоимости 1 кв. м покупаемого жилья и средней заработной платы, соотношение которых в российских реалиях составляет 3:1 (250 тыс. руб. за 1 кв. м, при средней заработной плате около 65 тыс. руб. в 2022 г.). С середины 2023 г. средняя цена 1 кв. м покупаемого жилья в Москве составила 303 тыс. руб., а стоимость бюджетного варианта трехкомнатной квартиры по семейной ипотеке — 17–20 млн руб.¹⁰ Разумеется, банки и застройщики осуществляют соответствующую проверку кредитоспособности клиентов, рисковый уровень которых и высокая ключевая ставка ложатся в основу ипотечной ставки, требующей дополнительных корректив на инфляционные ожидания. При этом, принимая низкие субсидированные государством ипотечные ставки (семейные и др.), исполнитель переносит риски на стоимость квадратного метра, от которой клиент уже не может отказаться.

Очевидно, что отрасль должна была стать драйвером, который «потянул» бы за собой экономику и нивелировал бы объективные издержки длинной ипотеки в инфляционных ожиданиях, однако такого не произошло. Причем к издержкам внутреннего спроса следует отнести и получаемую застройщиком ренту дешевого труда мигрантов, большей частью переводимую им за границу и также выпадающую из процесса воспроизводства. Более того, часть созданных нетехнологичных и неэкономичных «человеиников»

10. РБК новости. 2023. 30 июля.

оказалась и вовсе нереализованной. Гипотетически отложенный ипотечный кредит и спрос означают несостоявшиеся инвестиции в создание достойных рабочих мест по варианту привлечения национальных кадров, более требовательных к инновациям, условиям труда и его оплаты.

Между тем опыт работы отрасли в период наибольшего оттока мигрантов во время пандемии наглядно продемонстрировал возможности использования национальных кадров. Тогда, в начале 2021 г., негосударственные агентства по трудоустройству фиксировали рост заработной платы по основным строительным профессиям, который и позволил привлечь квалифицированных специалистов из числа национальных кадров и показать не столько путь выхода из кадрового кризиса, сколько направления инновационного развития на перспективу. Однако вмешательство лидеров государств — участников миграционного обмена, рост курса рубля и снятие пандемийных ограничений способствовали быстрому восстановлению численности мигрантов и свели на нет позитивные результаты естественного эксперимента [3. С. 24].

Приведенный отраслевой макет представляет алгоритм использования дешевой рабочей силы из стран СНГ в условиях отсутствия конкуренции в экономическом пространстве, формируемом системой государственных заказов, по существу подменяющих рынок [4]. Инновационный застой и экстенсивный путь развития строительной индустрии характеризуются низкой производительностью труда, определяемой чаще мощностью производства бетона, кирпича и цемента, чем применением металлоконструкций и строительных модулей, производимых на заводах и лишь собираемых на стройплощадках, как в развитых странах. Условия труда на стройплощадках, трудовые отношения с незащищенными мигрантами чаще напоминают 90-е гг., чем современное время, что никак не мотивирует к развитию новых технологий и управленческих кадров. Очевидно, что регулятор не способен уравновесить экономическую функцию механизма привлечения мигрантов из бедных стран, опреде-

ляемую лишь размерами ренты дешевого труда, с одной стороны, и интересами несостоявшихся национальных кадров в создании рабочих мест с достойными оплатой и условиями труда, с другой.

Современная Россия является аутсайдером на мировом и европейском рынках квалифицированного труда, однако продолжает оставаться центром миграционного притяжения бедных стран СНГ. *Потенциал миграционной привлекательности определил иммиграционную модель, основанную преимущественно на привлечении трудовых мигрантов низкой квалификации, которые в подавляющем большинстве не представляют экономику знаний.*

Приоритеты национальным кадрам. Приоритетами современного развития должны стать защита национального рынка труда (как это делается во всем мире) и отраслевые дорожные карты направлений преодоления инновационного застоя в экономике, являющегося на половину детищем дешевого труда. Представляется, что специальные меры, осуществляемые в рамках отраслевых министерств и территориальных органов управления субъектов, должны базироваться на соответствующих методических материалах по расчетам нормативов привлечения иностранных работников, основанных на приоритетах найма национальных кадров. Если довести эту работу до уровня национального проекта (например, «Инновационное развитие и национальные кадры»), то логичным представляется создание спецоргана (по типу упраздненного ФМС), но с функциями *проектирования развития отраслей и производств по варианту подготовки и использования национальных кадров, включая систему технико-технологического развития и программу развития национальных кадров, вместе с институтами их профориентации, подготовки и переподготовки.*

В развитых принимающих странах система привлечения и использования мигрантов из бедных стран основана на методическом подходе использования их на непрестижных массовых профессиях, не требующих специальной

подготовки (грузчики, упаковщики, уборщики помещений, комплектовщики, курьеры, водители) и, как правило, не пользующихся спросом у местных кадров. В российских условиях массовых пересечений мигрантов и национальных кадров на рынке труда найм должен производиться на основе карты (порога) конкуренции с приоритетом национальных кадров. По конкурентным позициям найма целесообразны специальные публикации (оферты на замещение вакансий) по образцу системы Labor market, используемой для защиты национальных кадров в развитых принимающих странах [1. С. 47].

Демографические условия и внешние факторы

Начиная с 2014 г. российская экономика прекратила перманентный рост, перейдя в режим стагнации с элементами рецессии, что выражено незначительными темпами ее роста. Тенденция снижения темпов роста экономики сопровождается демографическим спадом, волатильностью курса рубля, в наибольшей мере зависимого от цен на энергоносители и западных санкций, постепенно превратившихся в системный фактор. Разумеется, что эти причины определили и негативные трансформации рынка труда, усиленные последствиями COVID-19 и СВО на Украине, которые можно квалифицировать как факторы переменные или внешние.

Мобилизация и эмиграция. Тенденция естественной убыли и старения населения, уменьшение притока на рынок труда молодежи в значительной мере усилены неблагоприятными последствиями СВО на Украине. Так, мобилизованные граждане РФ и граждане, двумя волнами эмигрировавшие из России вслед за этими событиями, представляют прямые вычеты из трудовых ресурсов страны.

Общие прямые потери национального рынка труда составили около 1 млн чел., или около 1,5% занятых. Вместе с тем некоторые эксперты указывают на возможно большие потери эмиграции. Так, за октябрь–декабрь 2022 г., по данным Росстата, розничный товарооборот снизился на 4,3%. Какую-то

часть сокращения спроса можно списать на переход населения к сберегающей модели потребления, какую-то — на то обстоятельство, что уехали наиболее состоятельные граждане трудоспособного возраста. Разумеется, рынок труда постарел, претерпел гендерные и профессионально-квалификационные изменения. Так, увеличилось предложение со стороны более старших возрастных категорий работников, соответственно выросли вакансии в когорте более молодых. Наблюдаются предложения со стороны женщин в нетрадиционных профессиональных группах (охрана, сварщики и другие рабочие профессии).

Однако отмечена и молодежная безработица в размере 20%¹¹. Такой лежащий на поверхности резерв трудового потенциала дает основание для нового взгляда на современные формы занятости и непрерывного обучения.

Дефицит на рынке труда в определенной мере повысил значение трудовой иммиграции из бедных стран. Вместе с тем, очевидно, что неквалифицированные мигранты из бедных стран СНГ не способны заменить отток квалифицированных национальных кадров и компенсировать демографический провал.

Примитивизация рынка труда

Однако наиболее существенные потери качеству трудовой иммиграции в Россию нанесли санкции стран Запада, которые обусловили планомерное снижение численности квалифицированных специалистов. Так, если в конце первого десятилетия нулевых годов численность ИГ из визовых стран, получивших разрешение на работу, составляла до половины от общей их численности, то во II квартале 2022 г. — всего 1,4%, которые и отражают качество иммиграционного человеческого капитала (см. рис. 1).

Комментируя произведенные оценки и расчеты, еще раз подчеркнем ограниченность возможностей официаль-

11. https://finance.mail.ru/2023-07-17/kogda-nastupit-perelomnyy-moment-dlya-kursa-rublya-57047630/?frommail=1&utm_partner_id=440

ных данных. Представляется, что дополнить анализ структуры и динамики современного иммиграционного капитала России могут позволить данные о прибытии трудовых мигрантов по странам происхождения во II квартале 2022 г.

Рис. 1. Численность трудовых мигрантов, прибывших в Россию во II квартале 2022 г., по странам происхождения (тыс. чел.)

Рассчитано по: данные агентства Fineexpertiza от 8 августа 2022 г. <https://finexpertiza.ru/press-service/researches/2022/trud-migr-max/>

В отмеченной тенденции примитивизации структуры трудовой иммиграции состоит суть первого системного вызова миграции, усиленного гипертрофированными потребностями экономики России в дешевой рабочей силе из бедных стран СНГ. В такой постановке намечаемый путь компенсации демографического и трудового потенциала за счет иммиграции из бедных стран СНГ представляется, по меньшей мере, необоснованным. Вместе с тем либеральная миграционная политика, в значительной мере основанная на институтах государственно-частного партнерства, продолжает превалировать над более взвешенными оценками «трудового и демографического потенциала» современной России.

Выводы

1. Иммиграционный человеческий капитал современной России подавляющей частью (на 95%) представлен неквалифицированной рабочей силой из стран СНГ, не имеющей тесной связи с рынком труда и экономикой знаний, однако достаточно мобильной в выборе профессии, сферы приложения труда и региона пребывания.

2. Привлекая иностранцев, государство экономит средства на вложениях в человеческий капитал. Однако низкая цена рабочей силы и денежные переводы мигрантов из бедных стран на родину выпадают из процесса воспроизводства, снижая их вклад в развитие экономики, фондовый рынок, инвестиции и отрасли социально-культурной сферы, что ограничивает развитие их личного человеческого потенциала.

3. Традиционно считается, что в Россию едут работать. Однако в последние годы все более начинает проявлять себя иммиграция, не связанная с трудовым мотивом, — тренд, характерный для развитых принимающих стран Европы, негативные последствия которого чаще выражаются в нагрузке на бюджеты разных уровней и воспроизводстве противоречий в экономике и социуме.

4. Гипертрофированный спрос на дешевый труд мигрантов в строительной и других отраслях, обслуживающих внутренний рынок, воспроизводит экономику и рынок труда с низкими доходами, незрелые трудовые отношения, вытесняет национальные кадры, более требовательные к условиям труда, стандартам его оплаты, инновациям и росту производительности труда.

5. Исторический опыт развитых принимающих стран Европы, оценка современного состояния и качества трудовой иммиграции в Россию позволяют утверждать, что иммиграционная модель, основанная на неквалифицированном труде и слабой социальной адаптации, несет экономические и социальные риски, оценка которых требует более взвешенных подходов, основанных на нормативах и приоритетах национальных кадров.

6. Условия для реализации рисков созданы сближением границ иностранного сегмента неквалифицированного труда и нижних страт национального рынка, их конкурентных пересечений и демпинговых противоречий, дающих эффект синергии дешевого труда и слабого внутреннего спроса со всеми негативными экономическими и социальными последствиями.

7. Низкий ППС не позволяет большинству населения покупать товары с высокой добавленной стоимостью, является препятствием развития экономики с нормальными стандартами потребления. Попытки оживить низкий ППС за счет льготной ипотеки и дешевого труда мигрантов ведут к росту несоответствия стоимости жилья и ППС населения, рискам непогашения банковских кредитов и неплатежей.

8. Рента дешевого труда используется не на снижение цены 1 кв. м строящегося жилья и не на улучшение условий труда и его оплаты, а чаще всего на дивиденды собственникам и вывод средств в иностранные активы. Ситуацию может изменить введение налога на использование труда иностранцев из стран СНГ или целевое расходование части прибыли на означенные цели.

9. Привлекая ИРС из бедных стран, почти всегда достигается экономический эффект на корпоративном уровне. Негативный эффект выявляется в макроэкономике — в виде замораживания инноваций, низких производительности труда и платежеспособного спроса и в социальной сфере — нежелательной конкуренции мигрантов и местных кадров в экономике и социуме.

10. Санкции и уход квалифицированной ИРС усилил процесс примитивизации иностранного рынка труда за счет мигрантов из бедных стран СНГ, подавляющее большинство которых не является представителями экономики знаний и неспособно компенсировать сжатие национального рынка труда в контексте СВО на Украине.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Комаровский В.В.* Миграционное регулирование в период пандемии COVID-19 // Ежегодник Восток–Запад–Россия. М.: ИМЭМО РАН, 2020.
2. *Мкртчян Н.В., Флоринская Ю.Ф.* Трудовая иммиграция в России: международный и внутренний аспекты // Журнал Новой экономической ассоциации. 2018. №1(37). С. 186–193.
3. *Седлов А.П.* Влияние пандемии COVID-19 на формирование рынков труда России и стран ЕС // Вестник института экономики РАН. 2022. № 2. С. 9–26.
4. *Седлов А.П.* Дешевый труд и экономический рост: тенденции российского рынка труда в контексте СВО на Украине // Общество и экономика. 2023. № 2. С. 45–60.
5. Труд и качество жизни населения России (к 100-летию со дня рождения Е.И. Капустина): Сборник / Отв. ред. И.В. Соболева. М.: ИЭ РАН, 2021.
6. *Яковлева Е.Б.* Западные теории внешней трудовой миграции (критический анализ на основе европейских и российских реалий) // Проблемы современной экономики. 2017. №1(61). С. 66–69. <http://www.m-economy.ru/art.php?nArtId=5982>
7. *Becker Gary S.* Human Capital. N.Y.: Columbia University Press, 1964.
8. *Lewis W.A.* The Theory of Economic Growth. N.Y., 1959.
9. *Massey Douglas S.* International migration and economic development in comparative perspective // Population and Development Review. 1989. Vol. 14. Pp. 383–414.
10. *Piore M.* Birds of passage. Migrant labor and industrial societies. New York: Cambridge University Press, 1979.
11. *Stouffer S.* Intervening Opportunities: A Theory Relating Mobility and Distance // American Sociological Review. 1940. Vol. 5(6). Pp. 845–867.
12. *Shultz T.* Human Capital in the International Encyclopedia of the Social Sciences. N.Y., 1968. Vol. 6.
13. *Wallerstein I.* The Modern World-System: Capitalist Agriculture and the Origins of the European World-Economy in the Sixteenth Century. New-York: Academic Press, 1974.

И.В. Соболева

д.э.н, главный научный сотрудник,
ИЭ РАН

УСЛОВИЯ ТРУДА И СУБЪЕКТИВНОЕ БЛАГОПОЛУЧИЕ РАБОТАЮЩЕГО НАСЕЛЕНИЯ

Важнейшим фактором сбалансированного воспроизводства национального человеческого потенциала, значение которого сегодня возрастает в связи с обострением демографических проблем, является обеспечение здоровых и безопасных условий труда. В статье на основе данных Комплексного наблюдения условий жизни населения Росстата исследуются ситуация с защищенностью работающего населения в области условий труда и взаимосвязь их характеристик и ряда аспектов их субъективного благополучия, связанных с работой. Показано, что, несмотря на имевшие место в последнее десятилетие позитивные сдвиги, ситуация в области изменения условий труда внушает опасения в связи с увеличением доли занятых на тяжелой работе, широким распространением работы, сопряженной со стрессом, и низкой эффективностью механизмов выявления и учета производственного травматизма. Обоснован вывод, что занятость в неблагоприятных условиях сопряжена с множественными негативными следствиями для работников и приводит к существенному снижению их субъективного благополучия.

Ключевые слова: условия труда, субъективное благополучие работников, производственный травматизм, вредные производственные факторы, стресс, удовлетворенность заработком, удовлетворенность работой.

На протяжении последнего десятилетия ситуация в экономике России характеризуется устойчиво низким уровнем безработицы. Сколько-нибудь серьезного всплеска высвобождений работников не наблюдалось даже в пик пандемического кризиса. После его преодоления масштабы и уровень безработицы сократились до рекордно низких значений, пробив планку естественного уровня. Ситуация аномально низкой безработицы характерна для большинства регионов России и является следствием двух обстоятельств. С одной стороны, действует демографический фактор: уже на протяжении нескольких лет наблюдается сокращение трудоспособного населения. С другой — далеко не последнюю роль

играет сложившаяся в России трудовая модель, опирающаяся на специфические механизмы адаптации к колебаниям спроса на труд [6]. В кризисные периоды затраты на рабочую силу работодатели предпочитают снижать за счет уменьшения заработной платы и других инвестиций в работников, широко практикуя различные схемы сокращения рабочего времени, но до последнего избегая открытых увольнений. Объективный тренд расширения спектра нестандартных форм занятости [3] предоставляет для реализации этой модели новые возможности.

Относительно низкий по сравнению с такими индикаторами экономического благополучия, как среднедушевой ВВП, уровень оплаты труда в сочетании с волатильностью заработных плат закономерно приводит к тому, что именно вопросы недостаточности заработной платы оказываются в центре внимания как политиков, так и исследователей. Не случайно, когда речь идет о хороших (высокопроизводительных) рабочих местах, качестве рабочих мест, главным, а порой и единственным, критерием оценки выступает уровень оплаты труда¹. Неудовлетворительное качество занятости также ассоциируется в первую очередь с низкой оплатой.

С учетом того, что уровень заработных плат для значительной части работающего населения едва превышает прожиточный минимум, повышенное внимание к вопросам обеспечения достойной оплаты труда вполне закономерно и оправданно. В то же время следует отметить, что недостаточность заработков не просто заслоняет множество других весьма острых проблем в области качества занятости работающего населения России, но во многих случаях работает на их обострение, создавая дополнительные угрозы сбалансирован-

1. «К высокопроизводительным рабочим местам (далее – ВПРМ) относятся все замещенные рабочие места предприятия (организации), на котором среднемесячная заработная плата работников (для индивидуальных предпринимателей – средняя выручка) равна или превышает установленную величину критерия (пороговое значение)» (Методика расчета показателя «Прирост высокопроизводительных рабочих мест, в процентах к предыдущему году», утверждена Приказом Федеральной службы государственной статистики от 9 октября 2017 г. №665).

ному воспроизводству национального человеческого потенциала, что особенно опасно в условиях обострения демографического дефицита. В первую очередь это относится к угрозам в области обеспечения здоровых и безопасных условий труда.

Необходимость комплексной оценки качества занятости, не ставящей во главу угла единственный индикатор достойной оплаты труда, последовательно отстаивается Международной организацией труда (МОТ). Еще в последнее десятилетие прошлого века под эгидой МОТ была разработана концепция социально-экономической защищенности работающего населения [8]. Ее основой стало выделение семи ключевых аспектов защищенности, характеризующих как стабильность и надежность условий существования работника в сфере труда, обеспечивающих устойчивое воспроизводство рабочей силы, так и возможности самореализации и профессионального развития. Последнее более чем актуально сегодня – в условиях стремительных изменений технологических процессов, что требует от работника непрерывной адаптации к структурным сдвигам спроса на труд, активного усвоения новых навыков и практик. При этом отнюдь не теряет актуальности базовый уровень защищенности в сфере труда, являющийся залогом поддержания физического и психического здоровья работающего населения, утрата которого делает аспекты, связанные с развитием и усвоением нового, недостижимыми и неактуальными.

В статье предпринята попытка оценить ситуацию с защищенностью в области условий труда и показать их взаимосвязь с некоторыми аспектами субъективного благополучия работников.

Информационная база

Информационной базой исследования служит Комплексное наблюдение условий жизни населения (КОУЖ), которое проводится во исполнение постановления Правительства Российской Федерации от 27 ноября 2010 г. № 946 «Об организации в Российской Федерации системы

федеральных статистических наблюдений по социально-демографическим проблемам и мониторинга экономических потерь от смертности, заболеваемости и инвалидизации населения». Комплексный характер обследования означает, что оно охватывает широкий круг аспектов, характеризующих качество жизни населения, важнейшими из которых являются характеристики социальной защищенности в различных сферах, включая сферу труда, параметры образования и здоровья населения, доступность социально значимых благ. С 2014 г. КОУЖ проводится на регулярной основе каждые два года и охватывает около 60 тыс. домохозяйств во всех субъектах Российской Федерации. Обширный блок индивидуальной анкеты обследования² посвящен характеристике различных аспектов условий труда. Респондентов просят оценить безопасность условий труда с точки зрения вероятности несчастного случая, воздействия вредных и других неблагоприятных факторов, степени тяжести выполняемой работы.

Следует отметить, что информация о состоянии условий труда, в особенности в том, что касается его безопасности (производственного травматизма), доступна отнюдь не только из обследований. На этот предмет существует достаточно обширная отчетность различных государственных министерств и ведомств. Однако полученные этим путем данные, как правило, характеризуют далеко не все сегменты национального рынка труда, поскольку подробная отчетность в основном собирается по крупным и средним предприятиям и организациям и в ней не учитываются работники, занятые на мелких и микропредприятиях, фрилансеры и другие категории населения, самостоятельно обеспечивающие себя работой, а также работающие по найму у физических лиц. Кроме того, статистические формы отчетности, предоставляемые предприятиями, содержат агрегированные данные, которые не всегда содержат разбивку по социально-демографическим

2. В каждом раунде КОУЖ опрос проводится на основе трех анкет: для домохозяйства, индивидуальной — для лиц в возрасте 15 лет и более, и по детям в возрасте до 15 лет.

категориям работников и отнюдь не всегда пригодны для выявления проблем микроуровня, в том числе связанных с далеко не равным распределением такого неявного социального блага, как качество занятости, базовой основой которого являются безопасные и здоровые условия труда.

Считается, что преимущество получаемых на основе отчетности предприятий и организаций массивов статистических данных состоит в высокой степени достоверности информации из официальных источников, поскольку она собирается в ходе производственной деятельности на непрерывной основе специально обученным персоналом. Однако даже предварительный анализ данных регулярной статистической отчетности, отслеживающей индикаторы условий труда, заставляет усомниться в высоком их качестве. Особенно ярко несовершенство отчетности дает о себе знать в том, что касается информации об уровне производственного травматизма, которую Росстат аккуратно собирает в рамках программы индикаторов достойного труда. Так, согласно данным Росстата, в российской экономике в течение года производственную травму получает едва ли один из тысячи работников. В то же время в большинстве европейских стран соответствующий показатель в 15–20 раз выше, что само по себе заставляет усомниться в достоверности российской отчетности. Картина кардинально меняется, если сопоставлять уровень производственного травматизма со смертельным исходом. В то время как в Евросоюзе смертельным исходом сопровождается в среднем одна из 900 травм, то в России, насколько можно судить по официальной статистике – каждая восемнадцатая [4]. Масштабность расхождений заставляет предположить, что значительная часть производственного травматизма не попадает в отчетность и не учитывается статистикой.

В целях компенсации недостатков официальной статистики Росстат регулярно проводит серию обследований населения по социально-демографическим проблемам, наиболее представительным из которых является КОУЖ, охва-

тывающее все категории экономически активного населения и представляющее разноплановую информацию в привязке к индивидуальным респондентам, что открывает большой простор для анализа прежде всего социальных процессов и проблем трудовой сферы. Следует специально подчеркнуть, что информация, доступная на основе КОУЖ, содержит не только субъективные оценки и мнения работников в отношении различных аспектов их жизни и трудовой деятельности, но и обширные фактологические сведения, на основе которых формируются статистические ряды, более полно по сравнению с данными отчетности характеризующие многие аспекты развития трудовой и социальной сферы.

Необходимо, однако, признать, что достоверность информации, доступной на основе обследований, несколько ниже по сравнению с данными отчетности. Участники опросов могут случайно или намеренно (в особенности, когда речь идет о заработках и других доходах) предоставлять неполные или неточные сведения. С осторожностью следует относиться и к субъективной оценочной информации, не всегда соответствующей реальной ситуации. Например, высокая удовлетворенность может быть следствием заниженных притязаний или ожиданий [7]. В то же время большинство исследователей сходятся в том, что субъективные оценки служат полезным инструментом экономического анализа, и они уж точно незаменимы, когда в фокусе разработок находятся социальные процессы и субъективное благополучие работников [1, 9, 10].

Исследование в основном базируется на данных последнего раунда КОУЖ, проведенного в 2022 г. По мере необходимости привлекаются также данные 2014–2020 гг. КОУЖ предоставляет весьма широкий круг индикаторов, позволяющих достаточно полно характеризовать защищенность работающего населения в базовом аспекте условий труда. В их числе – оценка респондентами условий труда с точки зрения степени его тяжести, воздействия вредных и других неблагоприятных производственных факторов, а также наличия и частоты стрессовых ситуаций. Индикаторами субъективного

благополучия являются общая удовлетворенность жизнью и удовлетворенность различными ее аспектами, в том числе связанными с работой [11]. Доступные из КОУЖ индикаторы позволяют осветить лишь ряд аспектов этого многопланового явления. В частности, КОУЖ не содержит вопросов об общей удовлетворенности жизнью и работой. Однако присутствует широкий спектр вопросов, посвященных удовлетворенности различными аспектами трудовой деятельности, что позволяет получить представление о важнейшем аспекте субъективного благополучия работников.

Динамика занятости в неблагоприятных условиях

Данные официальной статистики и аналитических материалов Роструда фиксируют, что новое тысячелетие ознаменовалось определенным позитивным сдвигом в области условий труда. Так, характеризуя основные тенденции в этой области, аналитический обзор Минтруда фиксирует четкий тренд сокращения производственного травматизма как в абсолютном, так и в относительном выражении. Устойчивая понижательная тенденция отмечается по всем наблюдаемым официальной статистикой индикаторам производственного травматизма, кроме одного – числа чел.-дней нетрудоспособности, приходящихся на одного пострадавшего от несчастного случая на производстве, возросшего более чем в полтора раза (с 28,3 в 2000 г. до 49,9 в 2020 г.) [5. С. 6], что служит дополнительным подтверждением гипотезы, что официальная отчетность фиксирует в основном наиболее тяжелые травмы, а значительная (и растущая) часть производственного травматизма остается неучтенной.

Занятость во вредных условиях, согласно отчету Минтруда, постепенно росла вплоть до 2013 г. (с 18,8% в 2001 г. до 32,2% в 2013 г.). Резкий скачок индикатора наблюдался в 2014 г. и был связан с пересмотром методики учета. По новой методике список вредных воздействий был существенно расширен. В дальнейшем отмечалось скромное, но устойчивое

снижение — с 39,7% в 2014 г., до 37,3% в 2020 г. [там же. С. 8]. Увеличение доли занятых на тяжелой работе также происходило постепенно: с 12,0% в 2011 г. до 20,2% в 2020 г. В отчете Минтруда этот тренд не очень вразумительно объясняют «локализацией работы, выполняемой в условиях повышенной тяжести трудового процесса» [там же. С. 48].

Отчасти совпадающую с данными отчетности, но все же несколько иную динамику ситуации дает КОУЖ, черпающее информацию об условиях труда из субъективных оценок работников (см. табл. 1). Первое, что бросается в глаза: в ряде аспектов субъективное восприятие условий труда рисует более оптимистичную картину по сравнению с данными официальных замеров. Прежде всего это касается воздействия вредных факторов производства. По данным КОУЖ, доля работников, на постоянной основе испытывающих на своих рабочих местах воздействие вредных производственных факторов, постепенно снижалась — с 18,8% в 2014 г. до 15,4% в 2020 г., что примерно вдвое ниже официальной оценки доли занятых во вредных условиях. Не следует, однако, забывать, что еще около трети работников сталкиваются с воздействием вредных факторов не на постоянной основе, а время от времени, а полностью свободны от такого воздействия лишь немногим более половины работников, и эта доля оставалась стабильной на протяжении всех раундов КОУЖ.

Медленно, но все же снижается доля работников, испытывающих на своих рабочих местах такие неудобства, как холод и сырость. Сегодня с ними сталкиваются около 40% работников, причем 8,6% — на постоянной основе.

Тревожная ситуация наблюдается по такому индикатору условий труда, как нервное напряжение, наличие стрессовых ситуаций. Следует отметить, что, несмотря на довольно широкую распространенность проблемы психологических перегрузок, этот индикатор не фиксируется (да, пожалуй, и не может быть надежно зафиксирован) официальной статистикой. Получить о нем представление возможно лишь на основе обследований работников. Как показывают данные КОУЖ,

Таблица 1. Динамика распределения работающего населения по основным характеристикам условий труда (%)

Характеристика условий труда	2014	2016	2018	2020	2022
Очень тяжелая работа	3,5	3,4	2,8	2,9	2,4
Тяжелая работа	9,3	9,5	18,2	19,2	19,0
Работа средней тяжести	50,6	50,2	55,0	54,4	54,4
Легкая работа	36,6	35,6	23,7	23,4	24,0
Постоянно испытывают на работе:					
нервное напряжение, стрессы	21,4	18,5	19,5	19,4	17,2
воздействие вредных факторов	18,8	16,9	18,6	17,7	15,4
другие неудобства (холод, сырость и т.п.)	13,3	12,1	11,4	11,2	8,6
Иногда испытывают на работе:					
нервное напряжение, стрессы	49,4	50,6	51,9	52,2	54,6
воздействие вредных факторов	27,1	28,5	27,7	29,7	30,6
другие неудобства (холод, сырость и др.)	30,6	31,0	29,8	30,2	30,4
Не испытывают на работе:					
нервное напряжение, стрессы	29,2	30,5	28,6	28,4	28,2
воздействие вредных факторов	54,1	53,9	53,6	52,6	53,9
другие неудобства (холод, сырость и др.)	56,1	56,2	58,7	58,4	60,8
Выполняли работу, которую они считают:					
совершенно безопасной	32,2	28,6	24,5	24,3	24,3
достаточно безопасной	30,1	36,4	38,8	39,0	41,2
опасной в некоторой мере	30,5	28,9	30,6	31,0	29,7
опасной	7,2	5,9	6,1	5,7	4,7

Составлено по: данные КОУЖ за соответствующие годы.

на протяжении всех раундов доля работников, не испытывающих на своих рабочих местах стрессовых ситуаций, не превышала 30% и не демонстрировала тенденции к сокращению. Правда зафиксировано небольшое снижение доли тех, кто находится под стрессом постоянно (с 21,4% в 2014 г. до 17,2% в 2022 г.). Тем не менее на сегодняшний день под постоянным стрессом пребывает почти каждый пятый работник.

Небольшое улучшение прослеживается в аспекте безопасности условий труда. Доля работников, оценивших свою работу как совершенно безопасную или достаточно безопасную, с 2014 по 2022 гг. выросла на 3,2 п.п. и достигла 65,5%. Тем не менее примерно треть работников заняты на опасных в некоторой мере и просто опасных рабочих местах.

Наименее благоприятную динамику демонстрирует занятость на работе с тяжелыми условиями труда. Причем, если официальная отчетность отмечала постепенный рост доли занятых на тяжелой работе на протяжении 10 лет, то КОУЖ фиксирует ее резкий скачок: между 2014 и 2016 гг. занятость на тяжелой и очень тяжелой работе выросла почти вдвое – с 12,9 до 23%, и этот уровень сохранился в двух последующих раундах. Одновременно занятость на легкой с точки зрения физических усилий работе сократилась в полтора раза.

Таким образом, несмотря на некоторые позитивные сдвиги, в целом ситуацию в области изменения условий труда, как в отражении официальной отчетности, так и в зеркале субъективных оценок работников, вряд ли можно назвать благополучной. Особую тревогу вызывают увеличение доли занятых на тяжелой работе, широкое распространение стрессовых ситуаций и весьма проблематичный учет производственного травматизма.

Социальное самочувствие занятых в неблагоприятных условиях

Решение проблемы занятости в неблагоприятных условиях может осуществляться по двум направлениям. Первое предполагает целенаправленные усилия по повышению «комфортности» рабочих мест, их модернизации, минимизации действия вредных факторов. Второе – предоставление монетарных (повышение заработной платы или специальные компенсационные выплаты) или немонетарных (сокращение рабочего времени, удобный режим работы и т.п.) компенсаций, ставящих работников, занятых в тяжелых, вредных и/или опасных условиях, в более выгодное положение по срав-

нению с работниками не менее высокой квалификации, работающими в более комфортных условиях, по другим аспектам занятости. И работодатели, и государство предпринимают действия и в том, и в другом направлении. В то же время в ситуации недостаточности заработной платы для удовлетворения на достойном уровне материальных и социальных потребностей работник может быть склонен примириться с наличием неблагоприятных факторов на рабочем месте при условии компенсаций [2]. Косвенным подтверждением последнего обстоятельства может служить тот факт, что, по данным КОУЖ, более половины занятых на очень тяжелой работе и почти 60% находящихся под постоянным воздействием вредных производственных факторов тем не менее вполне удовлетворены условиями труда.

Одним из способов оценить, насколько продуктивна такая линия поведения в сфере труда, является сопоставление параметров социального самочувствия работников, занятых в более и менее благоприятных условиях. КОУЖ дает возможность такого сопоставления по достаточно широкому кругу аспектов удовлетворенности работой. Как видно из табл. 2, монетарная компенсация за неблагоприятные условия труда по всем без исключения отслеживаемым аспектам представляется работникам недостаточной. Доля удовлетворенных заработной платой тем выше, чем лучше условия труда. Аналогично доля абсолютно неудовлетворенных заработком устойчиво растет вместе с ухудшением условий труда. Таким образом, механизмы материальных компенсаций, по-видимому, работают неэффективно.

Сопоставление других аспектов удовлетворенности работников с различными условиями труда показывает, что схожим образом обстоит дело и с немонетарными компенсационными механизмами. Работники, находящиеся в более благоприятной ситуации с точки зрения условий труда, — занятые на более легкой и безопасной работе, менее подверженные воздействию вредных производственных факторов и других неудобств, одновременно в большей степени удов-

Таблица 2. Удовлетворенность работников с различными условиями труда заработной платой в 2022 г. (%)

Характеристика условий труда	Вполне удовлетворены	Не вполне удовлетворены	Совсем не удовлетворены
Очень тяжелая работа	47,6	40,0	12,3
Работа средней тяжести	49,2	43,7	7,
Легкая работа	54,1	39,8	6,0
Испытывают на работе нервное напряжение, стрессы:			
постоянно	48,3	42,2	9,5
иногда	49,8	43,9	6,3
нет	51,3	40,7	7,9
Испытывают на работе воздействие вредных факторов:			
постоянно	44,1	45,5	10,4
иногда	48,5	44,7	6,9
нет	52,5	40,8	6,7
Испытывают на работе другие неудобства (холод, сырость и т.п.):			
постоянно	43,9	44,5	11,6
иногда	45,3	46,1	8,6
нет	53,2	40,7	6,0
Выполняли работу, которую они считают:			
совершенно безопасной	55,3	37,8	6,8
достаточно безопасной	49,4	43,6	6,9
опасной в некоторой мере	46,7	45,5	7,7
опасной	46,5	43,0	10,4

Рассчитано по: данные КОУЖ-2022.

летворены надежностью рабочего места, режимом труда, выполняемыми обязанностями, а также испытывают большее профессиональное и моральное удовлетворение от своей работы. Несколько более смазанная зависимость присутствует и в отношении степени нервного напряжения и стрессовых ситуаций. Чем спокойнее работа, тем выше удовлетворенность надежностью рабочего места, выполняемыми обязан-

ностями и режимом работы. В то же время четкой взаимосвязи степени нервного напряжения, сопряженного с работой, с одной стороны, и морального и профессионального удовлетворения от занятости, с другой, не прослеживается.

Поскольку речь идет в данном случае не об объективных параметрах рабочих мест, а о субъективной удовлетворенности работников теми или иными сторонами их трудовой деятельности, причины, стоящие за выявленными взаимосвязями, могут быть различны. Возможно, оценки работников фиксируют объективную ситуацию, а значит существует кластер рабочих мест, для которого характерен комплекс неблагоприятных характеристик, таких как плохие условия труда, серьезное отставание зарплаток от трудового вклада, низкие гарантии сохранения рабочего места, неудобный режим работы и т.д. Не менее правдоподобна выглядит гипотеза, в соответствии с которой работники переоценивают размеры компенсаций, на которые они рассчитывают за испытываемые неудобства, что естественным образом снижает уровень удовлетворенности. Однако и в том, и в другом случае имеет место похожий результат: занятость в неблагоприятных условиях сопряжена с целым шлейфом негативных последствий для работников, не обязательно прямо связанных с условиями труда, а потому приводит к существенному снижению их субъективного благополучия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Автономов В.С., Автономов Ю.В. Общая теория «споров о методах» в экономической науке // *Общественные науки и современность*. 2016. № 4. С. 5–20.
2. Збъшико Б.Г., Баранов Ю.В. Проблемы охраны труда и регулирования социально-трудовых отношений // *Труд и социальные отношения*. 2020. Т. 31. № 4. С. 81–94.
3. Каравай А.В. Нестандартная занятость в современной России: виды, масштабы, динамика. Социально-трудовые исследования. 2022. №48(3). С. 81–93. DOI: 10.34022/2658-3712-2022-48-3-81-93.
4. Кубишин Е.С. Условия труда и новые формы нестандартной занятости в контексте развития человеческого потенциала России. Препринт научного доклада. М.: ИЭ РАН, 2023. С. 11.
5. Результаты мониторинга условий и охраны труда в Российской Федерации в 2020 году. М.: Минтруд России, 2021.
6. Соболев Э.Н. Российские трудовые отношения и трудовой менталитет в условиях рыночной трансформации // *Россия и современный мир*. 2015. № 1 (86). С. 48–57.
7. Barazzetta M. The asymmetric effect of expectations on subjective well-being. Working paper 374. ECINEQ, Society for the Study of Economic Inequality. 2015.
8. Economic Security for a Better World. Geneva: ILO, 2004.
9. Kaiser C., Oswald A.J. The scientific value of numerical measures of human feelings // *Proceedings of the National Academy of Sciences*. 2022. Vol. 119. No. 42. <https://doi.org/10.1073/pnas.2210412119>
10. Oparina E., Srisuma S. Analyzing Subjective Well-Being Data with Misclassification // *Journal of Business & Economic Statistics*. 2022. Vol. 40. No. 2. Pp. 730–743. <https://doi.org/10.1080/0735015.2020.1865169>
11. Veenhoven R. Sociological theories of subjective well-being. In: M. Eid, R.J. Larsen (Eds.). *The science of subjective well-being*. New-York: The Guilford Press, 2008. Pp. 44–61.

М.Е. Баскакова

д.э.н., ведущий научный сотрудник,
ИЭ РАН

ОСОБЕННОСТИ УЧАСТИЯ В ПРОЦЕССЕ НЕПРЕРЫВНОГО ОБРАЗОВАНИЯ ЛИЦ ТРУДОСПОСОБНОГО ВОЗРАСТА, ЖЕЛАЮЩИХ ИМЕТЬ РАБОТУ

В статье рассматриваются социально-демографические характеристики группы желающих работать, но не ищущих работу и не готовых приступить к ней, и их участие в процессе непрерывного образования. Даются сравнения с другими группами лиц, желающих работать. Показывается, что данная группа обладает достаточно высоким уровнем человеческого потенциала, что в целом делает целесообразным создание специальных условий для профессиональной занятости. В работе были использованы данные итогов выборочного федерального статистического наблюдения участия населения в непрерывном образовании в 2020 г. Росстата.

Ключевые слова: занятость, рынок труда, непрерывное образование, рабочая сила, выразившие желание работать.

Проведение СВО, санкции и уход части иностранных компаний из экономики России, развертывание процесса импортозамещения привели к масштабной структурной перестройке национальной экономики и соответствующим изменениям в сфере занятости и на рынке труда. В первую очередь речь идет об обострении многолетней проблемы нехватки рабочих рук. Об этом, в частности, свидетельствуют снижение уровня общей безработицы (с 6,1 до 3,2% с мая 2020 г. по май 2023 г., что является историческим минимумом для этого показателя) и рост числа заявлений работодателей в службу занятости о потребностях в работниках (с 1,4 до 2,0 млн чел. в аналогичный период), которые наблюдались на фоне роста уровня участия в рабочей силе (для населения в возрасте 15+ с мая 2020 г. по март 2023 г. он вырос с 61,7 до 62,4%) и численности занятого населения (с 70,0 до 73,4 млн чел. с мая 2020 г. по май 2023 г.).

При этом рынок труда столкнулся с фактическим исчерпанием таких традиционных источников пополнения рядов занятого населения, как потенциальная рабочая сила и внешние трудовые мигранты. За период с мая 2020 г. по март 2023 г. численность потенциальной рабочей силы сократилась в два раза (с 1,5 до 0,7 млн чел.). В последнее время потеряла свое значение для национальной экономики и внешняя трудовая миграция. Более того, та часть трудовых мигрантов, тех, кто не отягощен профессиональным образованием, высокой квалификацией и хорошим знанием русского языка, все чаще воспринимается населением и властями как нежелательный элемент на российском рынке труда.

В связи с этим становится актуальной задача поиска новых внутренних источников пополнения рабочей силы. С той целью российские исследователи все чаще стали обращать внимание на экономически неактивное население [8]. В работе [3] в качестве гипотетического источника рабочей силы рассматривалось все экономически неактивное население, без его дифференциации по желанию/не желанию выйти на рынок труда. Это занижало оценку потенциала экономической активности этого контингента. В статьях [1, 7] рассматривались масштабы и социально-демографические характеристики потенциальной рабочей силы, оценивались возможности ее вовлечения в оплачиваемую занятость.

В то же время те, кто в принципе выражает желание работать, но при этом ничего не делает для поиска работы и, более того, даже если она найдется, не планирует приступить к ней в ближайшее время, в качестве такого источника, как правило, не рассматриваются [5]. Правда, по методике Международной организации труда последняя категория граждан, наравне с теми, кто при опросе не выражает желания иметь профессиональную занятость, даже не включается в состав показателя «недоиспользование рабочей силы».

Помимо общей нехватки рабочей силы в экономике страны не менее остро стоит и проблема обеспечения эконо-

мики квалифицированными кадрами. При достаточно высоком уровне образования населения, в том числе профессионального, в стране не только не хватает квалифицированных кадров по определенным спектрам профессий, но и не сложилась система переобучения, повышения квалификации, обновления навыков и квалификаций, которая отвечала бы требованиям трансформирующейся сферы труда [2, 4].

Цель работы — раскрыть социально-демографические характеристики лиц, не входящих в рабочую силу, но желающих работать, оценить параметры их участия в непрерывном образовании.

Для оценки статистических данных были применены методы логического анализа и математической статистики.

В работе использована доработанная классификация населения по отношению к профессиональной занятости и положению на рынке труда, закрепленная «Резолюцией о статистике трудовой деятельности, занятости и недоиспользования рабочей силы», рекомендованной 19-й Международной конференцией статистиков труда в октябре 2013 г. В соответствии с этой классификацией среди населения трудоспособного возраста/возраста 15+ лет выделяются две группы (рабочая сила и лица, не входящие в ее состав), одна из которых (рабочая сила) имеет три подгруппы (см. рис. 1):

1) рабочая сила, в состав которой входят:

- занятые — лица, которые в обследуемую неделю выполняли любую деятельность (хотя бы один час в неделю), связанную с производством товаров или оказанием услуг за оплату или прибыль;
- безработные — лица, которые в рассматриваемый период удовлетворяли одновременно следующим критериям: не имели работы (доходного занятия); занимались поиском работы в течение последних четырех недель, используя при этом любые способы; были готовы приступить к работе в течение обследуемой недели;

2) лица, не входящие в состав рабочей силы:

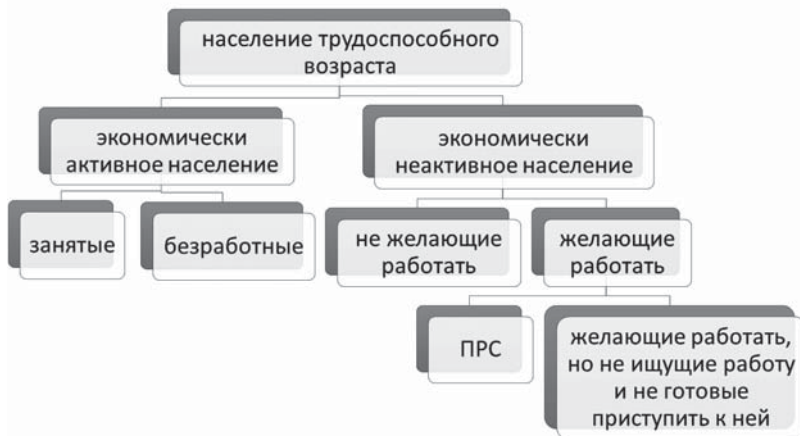

Рис. 1. Схема совокупности лиц трудоспособного возраста, желающих работать (на I квартал 2023 г.)

- потенциальная рабочая сила – лица, выразившие желание работать, которые либо искали работу, но были не готовы приступить к ней в настоящий момент, однако будут готовы приступить к ней в течение короткого последующего периода; либо не искали работу, но были готовы приступить к ней в настоящий момент. В этой категории выделяется подгруппа отчаявшихся найти работу. (Потенциальная рабочая сила в совокупности с занятыми и безработными образует расширенное понимание рабочей силы.);
- выразившие желание работать, но не ищущие работу и не готовые приступить к ней;
- не выразившие желание работать.

В российской статистике новые показатели рассчитываются с 2010 г. на основе данных ОРС¹.

1. Приказ Росстата от 31 декабря 2015 г. № 680 «Об утверждении официальной статистической методологии формирования системы показателей трудовой деятельности, занятости и недоиспользования рабочей силы, рекомендованных 19-й Международной конференцией статистиков труда». http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_192555/#:~:text=Приказ%20Росстата%20от%2031.12.2015%20N,19-ой%20Международной%20конференцией%20статистиков%20труда%22

Введение новых показателей позволяет более полно и точно охарактеризовать население, которое в настоящий момент оказалось вне рынка труда, определить его статусы относительно рынка труда, охарактеризовать социально-демографические параметры, раскрыть его участие в непрерывном образовании, а в результате – более точно оценить экономический и кадровый потенциал страны. Получение этой новой информации позволит сделать государственную политику занятости более гибкой и адресной.

Классификация форм непрерывного образования, примененная в работе, соответствует классификации, использованной Росстатом при проведении выборочного федерального статистического наблюдения участия населения в непрерывном образовании, отражающего его интеграцию в процесс получения образования (общее, профессиональное образование, профессиональное обучение, дополнительное образование, в том числе в форме самообразования).

Объектом исследования стала вся совокупность лиц, выразивших желание работать, – занятые, безработные, определяемые по методологии МОТ, лица, входящие в потенциальную рабочую силу, и лица, выразившие желание работать, но не ищущие работу и не готовые приступить к ней.

Эмпирической базой исследования послужили данные итогов выборочного федерального статистического наблюдения участия населения в непрерывном образовании в 2020 г., в рамках которого было опрошено во всех субъектах Российской Федерации около 100 тыс. домохозяйств (более 231 тыс. респондентов в возрасте от 15 лет и старше, что соответствует 0,19% численности населения данного возраста). Итоги данного наблюдения были распространены на общую численность населения в возрасте 15 лет и старше².

2. https://gks.ru/free_doc/new_site/population/trud/inobr2020/index.html

«Желающие работать»: социально-демографический портрет

В России «хочет работать» подавляющее большинство населения трудоспособного возраста (86%). Среди них: 92% (66,9 млн чел.) уже имеют работу (занятые); 4% (2,5 млн чел.) – безработные; 1% (0,7 млн чел.) – лица, составляющие потенциальную рабочую силу; 3% (2,4 млн чел.) – те, кто работать хочет, но не «искали работу» и не «были готовы приступить к ней в настоящий момент» (см. рис. 2). Все эти группы значительно различаются по своим социально-демографическим характеристикам.

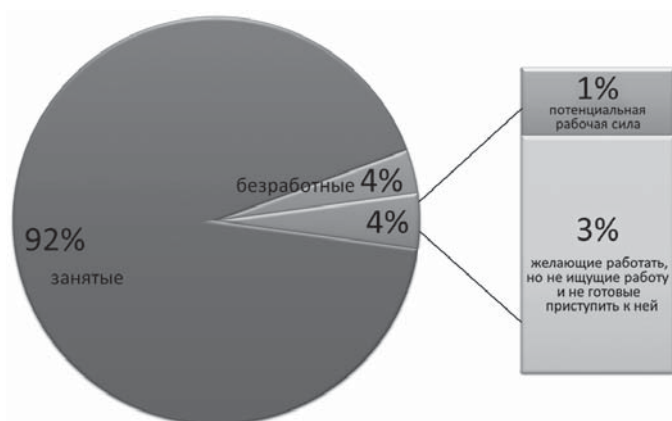

Рис. 2. Структура совокупности лиц, желающих работать (I квартал 2023 г., %)

Различия в возрастном составе выделенных групп среди желающих работать в целом можно охарактеризовать следующим образом: чем дальше от реальной занятости находится группа, тем моложе ее состав (рис. 3). Среди занятых практически нет 15–19-летних – в этом возрасте подавляющее большинство молодых людей учатся либо в школе, либо в профессиональном учебном заведении. Работников в возрасте 20–29 лет – 16%, т. е. доля молодежи среди занятых составляет только 17%. Больше всего 30–39-летних – 29%, и 40–49 летних – 33%. Люди предпенсионного возраста (50+ лет) составляют пятую часть всех занятых (21%).

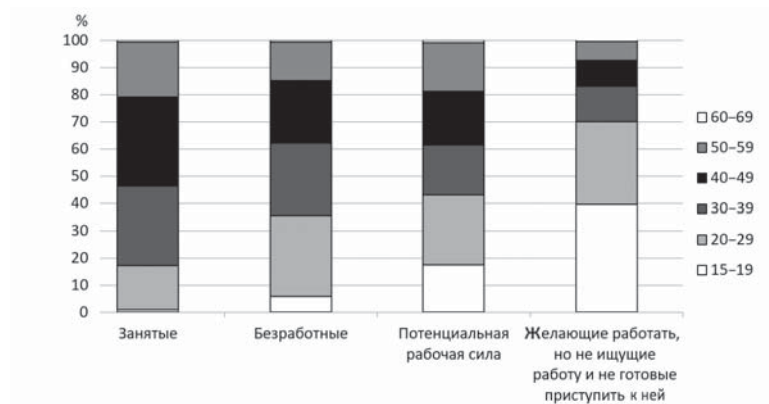

Рис. 3. Возрастной состав групп среди желающих работать (2020 г.)

Среди безработных 15–19-летних не много, но все же больше, чем среди занятых – 6%, больше и 20–29-летних – 30%, т. е. молодежь составляет четверть всех безработных. Зато предпенсионеров меньше, чем среди занятых – 15%.

Среди тех, кто составляет потенциальную рабочую силу, доля 15–19-летних еще больше – 17%. Много и 20–29-летних – 26%, т.е. молодежь составляет уже 43% потенциальной рабочей силы, а предпенсионеры – 19%.

А вот среди желающих работать, но не ищущих работу и не готовых приступить к ней, молодежь составляет большинство – 70% (40% – 15–19-летние и 30% – 20–29-летние). А вот предпенсионеров среди них практически нет – 7%.

Столь значимые расхождения в возрастном составе выделенных групп во многом объясняются различиями в их социальных составах. «Молодежная» группа желающих работать, но не ищущих работу и не готовых приступить к ней, наполовину состоит из учащихся очной формы обучения и еще на четверть – из лиц, ведущих домашнее хозяйство или отвечающих за уход за домом и детьми. Последние, вероятнее всего, представлены молодыми женщинами, воспитывающими малолетних детей. Пенсионеров среди них мало – только 7%.

В группе «постарше» – среди лиц, представляющих потенциальную рабочую силу, доли студентов и домохозяек

достаточно высоки, хотя и меньше, чем в предыдущей группе (соответственно 19 и 21%). Также в ней самая большая доля пенсионеров (11%).

Среди безработных доля учащихся очной формы обучения и ведущих домашнее хозяйство еще меньше (соответственно 6 и 17%).

Что касается образования «желающих работать» и различий его уровня по выделенным группам, то прослеживается четкая обратная зависимость этого уровня и «удаленности» группы от реальной занятости (рис. 4). Самый высокий уровень образования отмечается у занятого населения, самый низкий — у желающих работать, но не ищущих работу и не готовых приступить к ней. На первый взгляд это говорит о низком качестве человеческого капитала у людей из групп, не входящих в рабочую силу, и ставит под вопрос целесообразность попыток интеграции их в сферу занятости. Но учитывая большую долю молодежи в этих группах, низкий уровень образования скорее свидетельствует о пока не реализованных или не до конца реализованных планах получения профессионального образования, нераскрытом пока человеческом потенциале части лиц, входящих в эти группы.

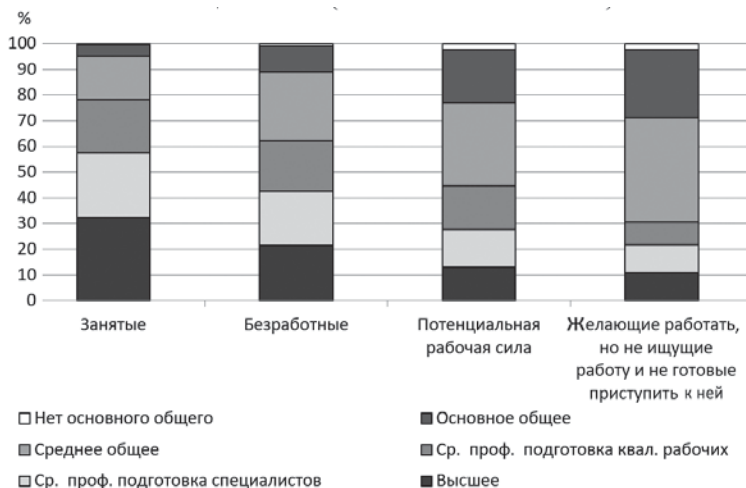

Рис. 4. Уровень образования лиц, желающих работать (2020 г.)

Гендерный состав различается по группам. В группах, входящих в расширенное понимание рабочей силы, соотношение мужчин и женщин в целом соответствует их соотношению среди экономически активного населения. С одной ремаркой – чем ближе к реальной занятости находится группа, тем меньше в ней доля женщин. Впрочем, разброс значений небольшой: среди занятых женщин – 47,3%, среди безработных – 48%, среди потенциальной рабочей силы – 48,5%. Другая картина вырисовывается в группе желающих работать, но не ищущих работу и не готовых приступить к ней. В ней женщины составляют большинство (60%). Что, впрочем, не удивительно, учитывая ее социальный состав. Ведь девушки составляют большинство как среди учащихся профессиональных учебных заведений, в первую очередь среднего и высшего уровня, так и среди лиц ведущих домашнее хозяйство или отвечающих за уход за домом и детьми.

Участие «желающих работать» в непрерывном образовании

Масштабы участия населения в непрерывном образовании в России в целом невелики [6]. Но вовлеченность в этот процесс у представителей разных групп оказалась неодинаковой. Как показали данные опроса, наиболее активными участниками непрерывного образования оказались «желающие работать, но не ищущие работу и не готовые приступить к ней» (69%). Далее с большим отрывом следует занятое население (49%). Доли участников непрерывного образования среди безработных и представителей потенциальной рабочей силы еще меньше и составляли 39 и 42% соответственно (рис. 5).

При анализе участия населения в процессе непрерывного образования следует учитывать два важных обстоятельства, обуславливающих высокую долю участников этого процесса среди молодежи. Во-первых, обязательность школьного образования. В России установлены три обязательных уровня общего обязательного образования (начальное, основное,

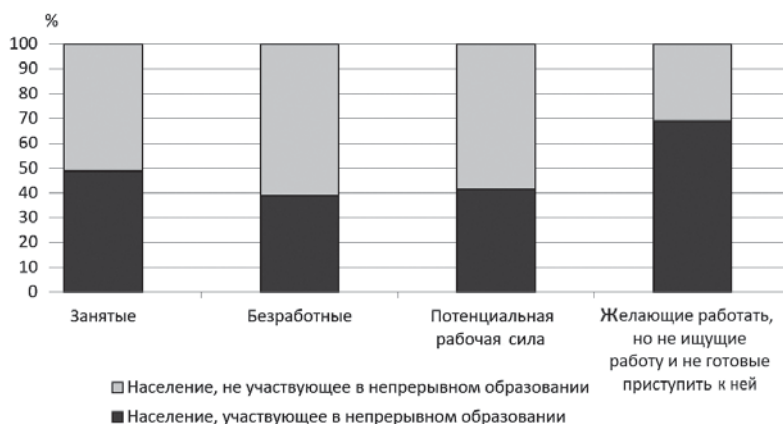

Рис. 5. Участие в непрерывном образовании лиц, желающих работать (2020 г.)

среднее)³. Кроме того, в стране гарантируются общедоступность и бесплатность среднего профессионального образования, а также — на конкурсной основе — бесплатность высшего образования (в случае получения образования этого уровня впервые)⁴. Это обеспечивает большинству молодежи возможность получить профессиональное образование в рамках специализированных учебных заведений разного уровня. Во-вторых, остается в силе сложившееся еще в советское время стереотипное восприятие очного обучения как единственной формы занятости для молодых людей, особенно в школе и в первые годы профессионального обучения.

Нужно иметь в виду и то, что разные формы непрерывного образования не имеют пересечений, и активные участники этого процесса могут быть включены сразу в нескольких его форм. Соответственно, суммарное участие населения в разных формах такого образования, рассчитываемое как сумма долей населения, участвующего в каждой его форме, может быть больше 100%, но в любом случае будет больше доли положительно ответивших на вопрос об участии в непрерывном образовании (рис. 6).

3. Конституция РФ. Ст. 43. Ч. 4.

4. Федеральный закон об образовании в Российской Федерации. Ст. 5.

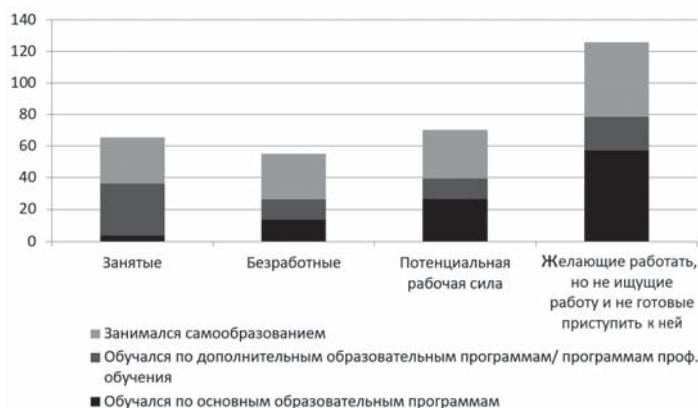

Рис. 6. Формы и масштабы участия в непрерывном образовании лиц, желающих работать (2020 г.)

Если рассматривать участие рассматриваемых групп населения в непрерывном образовании как сумму их участия во всех его формах, то оказывается, что самыми активными в этом вопросе являются «желающие работать, но не ищущие работу и не готовые приступить к ней». Наиболее востребованной формой непрерывного образования у них было обучение по основным образовательным программам. В него было вовлечено 58% опрошенных, что во многом определялось демографическим составом группы. Еще 21% обучались по дополнительным образовательным программам или программам профессионального обучения, а еще 47% занимались самообразованием. Итого суммарная активность составляла 126%.

В дополнительном профессиональном образовании у группы наиболее востребованными оказались курсы вождения, изучение иностранных языков, занятия физической культурой под руководством инструктора. То есть участники дополнительных образовательных программ оказались ориентированы в первую очередь на личностное и социальное развитие – расширение круга общения, кругозора, появление новых знакомств, повышение культурного уровня, развитие повседневных навыков и т.п., а не на профессиональную занятость (гипотетическое трудоустройство, карьеру и пр.).

В самообразовании из трех «топовых» направлений, выбранных членами группы, только одно можно отнести к повышению профессиональных навыков — «получение знаний и навыков по использованию компьютера». Два других — «получение знаний/навыков по использованию новых бытовых технических средств (мобильный телефон, «умный дом» и др.)» и «изучение вопросов здоровья, здорового образа жизни» — имеют лишь косвенное отношение к профессиональной карьере.

Потенциальная рабочая сила с большим отрывом занимала второе место по суммарной активности в непрерывном образовании (71%). В ней доля обучавшихся по основным образовательным программам была почти в два раза меньше, чем у предыдущей группы — 27% (но в ней и молодежи было меньше). Доля обучавшихся по программам дополнительного профессионального образования составила только 13%. Наиболее востребованными направлениями такого обучения стали занятия физической культурой под руководством инструктора и водительские курсы, а наиболее часто декларируемыми целями — получение новых знаний и новой работы. Среди лиц, принадлежащих этой группе, каждый третий был занят самообразованием. Основными направлениями такого обучения были «получение знаний и навыков по использованию компьютера» и «изучение вопросов здоровья, здорового образа жизни».

На третьем месте по активности участия в непрерывном образовании оказались «занятые», с суммарной активностью 66%. В этой группе практически не оказалось тех, кто обучается по основным образовательным программам, что еще раз свидетельствует о низкой трудовой активности студентов-очников. Зато занятые чаще представителей остальных групп участвовали в дополнительных образовательных программах или программах профессионального обучения (32%), определяя его цели как получение новых знаний и достижение более высоких результатов работы. Чаще всего такое обучение касалось техники безопасности, охраны труда или кратко-

срочных курсов, профессиональных тренингов, семинаров, конференций, мастер-классов. Самообразование среди занятых также оказалось весьма популярным, им занималось 29% опрошенных. Наиболее востребованные направления обучения не отличались от популярных направлений самообразования других групп.

Самый низкий уровень активности участия в непрерывном образовании показали безработные. Их суммарная активность оказалась равна 55%. При этом самой востребованной формой непрерывного образования у безработных оказалось самообразование, а наиболее популярными направлениями — обучение пользованию компьютером, изучение вопросов здоровья, здорового образа жизни, получение знаний/навыков по использованию новых бытовых технических средств. В освоение основных образовательных программ включено было 14% всех безработных, а дополнительных — 12%. При этом безработные значительно чаще представителей других групп ставили целью своего участия в дополнительном образовании устройство на работу.

Планы на обучение

Данные обследования показали также, что и в будущем не следует ожидать активизации участия населения в непрерывном образовании. Чаще всех заявляли о планах на будущее обучение те, кто не входит в состав рабочей силы. Среди желающих работать, но не ищущих работу и не готовых приступить к ней, каждый второй (52%) планировал пройти обучение в ближайшие 12 месяцев, что вполне объяснимо, учитывая масштабы вовлеченности в обучение по основным образовательным программам. На втором месте оказались лица, входящие в потенциальную рабочую силу. Среди них такие планы озвучил каждый третий. Среди безработных — 29%. Замыкали список занятые, среди которых учиться предполагали только 22%.

Но при этом занятые и безработные чаще связывают свое будущее обучение с работой, профессиональными инте-

ресами. Среди занятых, планирующих пройти обучение, таких было 57%, среди безработных – 58%. В то время как группы, не входящие в рабочую силу, чаще делали акцент на личных, вне рабочих интересах. Среди планирующих обучение лиц, входящих в потенциальную рабочую силу, связывали его с работой, профессиональными интересами только 48%, а среди желающих работать, но не ищущих работу и не готовых приступить к ней – 44%.

Заключение

Результаты исследования показали, что в России численность желающих работать, но не ищущих работу и не готовых приступить к ней, в настоящее время достаточно велика. Она сопоставима с масштабами общей безработицы. В ходе работы были определены основные социально-демографические характеристики этой группы населения. Показано, что группа представляет собой молодежный контингент, состоящий преимущественно из учащихся-очников и молодых женщин, воспитывающих маленьких детей. По уровню образования группа в целом уступает остальным, но принимает самое активное участие в непрерывном образовании и в первую очередь в обучении по основным образовательным программам, что показывает их хорошие перспективы в расширении их человеческого потенциала, который во многом будет реализован в будущем.

Сопоставления социально-демографических характеристик группы желающих работать, но не ищущих работу и не готовых приступить к ней, с аналогичными показателями других групп, желающих работать, свидетельствуют о достаточно высоком уровне ее человеческого потенциала и, соответственно, целесообразности разработки мер по вовлечению этой категории населения в экономическую активность.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баскакова М.Е. Потенциальная рабочая сила современной России: социально-демографический портрет и уровень образования // Социально-трудовые исследования. 2022. № 48(3). С. 105–117. DOI: 10.34022/2658-3712-2022-48-3-105-117.
2. Баскакова М.Е., Чубарова Т.В. Непрерывное образование в России как механизм воспроизводства человеческого потенциала: гендерный аспект // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2021. Т. 14. № 4. С. 169–184.
3. Варшавская Е.Я., Денисенко М.Б. Экономически неактивное население России: численность, динамика, характеристики // Социологические исследования. 2015. №5(373). С. 42–51.
4. Кудина М.В., Сухарева М.А. Современное состояние непрерывного образования в экономике знаний // Государственное управление. Электронный вестник. 2018. Вып. 71. Дек. С. 285–306.
5. Лайкам К.Э. Молодежь на рынке труда: проблемы и тенденции // Федерализм. 2018. № 3 (91). С. 157–171.
6. Соколова Е.И. Страны – европейские лидеры в области непрерывного образования // Непрерывное образование: XXI век. 2017. Вып. 2 (18). С. 74–92. DOI: 10.15393/5.art.2017.3506.
7. Перова М.Б. Экономически неактивное население // Социальные и экономические системы. 2021. №2(20). С. 140–154.
8. Черных Е.А. Неиспользование рабочей силы: методологические подходы к измерению и статистический анализ // Уровень жизни населения регионов России. 2019. №2(212). С. 52–62. DOI: 10.24411/1999-9836-2019-10064.

Э.Н. Соболев

д.э.н., ведущий научный сотрудник,
ИЭ РАН

СУБЪЕКТЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ: ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

В статье исследуются интересы и возможности государства, бизнеса и профсоюзов в регулировании трудовых отношений в российской экономике. Особое внимание уделяется раскрытию причин низкой эффективности механизмов социального партнерства в социально-трудовой сфере: преимущественное использование властью и бизнесом авторитарных механизмов; формально имитационный характер деятельности профсоюзов; социальная пассивность рядовых работников. В заключение рассматривается наиболее вероятный сценарий развития социально-трудовых отношений в ближайшей перспективе.

Ключевые слова: трудовые отношения, социальное партнерство, система трипартизма, эффективность профсоюзов.

Новая ситуация, сложившаяся в экономике России в связи с кардинальными рыночными преобразованиями, требовала создания адекватных механизмов регулирования трудовых отношений. В качестве концептуальной основы для такого регулирования была провозглашена идеология социального партнерства. «Введение» социального партнерства имело, прежде всего, политическое значение. Оно было призвано, с одной стороны, затушевать остроту социальных проблем периода «шоковых реформ», а с другой — сделать социально-трудовые отношения более управляемыми, амортизировать возможные конфликтные ситуации [12; 13. С. 208–216].

В первой половине 1990-х гг. был принят пакет законов, указов, постановлений, составивший правовую основу социального партнерства. К важнейшим среди них следует отнести законы «О порядке разрешения коллективных трудовых споров (конфликтов)» от 20 мая 1991 г., «О коллективных договорах и соглашениях» от 11 марта 1992 г.; указы

Президента РФ «О социальном партнерстве и разрешении трудовых споров (конфликтов)» от 15 ноября 1991 г., «О создании Российской трехсторонней комиссии по регулированию трудовых отношений» от 24 января 1992 г.; Положение о Российской трехсторонней комиссии по регулированию социально-трудовых отношений от 20 февраля 1992 г. На всех основных уровнях, начиная от федерального и кончая муниципальным, появились трехсторонние комиссии. Входящие в них представители власти, профсоюзов и бизнеса регулярно, как правило, раз в год, заключают соглашения. На федеральном уровне — это *генеральные соглашения*, определяющие общие принципы социально-экономической политики на федеральном уровне, на отраслевом — *тарифные соглашения*, фиксирующие направления социально-экономического развития отрасли, на территориальном — *территориальные (региональные) соглашения*, регулирующие конкретные социально-экономические проблемы регионального характера. Интересы работодателей на федеральном, отраслевом и территориальном уровнях защищают представительные органы соответствующих объединений работодателей. От имени государства участвуют органы исполнительной власти соответствующих уровней. На нижних этажах экономики действует система коллективно-договорного регулирования. Предполагалось также развитие участия персонала в управлении предприятиями, которое включало самые различные формы — проведение предварительных консультаций с персоналом перед принятием управленческого решения, выполнение представительными органами трудового коллектива некоторых управленческих функций, непосредственное участие в работе органов управления предприятием. Такое участие должно определяться как законами и другими государственными актами, так и соглашениями с профсоюзами.

Одновременно начали организационно оформляться стороны партнерских отношений. Еще в конце советской эпохи появилось первое объединение работодателей — РСПП, а в начале 1990-х гг. стали формироваться такого рода объ-

единения по отраслевому признаку (судовладельцы, текстильщики, угольщики и т.д.).

Существовавшее в советское время безальтернативное профсоюзное объединение ВЦСПС было преобразовано в Федерацию независимых профсоюзов России (ФНПР). Стали возникать альтернативные профсоюзы и профсоюзные объединения, наиболее известные из которых – Объединение профсоюзов России СОЦПРОФ, Независимый профсоюз горняков, профсоюз авиадиспетчеров.

Насколько эффективной оказалась созданная система социального партнерства и какова ее реальная роль? Анализ действующих механизмов партнерства позволяет сделать вывод, что до сих пор оно не превратилось не только в основной, но и в сколько-нибудь серьезный регулятор социально-трудовых отношений. На общенациональном уровне Трехсторонняя комиссия лишь формально фиксирует решения, которые уже приняты ранее властями (МРОТ, общий размер и периодичность индексации заработной платы, регулирование роста цен на товары массового спроса и т.д.). Там же, где комиссия проявляет самостоятельность, соглашения носят либо декларативный, либо необязательный характер. Не используются механизмы партнерства и в стратегическом планировании. Практически отсутствует взаимодействие профсоюзов с законодательными органами власти. Не работает статья Трудового кодекса, которая определяет обязательный порядок направления законопроектов, касающихся регулирования социально-трудовой сферы, на рассмотрение соответствующих трехсторонних комиссий.

Система коллективных договоров на уровне предприятий также имеет отчетливые зоны уязвимости. Подавляющая их часть приходится на крупные и средние промышленные предприятия, где, по данным Федерации независимых профсоюзов России, ими охвачено $\frac{3}{4}$ занятых. В то же время на малых предприятиях, как правило, принадлежащих «новому» частному сектору, договоры заключается крайне редко. Отсутствуют коллективные договоры, как, впрочем, и про-

фсоюзные организации в строительном бизнесе и торговле. В этих видах деятельности работа не требует особой квалификации. Поэтому компании не ставят задачи закрепления рядового персонала. Легче привлечь новых сотрудников, чем заниматься социальной поддержкой давно работающих. Отсюда и характер внутренней социальной политики: по возможности минимизировать затраты на рабочую силу.

Договоры заключаются *формально* и зачастую просто повторяют гарантии трудового законодательства. Нередко в них отсутствуют пункты об оплате труда. Практически не встречались договоры, которые регулировали бы максимально допустимую дифференциацию между наиболее высокооплачиваемыми и наиболее низкооплачиваемыми группами работников. Полностью договор не выполняется почти на половине предприятий. Основные пункты, которые не исполняются, относятся также к сфере оплаты труда. Только в 1990-х гг. это были задержки с выплатой заработной платы (60%), а в настоящее время — нарушения обязательств по ее повышению (25%). Правда, отметим, что обязательства, фиксируемые в договоре, часто не имеют жесткий характер и имеют приписку — «при наличии финансовых средств».

Но главный недостаток коллективно-договорного регулирования состоит в том, что подавляющая часть трудовой сферы остается вне зоны действия коллективных договоров, так как регулируется либо индивидуальными договоренностями, либо неформальными и негласными соглашениями. Это относится к оплате труда, а еще в большей мере — к социальному пакету [2. С. 88—90]. Возможность для неформального регулирования заработков обусловлена неестественно низкой для нормальной экономики долей постоянной части оплаты (немногим более 50%). Существенно расширилась практика непубличного распределения социальных льгот. Естественно, вне сферы коллективных соглашений остаются и широко распространенные теневые выплаты.

Эффективность коллективно-договорной практики осложняется и тем, что возможности администрации, с кото-

рой контактирует профсоюз, ограничены. Она не все может решать. Во-первых, есть еще собственник. Во-вторых, многие вопросы, в том числе оплаты труда, занятости, определяются в рамках корпорации в целом, а отнюдь не на конкретном предприятии. В результате договоры оказывают слабое влияние на сферу трудовых отношений. Данные обследований Института экономики РАН показывают, что в промышленности они становятся основанием для пересмотра ставок оплаты труда на 22,6% государственных, 14,3% приватизированных и только на 7,1% новых частных предприятиях. Еще меньшую роль при пересмотре ставок оплаты труда играли отраслевые и региональные тарифные соглашения. В этом нет ничего удивительного: почти половина работодателей вообще не знают об их существовании, а еще около 20% «слышали, но с содержанием не знакомы» [4]. К тому же российское законодательство не предусматривает обязательное выполнение отраслевых тарифных соглашений на всех предприятиях отрасли.

Регулирование трудовых конфликтов

По существу, в России так и не сложились действенные механизмы разрешения коллективных трудовых споров. В рамках трудового законодательства установлен весьма высокий разрешительный барьер для забастовок. Проведение забастовки обставляется таким количеством ограничений и формальностей (сложнейшие нормы относительно процедур и сроков, самый длинный в мировой практике перечень видов деятельности, где забастовка запрещена), которое выполнить в реальной жизни весьма затруднительно. При этом в новом Трудовом кодексе нормы ужесточились. В результате, по данным судебной статистики, если в 1998 г. в иске о признании забастовок незаконными было отказано в 75% случаев, то после принятия нового Трудового кодекса в 2001 г. — только в 25%. Жесткое законодательство вынуждает работников либо выходить за рамки правового поля и прибегать к неправовым средствам защиты (стихийные

акции протеста, саботаж), либо ограничиваться отстаиванием своих прав в суде в индивидуальном порядке.

В России низкая забастовочная активность. Правда, в начале и середине 1990-х г. наблюдалась тенденция роста количества забастовок. В 1997 г., на который в России приходился пик забастовочной активности, в расчете на 1 тыс. занятых по найму терялось 104,5 дня [10]. Но это недовольство было направлено, прежде всего, против центральных властей и лишь в незначительной мере непосредственно против руководства предприятий, т.е. против капитала как такового. Более того, протестные акции зачастую исподволь специально организовывались самой же администрацией с целью, во-первых, выбивания финансовых ресурсов из центра, а во-вторых, формирования «отводного клапана» в случае накопления недовольства деятельностью администрации со стороны трудового коллектива. Имеется достаточно много примеров такого манипулирования рабочим движением в предвыборный период, а также использования «позиции» трудового коллектива при переделе собственности [13. С. 233–234].

В последние десятилетия уровень забастовочной активности устойчиво снижается. В 1998 г. он составлял 51,7 дней, в 2000 г. — 4 дня, а далее упал до статистически малозаметной величины (менее 1 дня). Некоторым исключением являлся только 2004 г., когда из-за забастовок было потеряно 3,4 дня на 1 тыс. занятых. Конечно, оценке уровня забастовочной активности в российской экономике только на основе официальной статистики полностью доверять нельзя: эти данные преуменьшают количество забастовок. Во-первых, не учитываются «дикие», т.е. официально непризнанные забастовки, а во-вторых, не попадают в отчетность демонстрационные забастовки предупредительного характера длительностью менее одного дня. Но в целом порядок цифр и тенденцию они дают правильную.

Эффективность забастовок новой волны, протекающих на относительно благополучных предприятиях, пока не очень

высокая. Тем не менее тенденция наметилась, и с ней придется считаться как работодателям, так и государству. Не следует забывать, что за этими забастовками стоят не ФНПР, лояльная к власти и работодателям, а гораздо более воинственные альтернативные профсоюзы.

Таким образом, видимость «социального мира», за фасадом которого по существу скрываются потенциальные конфликты, преимущественно достигается за счет подавления или игнорирования требований работников в условиях отсутствия полноценного механизма выявления и согласования интересов внутри предприятия. Следствиями такой ситуации являются уменьшение общего числа открытых конфликтов и соответствующее увеличение числа так называемых подавленных, которые существуют в скрытом виде. В результате в России уменьшение забастовок не обязательно свидетельствует об улучшении положения работников.

Интересы и возможности субъектов регулирования

Но если на практике партнерство мало влияет на социальную ситуацию, то возникает вопрос, кто заинтересован в таком формальном процессе? Как ни парадоксально звучит, заинтересованными оказываются все субъекты социально-трудовых отношений [7].

Сложившаяся ситуация вполне устраивает бюрократов из властных структур, поскольку созданное «фасадное партнерство» прикрывает авторитарные механизмы управления, фактически задающие основные параметры социально-трудовой сферы. Трудовые отношения сделались более управляемыми и амортизировались возможные конфликтные ситуации. Нет принципиальных возражений против формальных механизмов и со стороны либеральной части правящей элиты, которая выступает против каких-либо институциональных ограничений рынка. По ее мнению, периферийное партнерство — максимум того, что может существовать в рыночной экономике, а акцент должен быть сделан на развитии

системы индивидуальных трудовых контрактов как наиболее соответствующих конкурентной рыночной среде.

Для предпринимательских союзов участие в согласовании социально-трудовых отношений — функция второстепенная, приоритет отдается взаимоотношениям с властью. Если на общенациональном уровне бизнес, в особенности малый и средний, не всегда способен успешно отстаивать свои интересы в диалоге с государством, то внутри корпораций, непосредственно на предприятиях, ни один из субъектов (даже государство) и близко не подходит по степени влияния к менеджменту, который вполне самостоятельно выстраивает внутреннюю социальную политику [1]. Бизнес, прежде всего крупный, понимает, что стабильность его положения полностью зависит от отношений с властью, а отнюдь не от взаимодействия с профсоюзами, влияние которых весьма незначительно. Объединения работодателей с самого начала были ориентированы на выстраивание «эффективных» партнерских отношений с государством [8]. Проблема же развития отношений между бизнесом и наемным трудом была отодвинута на второй план вопросами частно-государственного партнерства. К примеру, О. Дерипаска публично обратился к власти с предложением заключить общественный договор между властью и «сословием» предпринимателей, в котором обе стороны должны взять на себя взаимные обязательства. Но призывов со стороны бизнеса заключить социальный контракт с «сословием» наемных работников пока не было. Еще одним примером влияния бизнеса может служить периодически раздающиеся требования со стороны руководителей РСПП к власти пересмотреть российское трудовое законодательство в сторону упрощения процедур найма и увольнения работников, а также максимального расширения возможностей предприятий по использованию рабочего времени. «В случае, если государство откажется от модернизации трудового законодательства, то бизнес вынужден будет заменить формальные институты неформальными правилами и наметившаяся тенденция «обеления» заработной платы

и трудовых отношений в целом как минимум замедлится» [14]. Такое предложение больше похоже на шантаж.

В рамках формального партнерства весьма уютно чувствует себя *профсоюзная бюрократия*, которая «на равных» ведет диалог с властью и бизнесом. В реальности же на уровне первичных организаций профсоюзы находятся большей частью под патронатом собственного менеджмента, а на федеральном — зависимы от власти. В результате «низы» не очень верят в эффективность профсоюзов, а профсоюзные «верхи» продолжают жить отдельной, всецело их устраивающей жизнью. Как показывает опросная статистика, только 10% работников государственных и 15% приватизированных предприятий рассматривают профсоюзы как защитников своих интересов, в то время как 60% работников (69% в частном секторе) чувствуют себя абсолютно беззащитными.

В настоящее время в деятельности профсоюзов наблюдается кризис. Прежде всего, можно отметить не только относительное, но и абсолютное *сокращение численности профсоюзов*. Только за 2010–2020 гг. членство в традиционных профсоюзах (ФНПР) упало почти на 5 млн, составив к началу 2021 г. менее 20 млн чел., но и эта численность представляется завышенной. В сфере же малого и среднего предпринимательства, где допускается наибольшее количество нарушений социально-трудовых прав работников, уровень профсоюзного членства не превышает 5%.

Новые — альтернативные — профсоюзы существенно отстают от ФНПР по формальному членству и к тому же склонны преувеличивать свою численность. Крупнейшие из них — Конфедерация труда России (КТР), Союз профсоюзов России (СПР), объединение профсоюзов России «Соцпроф». По самым щедрым оценкам, сегодня они объединяют около 2 млн членов (ФНПР дает более низкую оценку в 1 млн чел.). Для сравнения: в начале 2001 г. численность альтернативных профсоюзов оценивалась в 3,5 млн [6].

Как уже отмечалось, несмотря на отдельные всплески, продолжается спад забастовочной активности, а забастовоч-

ное движение всегда служило мерилom влияния профсоюзов. Важным симптомом кризиса является *фрагментация профсоюзного движения*, его распад на отдельные отряды, мало или только формально связанные друг с другом, что проявляется в отсутствии каких-либо акций солидарности. Растет число так называемых корпоративных профсоюзов, интересы которых замыкаются на делах собственной фирмы. Наконец, профсоюзы *утрачивают монополию* представлять и защищать интересы работников. Такие институты, как суд, органы государственного контроля, институт индивидуальных договоров, участие персонала в управлении, вторгаются в «святыню» профсоюзной деятельности — определение уровня оплаты труда и условий занятости — и успешно конкурируют с профсоюзами.

Кризис профсоюзов не является специфически российским явлением, но в России его природа имеет принципиальные особенности. Она связана не столько с переходом к постиндустриальной экономике, сколько с разрушением сложившейся в рамках государственного социализма системы социальной защиты, где профсоюзам была отведена строго определенная роль. Этот институт фактически исполнял функцию *социального патронажа* над работниками: ему было передано право распоряжения значительной частью социальных фондов государства и предприятий. В новых условиях эти аспекты деятельности были свернуты, что не могло не вызвать кризиса доверия к профсоюзам.

Прослеживается и другая линия кризиса. Российские профсоюзы так и не превратились в реально независимые структуры западного типа, которые на равных ведут торг с предпринимателями и государством по вопросу улучшения условий занятости. Одна из причин этого — несовпадение интересов профсоюзной верхушки и рядовых членов организации. Профсоюзная бюрократия, прежде всего центральный аппарат ФНПР, в материальном плане только на треть зависит от членских взносов. Остальное — доходы от профсоюзной собственности, перспективы сохранения которой зависят

от отношений с властью. Новые — альтернативные — профсоюзы не являются массовыми, а объединяют узкий слой радикально настроенных работников. Их лидеры отдают приоритет методам силовой борьбы. К тому же независимость новых профсоюзов от государства и ФНПР часто оборачивается серьезным недугом — они легко становятся объектом манипулирования со стороны внешних сил (политических партий, различного рода консультантов, спонсоров).

Развитие партнерства — это, прежде всего, функция спроса, а не предложения. Сегодня потребность в демократизации не испытывают те, кого оно непосредственно касается — *рядовые работники*. Это проявляется в том, что профсоюз рассматривается самими работниками не как организация борьбы за свои интересы, а как «привычная» распределительная контора. Но даже в тех случаях, когда профсоюз признается не только «конторой» по распределению благ, но и органом защиты интересов работников перед администрацией, сами они считают, что профсоюзная деятельность их не касается. Отсюда убеждение, что именно профком виноват в слабости профсоюзов, забывая, что профсоюзы — это не профком, а прежде всего они сами. Таким образом, основными причинами низкой эффективности действующих механизмов партнерства являются преимущественное использование властью и бизнесом авторитарных механизмов, задающих основные параметры социально-трудовой сферы; формально имитационная деятельность профсоюзов по защите интересов работников; безразличие или нежелание основной массы рядовых работников активно участвовать в защите своих интересов.

Перспективы реального партнерства

Означает ли констатация факта несбывшихся надежд признанием бесперспективности партнерства в стране? Вопрос в настоящее время дискуссионный. Ряд исследователей резко выступают против внедрения элементов партнерства в нашей стране, считая его чем-то вроде дьявольского

изобретения радикальных либералов¹. Но рыночные радикалы как раз здесь ни при чем. На Западе партнерство — это элемент социально-рыночных концепций, близких к европейской социал-демократии. Данное понятие возникло на Западе как антипод классовой борьбе между трудом и капиталом. Изначально под социальным партнерством понималась такая форма взаимоотношений, которая обеспечивала компромисс, преодоление антагонизма интересов наемных работников и работодателей.

Один из основных аргументов противников развития партнерства в России заключается в отрицании каких-либо его заслуг на Западе. Но в европейских странах имеется достаточно примеров согласования интересов труда, капитала и государства. Так, важнейшим инструментом борьбы с безработицей стал компромисс между правительством, предпринимателями и трудящимися: правительство законодательно закрепляло более узкие рамки рабочей недели, предприниматели активизировали создание рабочих мест, наемный персонал соглашался на некоторое снижение уровня оплаты труда. Европейские страны нашли в соглашениях на общенациональном уровне эффективный способ борьбы с социально неприемлемыми масштабами безработицы. В результате на Западе отчетливо прослеживается *отрицательная динамика числа забастовок*. Если сравнивать 1970-е и нулевые годы текущего столетия по так называемому удельному показателю забастовочной активности (а это лучший показатель, поскольку он учитывает и длительность забастовок), то можно увидеть, что в 18 развитых странах она упала в 7,5 раз. Тогда на одну тысячу наемных работников ежегодно приходилось 450 забастовочных дней, а в начале 2010-х гг. — всего 60.

К сожалению, большинство из критиков партнерства ставят вопрос о его целесообразности в России преимущественно в идеологической плоскости. Логика здесь незатей-

1. «...реформаторы всюду пропагандируют камуфляжное «социальное партнерство» между работодателем и работником» [9. С. 10].

лива: исходная ситуация, сложившаяся в результате проводимых реформ (спад экономики, обнищание существенной доли населения, социальный и экономический антагонизм классов и групп населения и др.), не дает никакой возможности для какого-либо сотрудничества труда и капитала. Единственный выход — силовое противостояние труда капиталу, прежде всего посредством забастовок. Но этой логике с равным успехом вполне может быть противопоставлена противоположная: пережитый коллапс создает морально-политический фон, который заставляет искать выход из тупиков социального каннибализма на пути развития социального партнерства, в том числе при помощи мер принудительного характера.

Вообще говоря, спор о необходимости развития партнерства в России не может быть решен с помощью аргументов подобного рода, поскольку они носят в значительной мере идеологический и априорный характер. Единственный путь — отказ от идеологических и политических штампов и сосредоточение на анализе экономической эффективности тех или иных конкретных форм партнерства в российской практике. В настоящее время, несмотря на различия и противоречия в концептуальных подходах, установилось определенное согласие относительно механизмов, реализующих социальное партнерство. Это согласие нашло отражение в документах международных организаций. Так, МОТ вводит в употребление термин «механизмы социального партнерства», под который подпадают коллективно-договорное регулирование условий и оплаты труда, институты и механизмы согласования интересов сторон на общенациональном уровне, а также механизмы участия работников или их представителей в управлении предприятиями и корпорациями.

Принципиальным противникам партнерства необходимо ответить на вопрос, какие конкретно его механизмы и институты неприемлемы для России. Отказ от партнерства, если он будет реализовываться на практике, будет означать и отказ от коллективно-договорного регулирования, и от

отраслевых и региональных тарифных соглашений, и от участия персонала в управлении предприятиями и т.д. Слишком высокая цена за приверженность идеологической чистоте.

Основная нагрузка в развитии партнерских отношений должна лечь на государственную власть [3]. Именно государство должно обеспечить меры принудительного экономического и организационного характера, которые ограничивали бы силовое противоборство и направляли трудовые отношения в русло социального диалога. Достаточно высокий уровень социально-трудовых гарантий, контролируемых и обеспечиваемых государством, должен поддерживать механизм социального партнерства. Дилемма «либо партнерство, либо государственное регулирование» представляется ложной. Если посмотреть на западные страны непредубежденным взглядом, легко заметить, что в тех из них, где сильное государство (Германия, Франция), и партнерство также наиболее развито. Напротив, в США при слабом партнерстве функции государства по сравнению с Европой существенно ограничены.

Меры по активизации партнерства. Практическим критерием для различения формального и реального партнерства является наличие развитой инфраструктуры социальной защиты, которая включает, по крайней мере, правовую защиту (закон и суд), индивидуальные договоры, коллективно-договорное регулирование. Кроме того, результатами реального партнерства должны стать: устойчивый рост благосостояния работающих; улучшение условий их труда; снижение до социально безопасных размеров дифференциации в оплате труда; действительное участие наемного персонала в управлении.

Партнерство не должно развиваться только «снизу» и носить преимущественно стихийный характер, поскольку это может привести (и современный российский опыт показывает, что приводит) к возобладанию эгоистических групповых интересов над национальными. Но также неприемлемо формирование партнерства исключительно «сверху вниз»: это дает возможность исказить интересы работников в угоду

бюрократии даже в большей мере, чем это было в советский период.

Развитие партнерства должно происходить и «сверху» — со стороны государства, и «снизу» — со стороны самих работников. Это возможно при условии четкого разграничения полномочий между верхними и нижними этажами в системе коллективных соглашений. Система партнерства должна представлять собой непротиворечивую, взаимоувязанную структуру регулирования производства, в которой на верхней ступени определяются наиболее общие гарантии (например, минимальный уровень заработной платы) и шире — масштабы регулирования (общие направления политики доходов и занятости), а на низшей — нормы и условия труда гарантируются более детально и конкретно. При этом решения, принимаемые на более высоких уровнях по вопросам социальной защиты работников, должны носить, как правило, не рекомендательный, а обязательный характер.

Социальное партнерство на общегосударственном уровне должно на практике выполнять, по крайней мере, следующие функции:

- переговоры по определению минимальной заработной платы, а в ряде случаев — выработка критериев для повышения заработной платы на уровне отрасли или предприятия в рамках общегосударственной политики доходов и занятости;
- примирение и посредничество при общенациональных (или крупных) забастовках и конфликтах;
- совещательная роль при обсуждении общих вопросов экономической и социальной политики.

Согласие по таким вопросам, как защита трудовых доходов от инфляции, решение проблемы невыплат заработной платы, выработка способов и форм предотвращения массовой безработицы, образует фундаментальную основу для расширения социального партнерства в других областях. Коллективные соглашения на уровне отрасли и региона должны включать лишь предельные значения гарантий

условий труда и его оплаты. Но прежде всего они должны содействовать достижению конкретных соглашений на предприятиях.

Поиски путей повышения эффективности партнерства должны осуществляться в направлении *совмещения хозяйственного управления (на всех уровнях) и механизмов социального партнерства*. Необходимо прекратить их параллельное существование. В этой связи весьма перспективным выглядит предложение о включении переговоров между профсоюзами, бизнесом и государством на федеральном уровне в этап подготовки бюджета на следующий год. Реализация этой идеи позволит избежать ситуации, возникшей в конце 2010 г., когда ФНПР отказалась подписывать генеральное соглашение с работодателями и правительством на 2011–2013 гг., если не будут увеличены минимальный размер оплаты труда (МРОТ) и заработной платы бюджетникам. Но беда в том, что это требование не могло быть удовлетворено, поскольку Дума уже одобрила федеральный бюджет на 2011–2013 гг., и в нем отсутствовал пункт о повышении МРОТ.

Особая роль в системе социального партнерства отводится регионам. Региональные тарифные соглашения, определяющие межотраслевые, межпрофессиональные, межквалификационные соотношения в тарифной части оплаты труда (если они не будут излишне детализированы), способны обеспечить более обоснованную дифференциацию заработной платы. Здесь главное — гарантировать обязательность их выполнения на всей территории региона, в том числе на предприятиях и в организациях, в которых профсоюзы отсутствуют.

При этом задача государства по институциональному обеспечению поиска согласия не заканчивается формальным созданием многоуровневой системы социального партнерства. Российский и зарубежный опыт демонстрируют, что в обществе с разнородными, а порой и противоречивыми, групповыми интересами граница между компромис-

сом и противоборством в различных секторах экономики весьма неустойчива. Поэтому государство должно принять дополнительные экономические и организационные меры для принуждения субъектов социально-трудовых отношений к конструктивному диалогу.

В настоящее время государственное регулирование отношений работников и работодателей в основном сводится к прямому запрещению или существенному ограничению силового противоборства между трудом и капиталом (запреты на локаут, забастовки в отраслях и сферах, непосредственно имеющих отношение к безопасности страны и граждан, признание забастовки незаконной). Этот запрет реализуется весьма эффективно. Гораздо меньше внимания уделяется формированию системы принуждения к социальному диалогу, в частности — законодательному введению примирительных процедур. Это обязывало бы стороны искать и находить взаимоприемлемые решения, а не консервировать потенциальную конфликтность.

В практическом плане важно создание эффективной и, главное, независимой от обеих сторон системы принудительного арбитража, способной быстро (и, что немаловажно, — с учетом государственных интересов) привести во вменяемое состояние обе стороны конфликтов. В то же время формирование действенной системы принуждения к партнерству как магистральная стратегия не отменяет задачу либерализации забастовочного законодательства, приведение его в соответствие с общеевропейскими нормами. Прежде всего это касается снижения предзабастовочного организационного периода. В тех же секторах экономики, где по причине безопасности страны и граждан забастовки запрещены, должна быть предусмотрена специальная процедура донесения точки зрения работников до органов, осуществляющих принудительный арбитраж. Не должно успокаивать отсутствие в настоящий момент массовых крупномасштабных конфликтов (забастовок и т.д.). Проблема в значительной мере находится в подавленном состоянии. Данные опроса ВЦИОМ,

Левада-Центра свидетельствуют, что доля лиц, готовых к тем или иным акциям протеста, весьма высока.

Нужно подчеркнуть, что опыт западных стран, где государство слабо вмешивается в отношения труда и капитала, в основном наблюдая за диалогом развитых организаций предпринимателей и традиционно не менее сильных профсоюзов, для России не очень приемлем. Поскольку отсутствуют объективные условия для равенства сторон социально-трудовых отношений, это неравенство необходимо компенсировать третьей независимой стороной отношений – государством. В нашей стране государство должно быть не просто скромным модератором при диалоге, а организатором и активным полноправным участником процесса. В этом смысле трипартизм – взаимодействие государства, бизнеса и работников – наиболее адекватно отражает как раз российскую потребность. Система так называемой тарифной автономии – двухсторонних переговоров без вмешательства государства (ФРГ, Скандинавские страны) в России вряд ли возможна в виду слабости профсоюзов.

Профсоюзы: поиски ниши. Положение профсоюзов в социально-экономической системе российского общества двойственное. Они должны быть, с одной стороны, системными, т.е. не направленными на разрушение государства, а с другой – независимыми от власти, лоббирующими профессиональные экономические интересы работников. Пока решить эту задачу ни профсоюзам, ни власти не удалось. Сегодня мы имеем дело с крайностями: либо сервильные традиционные профсоюзы, либо политизированные альтернативные.

Жизнеспособность и авторитет новых профсоюзов могут гарантироваться только их действительной независимостью. Лишь в этом случае они способны выступать как самостоятельная сила, выражающая интересы работников, а не политические амбиции спонсоров. Политизация массовых протестных акций, подмена конкретных экономических требований партийными лозунгами чревата потерей инте-

реса к деятельности альтернативных профсоюзов со стороны рядовых работников.

Перспективы профсоюзов на российских предприятиях связаны с ответом на ключевой вопрос, должны ли профсоюзы становиться субъектами участия в управлении предприятиями, корпорациями. Мы придерживаемся точки зрения, согласно которой участие профсоюзов в управленческом процессе не должно выходить за рамки, требуемые для осуществления защитных функций² [11]. Для этих целей используются коллективные переговоры, а также забастовки и другие методы давления на предпринимателей. Инструментом же соучастия работников в управлении, налаживания сотрудничества с администрацией должны выступать не профсоюзы, а органы представительства коллективов предприятий. Конкретные формы участия персонала в управлении могут быть заимствованы у Германии, где так называемая система участия получила широкое развитие. С этой целью предлагается законодательно закрепить объем полномочий трудового коллектива. В частности, на средних и крупных предприятиях он должен гарантировать определенный минимум участия персонала в управлении в таких формах, как производственный совет, обязательное членство в наблюдательном совете и в разного рода комиссиях.

Специфика современной ситуации в социально-трудовой сфере такова, что фактов, ставящих под сомнение ведущую роль профсоюзов в защите интересов трудящихся, накопилось немало. Однако достаточно убедительной альтернативной концепции (модели) социальной защиты пока не разработано и, тем более, не апробировано. Реалистический выход из положения — в отборе и систематизации всех тех

2. При решении вопроса о субъектах социального партнерства преобладающее в западной литературе мнение, в известной мере базирующееся на законодательстве, заключается в том, что профсоюзы осуществляют прежде всего и главным образом защитные функции, используя для этих целей коллективные переговоры, а также стачки и другие методы давления на предпринимателей, а органы представительства коллективов предприятий являются по преимуществу инструментом соучастия работников в управлении, налаживания сотрудничества с администрацией [5. С. 236].

элементов, которые, так или иначе, работают в различных социально-экономических системах, невзирая на их идеологическую ауру. К таким элементам можно отнести различные формы участия персонала в управлении, в том числе «в порях» корпоративного управления, развитие системы государственного контроля и государственных гарантий, индивидуализацию коллективно-договорного регулирования. Ответ же на вопрос, удастся ли профсоюзам найти свое место в меняющемся мире, или мы присутствуем при окончательном закате профсоюзов, может дать только время.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Анисимова Г.В., Соболев Э.Н.* О стратегии менеджмента в области оплаты труда на российских предприятиях // *Человек и труд*. 2010. № 1. С. 32–36.
2. *Бизнес как субъект социальной политики: должник, благодетель, партнер?* / Отв. ред. С.В. Шишкин. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2005.
3. *Воейков М.И.* Государственный патернализм и конец экономического либерализма // *Альтернативы*. 2022. № 3. С. 22–29.
4. *Капелюшников Р.И.* Механизмы формирования заработной платы в российской промышленности. М.: ГУ ВШЭ, 2003.
5. *Киселев И.Я., Лушников А.М.* Трудовое право России и зарубежных стран. Международные нормы труда. М.: Эксмо, 2008.
6. *Обзор занятости в России. Вып. 1 (1991–2000 гг.)*. М.: ТЕИС, 2002.
7. *Перегудов С.П.* Трипартистские институты на Западе и в России: проблемы обновления // *Полис. Политические исследования*. 2007. № 3. С. 78–91.
8. *Перегудов С., Семенов И.* Бизнес и государство в социальной сфере: конфронтация или партнерство? // *Мировая экономика и международные отношения*. 2009. № 6. С. 58–66.
9. *Проблемы и противоречия воспроизводства в России в контексте мирового экономического развития* / Под ред. В.Н. Черковца. М.: ТЕИС, 2004.
10. *Соболев Э.Н.* Динамика трудовых доходов и проблема забастовочной активности работников (Научные доклады Института экономики РАН). М.: ИЭ РАН, 2015.

11. *Соболев Э.Н.* Социальная политика в сфере труда: критерии эффективности и направления модернизации // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2017. № 2. С. 32–46.
 12. *Соболев Э.Н.* Социальное партнерство в России: эффективность и перспективы // Россия и современный мир. 2014. № 1 (82). С. 6–20.
 13. *Соболев Э.Н.* Трудовые отношения в свете российских трансформаций (XX – начало XXI в.). М.: ИЭ РАН, 2012.
 14. *Юргенс И.* Выступление на XII Петербургском международном экономическом форуме. 8 июня 2008 г. http://www.riocenter.ru/ru/events_and_analyst/index.php?id4=544
-

Раздел 3

ВОСПРОИЗВОДСТВО
ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО
ПОТЕНЦИАЛА:
РОЛЬ СОЦИАЛЬНОЙ
СФЕРЫ

Н.Г. Яковлева

д.э.н., доцент, ведущий научный сотрудник,
ИЭ РАН

М.А. Арзуманян

научный сотрудник,
ИЭ РАН

СОЦИАЛЬНО ОРИЕНТИРОВАННАЯ МОДЕЛЬ ОБРАЗОВАНИЯ КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА

В статье рассматриваются проблемы социально-экономических трансформаций в сфере высшего образования России под влиянием технологических, экономических и социальных изменений последних десятилетий. Сложившаяся рыночно-бюрократическая модель системы высшего образования современной России усугубляет проблему неравенства в доступе к нему, которое проявляется в различиях в возможностях получить его в зависимости от социально-экономического статуса. В связи с этим авторами подчеркивается необходимость разработки и принятия мер для снижения этого неравенства и обеспечения равных возможностей для всех молодых людей в получении качественного образования. В качестве альтернативного варианта развития сферы высшего образования предлагается постепенное формирование социально ориентированной модели образования, основными составляющими которой являются эгалитарность, общедоступность, общественная ориентированность и демократичность. Показано, что данная модель, как свидетельствуют научные исследования и практики современных экономик некоторых стран, является не только социально, но и экономически эффективной.

Ключевые слова: социальная сфера, высшее образование, человеческий потенциал, социализация образования, коммерциализация образования, социально ориентированная модель образования.

Развитие общества неразрывно связано с развитием человека. С экономической (точнее, с политэкономической) точки зрения человек становится главной производительной силой общества. Это обусловлено, в первую очередь, технологическим прогрессом и изменением в содержании труда

с ручного на машинный, а далее на творческий. С гуманистической точки зрения — основой социального развития, так как является носителем общечеловеческих и культурных ценностей и главным двигателем социального прогресса. Все это обуславливает важность формирования и развития человеческого потенциала¹ как общества в целом, так и каждого его члена в отдельности, соответствующего наивысшему уровню социально-экономического и научно-технического развития.

В конце XX — начале XXI в. человеческий потенциал был признан главным фактором развития человечества². В современной экономической парадигме его развитие становится одним из ключевых условий повышения конкурентоспособности национальной экономики. Ранее доминировавшее представление о роли экономического роста как меры прогресса отходит на второй план и признается, что он является не конечной целью социально-экономического развития, а лишь средством для прогресса человека и его потенциала. Так, например, в работах зарубежных и российских ученых [35, 54] отмечается, что немаловажной проблемой в данной ситуации является отказ от вектора экономики на количественный рост и переход к вектору социально ориентированного развития, в чем они опираются на исследования широкого круга ученых, восходящие к первым докладам Римского клуба и книге его первого председателя А. Печчеи «Человеческие качества» [27].

-
1. Под «человеческим потенциалом» мы понимаем весь спектр созидательных способностей человека, в том числе способность к труду, творческой деятельности, личностные качества.
 2. Доклад о человеческом развитии — 2015 г. Работа во имя человеческого развития. ПРООН. Нью-Йорк, 2015. <https://hdr.undp.org/system/files/documents/hdr2015reportrussian.pdf> (дата обращения: 08.06.2023); Доклад о человеческом развитии — 2016 г. Будущее развитие человеческого потенциала. ПРООН. Нью-Йорк, 2016. https://hdr.undp.org/system/files/documents/hdr2016reportrussianwebpdf_1.pdf (дата обращения: 08.06.2023); Доклад о человеческом развитии — 2020 г. Следующий рубеж. Человеческое развитие и антропоцен. ПРООН. Нью-Йорк, 2020. https://hdr.undp.org/system/files/documents/hdr2020overviewrussianpdf_1.pdf (дата обращения: 08.06.2023).

Современное понимание развития общества сосредоточивается на значимости человека и человеческого потенциала в процессе воспроизводства связей, обусловленных социально-экономическим развитием.

В воспроизводстве человеческого потенциала наиболее существенную роль играет образование как необходимое условие формирования ценностей и мировоззрения людей, а также знаний и навыков, необходимых для жизнедеятельности человека в обществе в целом.

Роль сферы образования в общественном прогрессе многогранна: способность оказывать фундаментальное воздействие на эволюцию социально-экономических отношений и ускорение процессов и темпов экономического развития неоднократно подтверждалась многими исследователями [13, 14, 34, 46, 47, 50]. Кроме того, на современном этапе развития образование становится сферой общественного производства, в которой формируется главный ресурс – творческий потенциал человека³.

Роль образования изменялась в ходе эволюции социально-экономических отношений и технологического развития. Исторический подход позволяет иначе посмотреть на место и содержание образования в современных условиях (табл. 1) и трансформировать его с целью интенсификации воздействия на научно-техническое и социально-экономическое развитие.

Как мы уже отмечали в одной из своих предыдущих статей [41], в экономике XXI в. происходят и далее будут усиливаться серьезные изменения, связанные, во-первых, с современной технологической революцией, основой которой являются НБИКС-технологии, и рождением нового технологи-

3. В Резолюции Генеральной Ассамблеи ООН, объявившей 2021 год Международным годом креативной экономики в целях устойчивого развития, отмечалось, что «креативная экономика строится, в частности, на экономической деятельности, основанной на знаниях и взаимосвязи человеческого творчества и идей, знаний и технологий, а также на культурных ценностях или художественном творчестве, культурном наследии и других формах индивидуального или коллективного творческого самовыражения». <https://undocs.org/pdf?symbol=ru/A/RES/74/198> (дата обращения: 11.06.2023).

Таблица 1. Изменение содержания, места и роли образования в общественном производстве

Технологические уклады*	Доминирующее содержание труда	Содержание образования	Место и роль образования в общественном производстве
Доиндустриальный (1–2-й)	Ручной, репродуктивный	Преимущественно религиозное образование и начальное производственное обучение меньшинства членов общества	Играет второстепенную роль в общественном производстве
Индустриальный (3–4-й)	Машинный, репродуктивный	Производство профессиональных навыков и знаний у большинства членов общества	Выделяется в отдельную отрасль общественного производства
Высокотехнологичное производство (5–6-й и другие уклады)	Творческий	Формирование творческого потенциала человека и развитие человеческих качеств всех членов общества	Является основной отраслью общественного производства (обучение в единстве с воспитанием и просвещением для всех и через всю жизнь)

* Концепция технологических укладов (С.Ю. Глазьев, Д.С. Львов), см. подробнее в работах [6, 7, 19].
Источник: [43].

ческого уклада, во-вторых, с качественными изменениями, которые затрагивают непосредственно человека (потребности, мотивы, цели и т.д.) и содержание его труда. Развитие знаниеинтенсивного производства [3] обосновывает наметившийся и все более убыстряющийся переход от репродуктивного индустриального труда к преимущественно творческому труду и формированию так называемого креативного класса⁴. Итак, можно зафиксировать, что *современное образование как на глобальном, так и на национальном уровне сталкивается с технологическим вызовом.*

Вопросы трансформации сферы образования в связи с различными вызовами в последние десятилетия все чаще возникают в поле общественно значимых дискуссий как

4. Концепция креативного класса введена в широкий научный оборот американским ученым Р. Флоридой [36].

в мире⁵ [26], так и в России⁶. Отметим, что особенную значимость приобретает обсуждение складывающихся тенденций в сфере высшего образования. Это вызвано тем, что получение высшего образования в большинстве стран не гарантируется гражданам, в отличие от общего, но во всем мире между странами идет усиленная конкурентная борьба за таланты — в связи с увеличением доли творческого труда⁷, привлечение и удержание высококвалифицированных специалистов, особенно в высокотехнологичных отраслях экономики⁸.

5. Из выступления Генерального директора ЮНЕСКО Одри Азуле на открытии Четвертого совещания Руководящего комитета ООН по вопросам образования 28 февраля 2018 г.: «Нашей работой должен руководить основополагающий принцип: образование — это общественное благо и коллективная ответственность». <https://ru.unesco.org/news/rekomendacii-rukovodyashchego-komiteta-onn-po-voprosam-obrazovaniyu> (дата обращения: 23.05.2023).
6. Международные конгрессы «Производство. Наука. Образование», которые ежегодно проводятся с 2015 г. под эгидой Вольного экономического общества России, ряда институтов Российской академии наук, Института нового индустриального развития им. С.Ю. Витте.
7. Например, данные по экономике США демонстрируют, что доля работников креативной сферы значительно выросла за последние 100 лет. «Суперкреативное ядро креативного класса увеличилось в экономике США с 2,4% в 1900 г. до 13,06% в 2015 г., креативные профессионалы — с 7,6% в 1900 г. до 18,15% в 2015 г.» [12. С. 70].
8. В США и других развитых странах существует множество программ для привлечения талантливых и высококвалифицированных специалистов из других стран. Например, в США существует программа H-1B, которая позволяет работодателям нанимать иностранных специалистов на временной основе. Кроме того, существуют программы для студентов, которые позволяют им получить образование в США и остаться там на работу после окончания учебы. Согласно докладу о трендах мобильности, в США 87% компаний в настоящее время занимаются подбором и наймом иностранных граждан (Доклад о миграции в мире 2020. Международная организация по миграции (МОМ). https://publications.iom.int/system/files/pdf/final-wmr_2020-ru.pdf (дата обращения: 08.06.2023 г.)). По данным Национального института статистики труда США, в 2019 г. в страну прибыло около 1,1 млн высококвалифицированных специалистов. Большинство из них — из Индии, Китая и Филиппин. По сведениям ТАСС, в 2022 г. США и Великобритания установили новый рекорд в выдаче «виз талантов» гражданам России. США предоставили 445 виз типа O-1, которые выдаются талантливым людям, получившим признание на национальном или международном уровне в области науки, культуры, образования, бизнеса или спорта. В первые три месяца 2023 г. 110 россиян получили данную визу, что превышает количество удачных заявок по ней в 2021 г., когда ее получили 247 человек. Если говорить о Великобритании, то в 2022 г. 453 гражданина России получили Global Talent Visa — категорию визы для лиц, талантливых в области науки, искусства, культуры или цифровых технологий, желающих работать в одном из этих направлений в этой стране. Данная категория визы была утверждена не так давно — в 2020 г. Ее владельцы получают возможность работать в Великобритании на период до пяти лет (ТАСС. <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/17711843> (дата обращения: 05.06.2023 г.)).

Вместе с тем за три последних десятилетия в обществе наблюдались большие изменения и в системе экономических и социальных отношений и институтов. Последнее тридцатилетие характеризовалось преимущественно неолиберальной направленностью в развитии рыночной экономики, результатом чего стали: снижение меры социальной ориентации рыночно-капиталистического хозяйства, рост социального неравенства, относительное сокращение общественного сектора и отход от принципов социального государства.

Развитие мировой рыночно-капиталистической системы и современный ее неолиберальный этап, для которого характерна десоциализация экономики и общества, актуализируют вопросы, связанные с доступностью образования для различных групп населения, так как это в широком смысле влияет на формирование и развитие человеческого потенциала и является фундаментом тесно взаимосвязанных экономических, социальных, культурных и демографических изменений, определяющих развитие страны. Все это *свидетельствует о возникновении как на глобальном, так и на национальном уровне социального и институционального вызовов в сфере образования.*

Неравенство в доступе к образованию: глобальный и национальный вызовы

В первую очередь выделим особенности и результаты трансформации образования в современной России. Основными особенностями являются унаследованные достижения и противоречия советской модели образования и специфика социально-экономической системы современной России. Сформировавшаяся система экономических отношений и институтов в сфере образования в России противоречиво влияет на экономику: с одной стороны, развивается частная инициатива и усиливается роль экономических стимулов, снижается финансовая нагрузка на государственный бюджет и др., а с другой — эти процессы ведут к росту социального неравенства в доступе к образованию, сниже-

нию его качества и невысоким результатам инновационной составляющей экономики нашей страны.

Социально-экономические трансформации сферы образования в постсоветской России происходили, как мы уже отмечали в одной из наших работ [45]: на фоне значительного сокращения бюджетного финансирования, что было характерно для всей социальной сферы страны в целом. Отметим, что снижение доли бюджетного финансирования образования в последние десятилетия характерно для многих стран мира, в частности, стран, входящих в Организацию экономического сотрудничества и развития (ОЭСР). Так, например, в 2000-е гг. доля государственных расходов на образование уменьшилась в $\frac{2}{3}$ стран ОЭСР [51]. В период с 2010 по 2012 гг. государственные расходы по всем уровням образования сократились в среднем на 3%, в 2012–2018 гг. – в среднем на 4% (в высшем образовании – на 8%) [52. С. 244–256].

В последние 7–10 лет страны ОЭСР на образование расходовали в среднем 4,1% своего ВВП. Отметим, что разброс достаточно велик: от менее 3,0% в Ирландии, Японии, Литве до более 6,0% в Норвегии, Швеции, Коста-Рике и др. [53].

В России расходы государства на образование по отношению к ВВП по сравнению с СССР сократились значительно: в СССР в 1950-е гг. – 10–12%, в 1970 гг. – 7%, в России с 1995 по 2022 г. – от 3,5 до 4%⁹. Также государственные расходы на образование в нашей стране отстают от расходов как тех стран, которые добились больших результатов в формировании социально ориентированной модели развития рыночной экономики, в частности, Скандинавских стран¹⁰, так и стран с либеральной моделью экономики. Так, например, приведем для сравнения государственные расходы на образование в % от ВВП в разных странах за 2018 г.: Швеция – 7%, Франция –

9. Составлено на основе данных Единого портала бюджетной системы РФ. <https://minfin.gov.ru/ru/statistics> (дата обращения: 10.06.2023), статистических сборников «Образование в цифрах» 2010–2022. <https://www.hse.ru/primarydata/oc> (дата обращения: 10.06.2023 г.), а также статьи О.Н. Смолина [33].

10. Подробнее о скандинавской модели образования см.: [1].

5,2, Германия – 4,6, Канада – 4,4, Великобритания – 4,2, США – 4,1%¹¹.

Остановимся на основных результатах, характеризующих сложившуюся *рыночно-бюрократическую модель системы образования современной России*.

1. Общество и экономика нашей страны в лице государства перестало быть основным заказчиком системы образования, превратив конъюнктуру рынка едва ли не в единственный регулятор системы образования. В результате учат и учатся тому, что востребовано конъюнктурой рынка, а это далеко не всегда совпадает с интересами социально-экономического развития конкретного региона и страны в целом¹².

2. Коммерциализация системы образования [39, 40], особенно это касается высшего образования. Образовательные организации вынуждены в лучшем случае быть экономически эффективными, а в худшем – зарабатывать деньги, как любая коммерческая организация [42]. В результате основные цели деятельности с общественно значимых изменились на коммерческие.

Определяющим моментом этих изменений, как мы уже отмечали в одной из своих работ [40], стало внедрение платного образования и формирование сети негосударственных (частных) вузов. Частные вузы в большинстве своем формировались как коммерческие структуры, хотя формально они являются некоммерческими организациями, которые создаются не для получения прибыли, а для ведения образовательной деятельности и покрытия затрат на нее. Вместе с созданием частного сектора образования также шёл процесс коммерциализации образования в государственном секторе, который характеризовался сокращением числа бюджетных мест и, соответственно, созданием платных факультетов,

11. По данным статистического сборника «Образование в цифрах» 2022. <https://issek.hse.ru/news/749891953.html> (дата обращения: 29.01.2023 г.).

12. По данным Торгово-промышленной палаты РФ, 41% выпускников вузов России – это выпускники управленческих специальностей (37% из которых не смогли устроиться на работу по специальности), 18% – инженерных специальностей [20].

направлений подготовки, групп и т.д. в государственных вузах. По данным на 2020/2021 учебный год 49% студентов вузов в России обучаются с полным возмещением затрат на обучение (на коммерческой основе) [23].

3. Российское образование не только не побороло, а напротив усугубило такую «болезнь» советского образования, как бюрократизация. С одной стороны, деятельность образовательных организаций все больше контролируется различными государственными органами, что влечет за собой большое количество отчетной документации, дублирующейся в бумажной и электронной форме. С другой – образовательные организации изнутри превращаются в жесткие вертикальные бюрократические структуры с большим количеством административного аппарата, который контролирует и регулирует деятельность педагогов и преподавателей, учеников и студентов. При этом делается упор на управление образовательными организациями сверху, а не снизу. Бюрократизация захватила непосредственно и образовательный процесс – сотворчества педагога и ученика. С одной стороны, знания учеников и студентов оцениваются сегодня в большинстве своем с помощью тестов и рейтингов, что изменяет саму цель образования, которая трансформировалась из потребности получения знаний в необходимость сдать тест. С другой – труд учителей и преподавателей оценивается по формальным критериям: количество аудиторной нагрузки, число публикаций в высокорейтинговых журналах и их цитируемость, количество учеников, ставших призерами олимпиад и т.д.

4. Неравенство в доступе к образованию, возрастание которого отмечают и исследуют этот феномен в своих работах российские ученые [11, 16, 28, 29, 30]. Одним из основных препятствий в доступе к образованию, как было отмечено одним из авторов статьи в диссертационном исследовании [44], является оплата обучения (полная или частичная, но, как показывает опыт, постоянно растущая), которая служит входным барьером для представителей социальных слоев с низкими доходами. Помимо денежно-финансовых барьеров в нашей

системе образования сформировались социально детерминированные различия в качестве обучения, начиная со средней школы и далее. В результате образование не только не является социальным лифтом в обществе, но и стало одной из основных составляющих социальной дискриминации и сегрегации.

Остановимся более подробно на вопросах *неравенства в доступе в системе высшего образования*.

Исследование доступности высшего образования организацией ЮНЕСКО IESALC 2020 г. свидетельствует о том, что в течение последних двух десятилетий коэффициент валового охвата высшим образованием (Gross enrolment ratio (GER) in higher education) во всем мире удвоился, увеличившись с 19 до 39% (период 2000–2018 гг.).¹³ Несмотря на позитивную картину среднего увеличения числа учащихся во всем мире, не все слои общества в равной степени могут воспользоваться преимуществами высшего образования. Данный разрыв, по оценкам экспертов, объясняется разными причинами. Во-первых, расхождением в доходах разных групп населения, что в условиях коммерциализации высшего образования приводит к неравенству в доступе к нему. Так, например, рост охвата высшим образованием для беднейшей части населения отстает от такового населения с доходами выше среднего – для первой группы показатели зачисления в вузы были удвоены умеренным темпом, в то время как показатели второй группы были утроены и росли более интенсивно¹⁴. Во-вторых, региональным социально-экономическим неравенством. На доступность высшего образования для населения влияет уровень социально-экономического развития страны. В-третьих, недостатком адаптированных программ и ресурсов для повышения доступности высшего образования для уязвимых групп населения (люди с ограниченными возможностями, беженцы и т.д.).

13. Understanding access to higher education in the last two decades. UNESCO. <https://www.iesalc.unesco.org/en/2020/12/23/understanding-access-to-higher-education-in-the-last-two-decades/> (дата обращения: 22.05.2023 г.).

14 Там же.

Обратимся к данным по России. Согласно результатам проведенного опроса ВЦИОМ (дата его публикации – январь 2021 г.), «высшее образование, по оценкам респондентов, менее доступно, чем в советское время, – так считают 59% опрошенных. Это мнение, как отмечается, в исследовании разделяют на 6% больше россиян, чем 5 лет назад»¹⁵.

По оценкам экспертов НИУ ВШЭ, родители в России отказываются давать своим детям высшее образование по разным причинам. «В опросе, в котором участвовали 622 семьи со школьниками 8–11 классов и 32 575 студентов из 80 регионов страны, основными причинами отказа стали высокие затраты на обучение (35%), нехватка бюджетных мест (17%), низкий уровень знаний у детей (13%), необходимость быстро начать зарабатывать (11%), недостаточный интерес к учебе (11%), дальность расположения вузов (7%), необходимость заботиться о родственниках (1%), а также болезнь или слабое здоровье (2%) и отсутствие необходимости в высшем образовании в жизни (4%)»¹⁶.

Вместе с неравенством в доступе в системе высшего образования следует отметить также усиление тенденции к *разделению российских вузов по качеству образования: элитарные и эгалитарные* (массовые). Элитарность приводит к дифференциации образовательных организаций по качеству образования, что порождает конкуренцию за места, приводит к выстраиванию системы барьеров и селекции, в первую очередь, при поступлении в вузы.

Россия находится на среднем уровне для стран ОЭСР по охвату населения высшим образованием¹⁷. Как отмечается

15. Образование в России: востребованность, доступность, качество. ВЦИОМ. <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/obrazovanie-v-rossii-vostrebovannost-dostupnost-kachestvo> (дата обращения: 12.05.2023 г.).

16. <https://www.vedomosti.ru/society/articles/2021/12/12/900234-otkazatsya-postupleniya> (дата обращения: 11.06.2023 г.).

17. Удельный вес взрослого населения (в возрасте от 24 до 65 лет), имеющего высшее образование, в общей его численности по странам в 2020 г. (в % от общей численности населения соответствующей возрастной группы): Россия – 30,2, Великобритания – 39,9, США – 39,1, Швеция – 34,8, Канада – 34,4, Германия – 30,7, Франция – 24,8 [23].

в аналитическом докладе НИУ ВШЭ в России «уровень охвата высшим образованием соответствует среднему уровню развитых стран, несмотря на распространенные мнения о перепроизводстве у нас кадров с дипломом вуза» [29]. «В России, как и во многих других странах, наблюдаются негативные эффекты, связанные с социальной стратификацией общества в системе высшего образования, сохранением значимости неакадемических факторов выбора образовательных траекторий, доступом к наиболее выгодным направлениям подготовки и университетам. Межрегиональные различия также мультиплицируют факторы неравенства в России. Высокий уровень охвата высшим образованием распределяется неравномерно по институциям высшего образования и регионам. Различия в доступе проявляются не только в возможности получения образования, но и в том, на какие места могут претендовать разные группы населения, какой уровень качества обучения доступен выпускникам школ в регионах страны и как финансовые и территориальные факторы обуславливают высокую доступность высшего образования» [там же].

Также в докладе отмечается, что «охват программами высшего образования по субъектам РФ варьируется от 1 до 58%, при этом фактор территориальной близости вуза является важным детерминантом выбора послешкольной образовательной траектории. Болонский процесс также в разной степени повлиял на предложение образовательных программ в регионах, возможность обучения в магистратуре еще больше дифференцирована. Сокращение доступности высшего образования для населения региона в возрасте 17–25 лет произошло в 64 субъектах России, затронув при этом в наибольшей степени приграничные территории. Неравномерно распределено и качество высшего образования, возможность обучения в ведущих университетах определяется возможностью переезда в другой город. Большинство первокурсников – победителей олимпиад выбирают для поступления Москву и Московскую область, а также Санкт-Петербург» [там же].

Между тем образование, в особенности высшее, является важной предпосылкой обеспечения национальной безопасно-

сти, экономического и технологического суверенитета. Для создания отечественных производств шестого технологического уклада необходимо формирование массового слоя креативных работников, проходящих постоянное переобучение. Решение этой задачи обеспечивается только на основе развития системы педагогического образования, включая подготовку и постоянную переподготовку преподавателей вузов. В свою очередь предпосылкой такого массового создания кадров высшей квалификации, умеющих не только использовать, но и создавать новые технологии мирового уровня, и опять же массового формирования педагогов, способных постоянно обучать и переобучать первых, является развитие мощной фундаментальной науки.

В настоящее время в России предпринимаются определенные шаги, направленные на решение этих задач. Однако следует отметить, что организационные и процедурные изменения, при всей их важности, недостаточны для продвижения в данном направлении. Отказ от модели подготовки в вузах, основанной на использовании системы бакалавриата и, для части обучающихся, магистратуры, в большинстве случаев, особенно в области подготовки специалистов в области технических наук, может сыграть положительную роль, но без существенного реформирования всей системы образования, его содержания и форм взаимодействия преподавателя и студента названные выше задачи решены не будут.

На пути такого реформирования стоят сложившиеся в настоящее время процессы, вследствие которых происходит подчинение образования, в особенности высшего, рыночным отношениям. Это прежде всего процессы коммерциализации, о которых мы неоднократно писали ранее. Они также стали предметом критического анализа в работах известных российских ученых¹⁸. Этот анализ показывает, что в результате

18. «Попав в сферу силы инерции процесса коммерциализации, закономерного для переходной экономики 1990-х гг., Россия продолжает двигаться по пути коммерциализации, достигнув стадии гиперкоммерциализации. Коммерциализация как процесс расширения коммерческой сферы товарооборота обладает определенными аттрактивными особенностями, благодаря которым в процесс втягиваются сферы производства и обращения, не связанные изначально с коммерцией» [18. С. 26].

экспансии коммерциализации, как мы отметили выше, цели, содержание и формы организации учебного процесса подчиняются конъюнктуре рынка, что тормозит формирование креативного потенциала человека, абсолютно необходимого как для социального прогресса, так и для обеспечения инновационного экономического и технологического развития, без которого, в свою очередь, невозможно обеспечение реального суверенитета страны.

Альтернативой сложившейся модели образования в России может стать *социально ориентированная модель*. Первыми шагами к ее формированию могут стать:

- 1) общественное определение основных направлений развития образования, а не только следование конъюнктуре рынка;
- 2) развитие образования для всех и через всю жизнь, т.е. общедоступное образование;
- 3) переход к эгалитарной модели образования, обеспечивающей качественное образование для представителей всех социальных групп;
- 4) деbüroкратизация управления образованием на всех уровнях;
- 5) повышение престижа профессии учителя.

Рекомендации по совершенствованию государственной социально-экономической политики в сфере образования

Прежде чем выделить основные предложения по совершенствованию социально-экономической политики в сфере образования, направленные на формирование социально ориентированной модели образования в России, отметим, что она может рассматриваться как важное слагаемое общей стратегии современной социально-экономической системы.

Для формирования такой стратегии необходимо развитие, обеспечивающее соответствующие социально-экономические и технологические основания ее проведения.

Основами реализации социально ориентированной стратегии развития образования являются:

1) экономические отношения и институты, совершенствование которых позволяет создать предпосылки для продвижения в направлении равного доступа граждан страны (прежде всего, молодого поколения) к базовым ресурсам развития человеческих качеств. Важнейшие из таких ресурсов – содержательный, развивающий человеческие качества труд, жилищные условия, образование, система здравоохранения и культура. По мере продвижения к равнодоступности этих ресурсов создаются равные стартовые возможности для реализации человеческого потенциала у представителей разных социальных групп, формируются, с одной стороны, возможности максимального полного его задействования в целях обеспечения технологического и социально-экономического развития, а с другой – условия для полноценной равноправной конкуренции в сфере использования данного потенциала;

2) решение проблем бедности и снижения меры неравенства в распределении богатства и дохода до уровня, при котором сохраняются материальные стимулы для инновационной деятельности и повышения человеческого потенциала, но ограничиваются рентные, спекулятивные и иные формы получения богатства и дохода, создающие негативную мотивацию к креативной деятельности;

3) переход от ориентации макроэкономической политики на цели роста стоимостных количественных показателей (прежде всего, ВВП) к ориентации на цели развития, включающие решение социальных, экологических и тому подобных проблем¹⁹.

4) формирование активного и деятельного субъекта ее реализации, а это, в свою очередь, обеспечивается только на основе развития деятельности членов научно-образовательного сообщества в сфере контроля образовательных процессов и управления ими, т.е. де бюрократизации данной сферы, что является одной из наиболее актуальных проблем, обсуждаемых на различных уровнях, в частности, в Комитете по

19. Подробный анализ истории и дискуссий по данному вопросу см. в работах: [2, 35].

образованию и науке Государственной Думы Федерального собрания Российской Федерации.

В работах ряда российских ученых [4, 9, 10] подчеркивается необходимость органического соединения принципов экономической свободы и социальной справедливости. Особый интерес для нас представляет серия работ ряда ученых Института экономики РАН по проблемам развития государства [5, 8, 21, 22, 32, 37] и гражданского общества [24, 25], в которых показывается, что активная деятельность государства по поддержке социального сектора, а также эффективное участие институтов гражданского общества в постановке и решении задач социальной политики являются условиями и технологического, и социально-экономического развития.

На фоне современных социальных, технологических, институциональных вызовов, как глобальных, так и национальных, предлагается *ряд мер по совершенствованию социально-экономической политики в сфере образования нашей страны, в основе которой лежит социально ориентированная модель образования*, т.е. формирование системы доступного качественного образования для каждого.

Во-первых, необходимо изменение государственной политики в области финансирования образования с ориентацией на международный опыт его развития в странах, где социально-экономическая система основывается на сбалансированности экономической свободы и социальной справедливости (Швеция, Германия, Финляндия, Дания и др.) [9]. Здесь можно определить следующие первые шаги:

- 1) увеличение бюджетного финансирования до уровня 7–8% от ВВП, так как выделяемых на сегодня бюджетных ресурсов (3,5–4%) явно недостаточно для реализации интересов современного общества и экономики;

- 2) выделение основного объема государственного финансирования образования из федерального бюджета, а не из региональных и местных бюджетов, которые в большинстве своем являются в России дефицитными;

3) выделение бюджетных средств, исходя из потребностей образовательной организации, а не из ее статуса;

4) разработка небанковских механизмов кредитования высшего образования [31], в том числе с привлечением ресурсов работодателей.

Следует подчеркнуть, что в большинстве стран с рыночной экономикой, в которых решение проблем образования строится на приоритете социально-гуманитарных ценностей, его субъектами являются не только органы государственного управления, но и бизнес-сообщество, а также институты гражданского общества. Особо следует отметить в этой связи роль социально ответственного бизнеса, рассматривающего прогресс образовательного потенциала работников не только как средство повышения экономической эффективности фирмы, но и как одну из самостоятельных ценностей, характеризующих корпоративную культуру данной организации. В условиях социально ориентированной модели рыночной экономики такие коммерческие организации получают государственную и общественную поддержку. В результате формируются двоякие основания для формирования кадров, обеспечивающих инновационное развитие экономики и технологический прогресс: с одной стороны, высшая школа, с другой – инновационный социально ответственный бизнес.

Важное место в этих объединениях должны играть университеты, которые получают поддержку как от государства, так и от бизнеса. В этой ситуации университеты становятся не только потребителями финансовых ресурсов, получающими средства из государственного бюджета, но и создателями творческого потенциала общества, который в будущем положительно скажется на общей эффективности социально-экономической системы и общем уровне национального богатства. Подчеркнем, что, по нашему мнению, само по себе увеличение финансирования образования не решает основных задач изменения социально-экономической политики государства в данной сфере.

Существенно, что значительная часть расходов на образование в нашей стране переложена на регионы. Это создает дополнительные трудности в финансировании образовательных организаций, так как большая часть субъектов РФ является регионами-реципиентами. В результате региональные бюджеты во многих случаях оказываются неспособны выполнить свои обязательства по финансированию в полной мере всех запланированных расходов, и жертвой недофинансирования становятся прежде всего социальные статьи и, в частности, образование.

Переход к финансированию образования из федерального бюджета мог бы оказать позитивное воздействие и на решение проблемы региональной неравномерности оплаты труда его работников. В настоящее время разрыв в оплате одной и той же педагогической деятельности между регионами составляет 3–4 раза [38].

Необходимость снижения региональных различий в оплате труда (и в целом – финансирования) в сфере образования обусловлена не только требованиями социальной справедливости (хотя они также играют большое значение, так как являются основой обеспечения социально-экономической безопасности), но и решением задачи, связанной с реальной общедоступностью качественного образования. Низкие доходы и в целом недостаточное финансирование образования в дотационных регионах РФ приводит к «утечке мозгов» из этих пространств в крупные центры.

Последняя идет по нескольким направлениям. Это отток и педагогических кадров, и обучающихся. Особенно болезненно это сказывается на сфере высшего образования. В бедных регионах страны образуется своеобразная «ловушка отсталости», когда низкое финансирование региональных вузов приводит к текучести квалифицированных кадров, что снижает уровень образования, вызывает отток из этих регионов талантливых абитуриентов и, таким образом, еще больше снижает образовательный потенциал в них.

Все это приводит к снижению общедоступности качественного образования для многих регионов страны. Отсюда

вытекает необходимость развития реального равенства регионов с точки зрения общедоступности образования.

Кроме того, на развитие социально ориентированной модели образования могут быть использованы рентные доходы, получаемые государством, и доходы, формируемые за счет общественных (негосударственных) вложений в эту сферу. Первые формируются за счет доходов от природной, административной и, что особенно важно в условиях креативной революции, интеллектуальной ренты. Вторые — за счет не только пожертвований наиболее состоятельных членов общества (благотворительные и иные фонды), но и новых форм совместной работы и общественного финансирования, в частности таких, как краудсорсинг и краудфандинг [48], используемых для поддержки научно-исследовательских работ и дополнительных форм образования.

Во-вторых, расширение общедоступности образования, в частности за счет материальной и институциональной поддержки представителей социальных слоев с низкими доходами.

Следует уточнить круг лиц, которые нуждаются в социальной поддержке для получения качественного образования. Это лица, которые:

- включены в низкоквалифицированный репродуктивный труд или вообще не имеют работы;
- имеют низкий уровень дохода;
- проживают в удаленных районах или депрессивных регионах;
- традиционно воспроизводят относительно низкий уровень образования.

Подчеркнем, что в данном случае мы имеем в виду не просто отдельных индивидов, а семьи, в которых доступ к образованию должен быть обеспечен всем членам: детям (дошкольное и школьное образование), молодежи (высшее образование), взрослым (систематическое повышение квали-

фикации), пожилым (образование с целью освоения новых технологий, коммуникаций и адаптации к изменяющимся общественным институтам).

Обращаясь к историческому опыту создания дополнительных возможностей для получения качественного образования для лиц и/или семей с низкими доходами, можно отметить, что комплексная система таких механизмов была создана в СССР и ряде других стран. В настоящее время во многом сходные системы развиваются в Скандинавских странах. Интегрируя опыт этих двух разных по своим основаниям, но сходных по результатам (высококачественное и в то же время эгалитарное образование) систем, мы можем выделить следующие подсистемы обеспечения эгалитарности образования [41]:

1) поэтапный переход к полностью бесплатной и равной по качеству образования системе полного среднего образования с сохранением платных услуг в этой сфере исключительно в области дополнительного образования;

2) формирование системы государственных и общественных неправительственных и некоммерческих организаций, осуществляющих на бесплатной основе дополнительную подготовку поступающих для обучения в государственные вузы по специальностям, наиболее востребованным в общественном секторе (например, педагогическим, инженерным и т.п.), для детей из семей с низкими доходами и молодых работников, получающих низкую (ниже медианной) заработную плату;

3) постепенный переход к бесплатному среднему специальному образованию и по некоторым направлениям подготовки (определяется государством, исходя из задач социально-экономического развития страны и воспроизводства соответствующего им национального человеческого потенциала) очному высшему образованию;

4) создание общественной системы доступного бесплатного высококачественного дополнительного образования и просвещения, включая курсы русского языка, иностранных

языков, математики и др., а также просветительские курсы с использованием не только сети Интернет, но и издания соответствующей литературы, газет, журналов, центрального и регионального государственного телевидения и др.;

5) развитие волонтерской деятельности по взаимопомощи в области образования (общественного добровольного бесплатного «репетиторства», которое может стать важным слагаемым повышения профессиональных навыков будущих педагогов, опытом социализации и средством совершенствования отношений солидарности);

6) оказание социальной поддержки, например, выплата социальных стипендий (на уровне прожиточного минимума по региону) и предоставление бесплатного общежития для студентов из семей с низким уровнем дохода.

Предложенные выше механизмы позволят решить ряд фундаментальных проблем, накопившихся в российской системе образования на протяжении последних десятилетий постсоветского развития. Среди этих проблем особо хотелось бы выделить феномен, который можно назвать образовательной сегрегацией – ограничением (а в предельных случаях – лишением) доступа детей и представителей молодого поколения из семей с низкими доходами и/или депрессионных регионов, удаленной местности и т.п. к качественному образованию. В меньшей степени это касается и возможностей повышения квалификации взрослых. Все это в совокупности создает мощные барьеры на пути к формированию качественного человеческого потенциала, обеспечивающего возможности развития как конкретного индивида, так и национальной экономики. На преодоление этого и многих других «прovalов» существующей системы образования и нацелены предлагаемые выше меры.

В заключение отметим, что развитие социально ориентированной модели общедоступного образования не только не снижает экономическую эффективность национального воспроизводства, но и приносит положительный результат, увеличивая вклад образования в развитие экономики, причем

чем более высокий его уровень достигается, тем выше становится не только социальный, но и экономический эффект государственных вложений в образование на макроуровне. Так, в среднем по ОЭСР государственная чистая финансовая прибыль от получения высшего образования составляет около 127 000 долл. США для мужчины и 60 600 долл. США для женщины [53]. Если даже не принимать во внимание социальные результаты, стране экономически выгодно иметь больше образованных людей, что обусловлено высокими поступлениями от налогов и социальных взносов, уплачиваемых ими, когда они выходят на рынок труда, а также другими каналами отдачи.

Между тем, даже если исходить из чисто прагматических и узко экономических критериев (влияние образования не только на темпы роста экономики, но и на меру ее инновационности и т.п.), становится понятным, что образование в современных условиях есть сфера производства главного ресурса развития — рабочей силы, способностей человека к труду и во все большей мере — творческих качеств. Мы уже не раз отмечали, в частности в одной из своих работ [43], что уже в XXI в. образование становится сферой с наиболее высокой отдачей долгосрочных инвестиций²⁰. Это было доказано еще в XX в. С.Г. Струмилиным²¹ и позднее не раз подтверждено как отечественными, так и зарубежными экономистами [14, 46, 47 и др.]. Это показали в своих исследованиях и лауреаты Нобелевской премии по экономике 2021 г.: Д. Кард (D. Card) [49], Д. Ангрис (J. Angrist) и Г. Имбенс (G. Imbens) [50].

20. Так например, известный американский экономист Джон Гэлбрейт подчеркивал, что инвестиции в образование приносят больший прирост национального дохода, чем инвестиции в капитальные блага, такие как железные дороги, плотины и машины [13. С. 49].

21. С.Г. Струмилин — советский экономист, который в 20–30-е гг. XX в. разработал концепцию об основополагающей роли образования и профессиональной подготовки работников при реализации как социальных целей советского общества, так и экономического роста. На основе статистических расчетов было показано, что год школьного образования дает примерно в 2,6 раза более высокую прибавку квалификации, чем год заводского стажа. Выгоды от роста производительности труда превышают соответствующие затраты государства на школьное обучение в 27,6 раза [17].

Необходимо специально подчеркнуть, что ресурсы, выделяемые на развитие образования, являются не просто тратой общественных средств, предоставляемых на социальные цели, исходя из некоторых политических, этических и тому подобных соображений, а инвестициями в формирование важнейшего ресурса инновационного развития. Последние события, вызванные пандемией, обострением международных конфликтов и иных проблем, показали, что именно человеческий потенциал является главным условием сохранения возможностей развития общества, экономики, технологической базы, а также обеспечения технологического суверенитета, как мы отметили выше.

Подчеркнем, этот аргумент не служит доказательством того, что инвестиции в образование должны быть преимущественно общественными, но он демонстрирует, что использование общественных ресурсов (прежде всего, государственного бюджета) на образование есть инвестиция. При этом важно помнить, что образование содействует достижению не только узко экономических, но социально-экономических, гуманитарных и иных результатов общественного прогресса.

Одной из наиболее важных и одновременно сложных проблем в данном случае является повышение результативности государственных ресурсов, используемых для развития высшего образования. Подчеркнем, что речь идет не только о рыночном эффекте. Вложения в образование нацелены на обеспечение как коммерческого эффекта, так и иных результатов, многие из которых вообще не имеют стоимостного измерения. Поэтому задачей становится не только выделение высшей школе денежных ресурсов (хотя, еще раз подчеркнем, решение проблемы недофинансирования образования является одной из наиболее важных задач на современном этапе социально-экономического развития), но и решение ряда других задач, которые может и должно брать на себя государство, в том числе в режиме государственно-частного партнерства, т.е. на основе сотрудничества с бизнесом. Среди активно дискутируемой в последние годы выделяется про-

блема перехода к определенным гарантиям трудоустройства выпускников высшей школы. Относительно менее сложно реализуемыми в рамках рыночной экономики являются проекты перехода к гарантированному трудоустройству, сопровождаемому соответствующим социальным обеспечением (жилище, достойная заработная плата, социальный пакет и т.д.) выпускников, чья подготовка целенаправленно ведется для работы в общественном секторе. Это касается будущих педагогов и воспитателей, преподавателей вузов, работников в области фундаментальной науки, медицинских работников (для общественного сектора медицины, образования и науки), специалистов для инновационных государственных предприятий и т.п.

Формирование целостной системы отношений социально ориентированного образования является одним из важных слагаемых реализации стратегии опережающего развития российской экономики, ориентированной на совершенствование человеческого потенциала, решение технологических и социально-экономических проблем в сложившихся геополитической и экономической ситуациях.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Арзуманян М.А.* Социально-ориентированная модель образования как фактор развития человеческого потенциала (на примере скандинавских стран) // *Общество и экономика.* 2022. № 8. С. 106–121.
2. *Бобылев С.Н.* Устойчивое развитие: новое видение будущего? / С.Н. Бобылев // *Вопросы политической экономии.* 2020. № 1. С. 67–83.
3. *Бодрунов С.Д.* Ноономика: траектория глобальной трансформации / Монография. М: ИНИР: Культурная революция, 2020.
4. *Бузгалин А.В., Гринберг Р.С., Колганов А.И.* Глобальный мир в тупике. Где выход? // *Социологические исследования.* 2015. №11. С. 3–13.
5. *Войков М.И., Городецкий А.Е., Гринберг Р.С.* Экономическая природа государства: новый ракурс. М: ИЭ РАН, 2018.

6. Глазьев С.Ю. Мирохозяйственные уклады в глобальном экономическом развитии // Экономика и математические методы. 2016. № 2. С. 3–29.
7. Глазьев С.Ю. Приоритеты опережающего развития российской экономики в условиях смены технологических укладов // Экономическое возрождение России. 2019. № 2. С. 17–24.
8. Городецкий А.Е. Развилки социальной политики государства: от патерналистского к социальному провалу в экономике // Вопросы политической экономии. 2020. № 4 (24). С. 82–105.
9. Гринберг Р.С. Свобода и справедливость. Российские соблазны ложного выбора. М.: Магистр: НИЦ Инфра-М., 2012.
10. Гринберг Р.С., Бузгалин А.В. Старая модель развития исчерпана. Куда движется мир? // Россия и современный мир. 2015. № 2 (87). С. 30–43.
11. Громов А.Д. и др. Доступность высшего образования в регионах России. М.: НИУ ВШЭ, 2016.
12. Джабборов Д.Б. Прогресс человеческих качеств: рыночные и пострыночные механизмы стимулирования социально-экономического развития // Экономическое возрождение России. 2016. № 4. С. 70.
13. Гэлбрейт Д. Экономические теории и цели общества / Под ред. акад. Н.Н. Иноземцева. М.: Прогресс, 1979.
14. Денисон Э.Ф. Вклад знаний в экономический рост: межстрановой анализ / Советско-американский симпозиум экономистов. М.: Прогресс, 1978.
15. Единый портал бюджетной системы РФ. <https://minfin.gov.ru/ru/statistics> (дата обращения: 10.06.2023).
16. Капуза А.В., Керша Ю.Д., Захаров А.Б. и др. Образовательные результаты и социальное неравенство в России: динамика и связь с образовательной политикой // Вопросы образования. 2017. №4. С. 10–35.
17. Капустин Е.И. Теоретик и практик народнохозяйственного прогнозирования // Экономическая наука современной России. 2003. № 3. С. 147–157.
18. Клейнер Г.Б. Коммерциализация, декоммерциализация, посткоммерциализация российской экономики // Вопросы политической экономии. 2021. № 3 (27). С. 23–36.
19. Львов Д.С., Глазьев С.Ю. Теоретические и прикладные аспекты управления НТП // Экономика и математические методы. 1986. Т. 22. № 5. С. 793–804.

20. Материалы заседания Совета ТПП РФ по промышленному развитию и конкурентоспособности экономики России на тему «Кадры для промышленности. Подготовка к Новой индустриализации. Проблемы, решения», 9 февраля 2022 г. <https://dubna.trprf.ru/ru/news/442830/> (дата обращения: 12.06.2023).
21. *Музычук В.Ю.* Должно ли государство финансировать культуру. М.: ИЭ РАН, 2012.
22. *Музычук В.Ю.* Государственный патернализм в сфере культуры: что не так с установками патера в России? Научный доклад. М.: ИЭ РАН, 2017.
23. Образование в цифрах: 2022: краткий статистический сборник / Л.М. Гохберг, Л.Б. Кузьмичева, О.К. Озерова и др.; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: НИУ ВШЭ, 2022.
24. *Павленко Ю.Г.* Гражданское общество как экономический институт // Вестник Международного института менеджмента ЛИНК. 2016. № 14. С. 30–35.
25. *Павленко Ю.Г.* Новая модель экономического развития: институты и механизмы // Вестник Института экономики РАН. 2016. № 5. С. 43–56.
26. Переосмысливая образование: образование как всеобщее благо? Париж: ЮНЕСКО, 2015.
27. *Печчи А.* Человеческие качества. М.: Прогресс, 1980.
28. *Платонова Д.П., Фруммин И.Д.* Высшее образование в России. Университеты на перепутье. М.: Изд. дом ВШУ, 2019.
29. Региональная дифференциация доступности высшего образования в России / С.С. Малиновский, Е.Ю. Шибанова; Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Институт образования. М.: НИУ ВШЭ, 2020.
30. *Роцина Я.М., Другов М.А.* Социальные детерминанты неравенства доступа к высшему образованию в современной России / Проблемы доступности высшего образования. Препринт WP3/2003/01 / Отв. ред. С.В. Шишкин. Независимый институт социальной политики. М.: СИГНАЛЬ, 2003.
31. *Рубинштейн А.Я.* Двадцать пять тезисов об активности государства в социальной сфере // Экономическая наука современной России. 2009. №1 (44). С. 25–38.
32. *Рубинштейн А.Я.* О провалах государства и несостоявшихся реформах в гуманитарном секторе // Вопросы теоретической экономики. 2019. №1. С. 116–132.

33. *Смолин О.Н.* Высшее образование и наука: некоторые системные проблемы // Ректор вуза. 2020. № 5. С. 4–23.
34. *Струмилин С.Г.* Проблемы экономики труда. Очерки и этюды. М.: Вопросы труда, 1925.
35. *Теняков И.М.* Подходы к оценке качества экономического роста / И.М. Теняков // Вопросы политической экономии. 2016. № 4. С. 61–73.
36. *Флорида Р.* Креативный класс: люди, которые меняют будущее. М.: Классика XXI, 2005.
37. *Чубарова Т.В.* Государство социальных инвестиций – новый поворот в социальной политике // Общественные науки и современность. 2015. №6. С. 14–28.
38. *Шереги Ф.Э., Кириллов А.В.* Труд преподавателя вуза: творчество или «выживание»? // Социологические исследования. 2017. №11. С. 87–98.
39. *Яковлева Н.Г.* Коммерциализация, бюрократизация, менеджерализация образования постсоветской России: политэкономический взгляд // Проблемы теории и практики управления. 2017. № 3. С. 122–131.
40. *Яковлева Н.Г.* Коммерциализация российского высшего образования: историко-логические контрапункты // Экономическое возрождение России. 2017. № 4 (54). С. 49–59.
41. *Яковлева Н.Г.* Противоречия трансформации и генезис социально-ориентированной модели образования (политико-экономический подход) // Вопросы политической экономии. 2021. № 3. С. 183–197.
42. *Яковлева Н.Г.* Университет XXI: образовательная организация или коммерческая корпорация? / Социально-экономическая обусловленность предпринимательства, малого и среднего бизнеса и общества: сильные идеи для нового времени: Сборник статей Первой межрегиональной научно-практической конференции, Кострома, 27–28 мая 2021 года. Кострома: Костромская областная общественная просветительско-обучающая организация «Знание», 2021. С. 189–196.
43. *Яковлева Н.Г.* Исходное противоречие трансформации образования в современной экономике: политико-экономический взгляд / Международный экономический симпозиум – 2022. Сборник материалов международных научных конференций. СПб.: ООО «Скифия-принт», 2022. С. 513–517.

44. Яковлева Н.Г. Противоречия трансформации образования в современной экономике (политико-экономический подход): Автореф. дис. ... д-ра экон. наук. М.: МГУ им. М.В. Ломоносова, 2022.
45. Яковлева Н.Г. Российское образование: глобальные и национальные вызовы формированию человеческого потенциала // Уровень жизни населения регионов России. 2023. Т. 19. № 1. С. 36–46.
46. Acosta-Ormaechea S., Morozumi A. Can a government enhance long-run growth by changing the composition of public expenditure? // IMF Working Paper. 2013. No. WP/13/162.
47. Barbiero O., Cournède B. New econometric estimates of long-term growth effects of different areas of public spending // OECD Economics Department Working Papers. 2013. No. 1100.
48. Brabham D.C. Crowdsourcing as a model for problem solving: Leveraging the collective intelligence of online communities for public good // The International Journal of Research into New Media Technologies. 2008. Vol. 14(1). Pp. 75–90.
49. Card D., A.B. Krueger. Does school quality matter? Returns to education and the characteristics of public schools in the United States // Journal of Political Economy. 1992. No. 100(1). Pp. 1–40.
50. Imbens G., Angrist J. Identification and estimation of local average treatment effects // Econometrica. 1994. No. 61. Pp. 467–476.
51. OECD. Educational a Glance2014: OECD Indicators. – OECD Publishing, 2014. <http://www.oecd.org/education/Education-at-a-Glance-2014.pdf> (accessed: 09.06.2023).
52. OECD. Educational Opportunity for All: Overcoming Inequality throughout the Life Course. – OECD Publishing, 2017. https://read.oecd-ilibrary.org/education/educational-opportunity-for-all_9789264287457-en#page1. С. 244–256 (accessed: 08.06.2023).
53. OECD. Education at a Glance 2021: OECD Indicators. Paris: OECD Publishing, 2021.
54. Stiglitz J.E., Sen A., Fitoussi J.P. Mismeasuring our lives: Why GDP doesn't add up. New York: The New Press, 2010.

Т.В. Чубарова

д.э.н., главный научный сотрудник,
ИЭ РАН

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ОХРАНЫ ЗДОРОВЬЯ НАСЕЛЕНИЯ: СОВРЕМЕННЫЕ ВЫЗОВЫ НА ГЛОБАЛЬНОМ УРОВНЕ

В статье рассмотрены глубинные вызовы, с которыми в настоящее время сталкивается здравоохранение на глобальном уровне. От того, насколько полно и своевременно они будут учтены при формировании национальной здравоохранительной политики, зависит успешное решение основной задачи — обеспечение охраны здоровья населения. Проанализированы такие проблемы, как глобализация здравоохранения, необходимость реальной системности в организации охраны здоровья, в том числе с учетом факторов здоровья, важность устойчивости системы здравоохранения перед лицом возможных кризисов. Особое место занимает не просто задача обеспечения должного финансирования здравоохранения, которая в настоящее время стоит на повестке дня во всех странах, а ее рассмотрение в контексте инвестиций в человеческий потенциал с использованием возможностей не только государственного, но и частного сектора.

Ключевые слова: глобальное здравоохранение, система здравоохранения, факторы здоровья, поведенческая экономика, устойчивость системы здравоохранения, инвестиции в здоровье, человеческий потенциал.

В настоящее время в области охраны здоровья населения происходят существенные изменения. Одним из самых серьезных испытаний для современных систем здравоохранения стала пандемия, которая не просто обнажила существовавшие в данной области проблемы, но и привела к возникновению новых тенденций, показала возможность и эффективность новых способов работы, прежде всего, цифровых инструментов, ускорила внедрение инноваций — как медицинских, так и организационных.

На современном этапе здравоохранение сталкивается с такими проблемами, как ухудшение психического здоровья

населения, нехватка медицинских кадров, изменение цепочек поставок и макроэкономическая нестабильность, растущий спрос на услуги при дефиците финансирования, увеличивающееся неравенство в состоянии здоровья населения, различия в доступности передовых методов лечения как между странами, так и внутри их.

Таким образом, системы здравоохранения существуют не в вакууме, их развитие тесно связано с общей ситуацией в современном обществе, которая характеризуется неопределенностью во многих сферах жизни и сегодня все чаще определяется как «постоянный кризис» (*permo-crisis*), который неизбежно затрагивает данную сферу. В данной статье будут рассмотрены некоторые общие вызовы, с которыми сталкивается общество, решая проблемы охраны здоровья населения в новых сложных условиях.

Глобальное здравоохранение

В период пандемии усилилось такое направление в области охраны здоровья, как глобальное здравоохранение, понимаемое как «область изучения, исследований и практики, в которой приоритет отдается улучшению здоровья и достижению справедливости в отношении здоровья для всех людей во всем мире. Глобальное здравоохранение подчеркивает транснациональные проблемы здоровья, детерминанты и решения; включает многие дисциплины внутри и за пределами медицинских наук и способствует междисциплинарному сотрудничеству; представляет собой синтез профилактики на уровне населения и клинической помощи на индивидуальном уровне» [13].

Понятие «глобальное здравоохранение» как научный термин и методологический принцип используется уже достаточно давно, в том числе в документах Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ), однако активно на практике оно стало применяться на рубеже веков. Основное отличие глобального здравоохранения как составной части более широкого поля изучения и охраны здоровья состоит

с том, что сфера его интересов включает вопросы, которые имеют глобальное значение и влияние и требуют глобальных решений. Таким образом, глобальное здравоохранение нацелено на улучшение положения населения во всех государствах мира, хотя отдельные исследования и практика применения тех или иных мер могут осуществляться в отдельных странах. Таким образом, глобальное воздействие является ключевой концепцией глобального здравоохранения, т. е. речь идет о проблемах, которые пересекают границы и уже повлияли или могут повлиять на значительные группы людей или стран.

Рассматривая глобальное здравоохранение с точки зрения общих проблем, на наш взгляд, можно выделить два направления. Прежде всего, многие страны сталкиваются со схожими проблемами в области охраны здоровья населения, ее организации и финансирования. Наряду с быстрой и неравномерной глобализацией, экономическим ростом и технологическим развитием возникает все больше и больше проблем в области медицины и здравоохранения, имеющих глобальные последствия. Типичные примеры — проблемы со здоровьем, связанные с миграцией, злоупотреблением Интернетом, распространением малоподвижного образа жизни и отсутствием физической активности, прежде всего, это ожирение, рост злоупотребления психоактивными веществами, депрессия и другие проблемы с психическим здоровьем. Отсюда — анализ национального опыта и возможности его применения в других странах.

Но есть и другое направление — изучение проблем, которые пересекают границы, и для решения которых необходимы общие усилия. В качестве примеров можно привести эпидемию атипичной пневмонии, которая произошла в нескольких районах Гонконга и затем за короткий период распространилась во многих странах, вызвав множество проблем в сфере общественного здравоохранения; глобальную эпидемию ВИЧ/СПИДа [20] и, безусловно, эпидемию нового коронавируса, которая началась в декабре 2019 г. в Китае и быстро распространилась по всему миру.

На наш взгляд, можно провести параллель между существующим в экономической науке понятием *глобальных общественных товаров* (ГОТ) и глобальным здравоохранением. Особенно это касается таких областей, как научные исследования и разработки и контроль инфекционных заболеваний [22]. ГОТ в здравоохранении понимаются как трансграничные функции или вмешательства, которые способствуют прогрессу в области здравоохранения и которые не обеспечиваются должным образом рыночными силами. Примеры включают надзор за болезнями и борьбу с ними, исследования причин и лечение болезней, разработку вакцин, обмен информацией, готовность к вспышкам заболеваний, а также разработку стандартов и правил [24].

Идея ГОТ подчеркивает важность целенаправленных усилий и коллективных действий. В многосторонних действиях по укреплению глобальной системы здравоохранения должны участвовать не только государства и межправительственные организации, но и все заинтересованные стороны, включая научное сообщество, частный сектор и гражданское общество. Необходимость международного сотрудничества и поддержки показала пандемия. Безусловно, важнейшим координирующим наднациональным органом остается ВОЗ, осуществляющая в том числе и методологические функции. Под ее эгидой создаются специальные международные программы, например, Глобальный фонд по борьбе со СПИДом, туберкулезом, малярией.

Следует отметить, что начало глобальному здравоохранению положила гуманитарная помощь богатых стран бедным. Однако постепенно, по мере развития глобализации, растет понимание тесной взаимосвязи государств в мире и необходимости не просто укрепления здоровья для всех, но и реализации принципа справедливости, сокращения неравенства в отношении здоровья. В самом общем виде такие идеи отражены в Целях в области устойчивого развития, принятых ООН в 2015 г. Реализация поставленных задач требует и политической воли, и значительных финансовых и организационных усилий как отдельных стран, так и мирового сообщества.

Системность здравоохранения: от медицины к социально-экономическим детерминантам здоровья

В настоящее время активно обсуждается необходимость комплексного, системного подхода к решению проблем современного общества. Охрана здоровья не является исключением, и часто в документах и исследованиях определяется как «система здравоохранения». Важно понять, является ли это сущностной характеристикой охраны здоровья в той или иной стране или просто интуитивным пониманием ситуации. Как представляется, даже если на практике охрана здоровья не всегда организована как строгая система, то по сути своей она является системным феноменом.

Хотя здравоохранение определяют как систему, не всегда уточняется, что она конкретно включает. Вместе с тем понимание того, что входит в систему здравоохранения, определяет формирование политики и управления в этой сфере, разграничение прав и ответственности [14].

Наиболее часто используемое определение было дано Всемирной организацией здравоохранения, в соответствии с которым системы здравоохранения можно понимать «как включающие в себя все организации, учреждения и ресурсы, предназначенные для осуществления действий в области здравоохранения» [27. Р. xi]. В расширенном определении утверждается, что система здравоохранения «состоит из всех организаций, людей и действий, основной целью которых является укрепление, восстановление или поддержание здоровья» [28. Р. 2], независимо от того, являются ли участники государственными, неправительственными или частными структурами.

Таким образом, система охраны здоровья охватывает как непосредственное оказание медицинских услуг, включая обеспечение медицинских организаций необходимыми ресурсами, так и любую деятельность в других секторах народного хозяйства, способную оказывать положительное

влияние на здоровье населения, даже если ее основной целью не является улучшение здоровья.

Исходя из подхода ВОЗ, на наш взгляд, следует выделить два определения системы здравоохранения – узкое и широкое. Критерием может выступать ее основная цель, упомянутая в определении ВОЗ, а именно – прямое или косвенное воздействие на здоровье населения.

В узком смысле под системой здравоохранения понимают оказание медицинской помощи и, возможно, медицинскую профилактику, т. е. структуры и виды деятельности, которые непосредственно направлены на обеспечение здоровья. В таком понимании при анализе системы здравоохранения рассматриваются вопросы организации и финансирования, обеспечения доступа (для кого и к каким услугам), расходов и ресурсов (медицинские работники и учреждения). Система здравоохранения нуждается в кадрах, средствах, информации, расходных материалах, транспорте, связи, а также в общем руководстве и руководстве для функционирования. Таким образом, укрепление систем здравоохранения означает устранение основных препятствий в каждой из этих областей [7]. При этом медицина становится все более сложной и включает тесно связанную систему людей, ресурсов, процессов и учреждений [1].

Если в узком смысле система здравоохранения ассоциируется исключительно с медицинскими услугами, то в широком понимании она включает не только медицину, но и все виды деятельности, имеющие какое-либо влияние на состояние здоровья населения. В основе такого подхода – *факторы здоровья*, которые лежат за пределами медицины, но оказывают существенное влияние на состояние здоровья населения.

В литературе можно найти различные классификации факторов (детерминантов) здоровья, например:

- социально-экономические и культурные (доход, уровень образования, занятость, социальная поддержка);
- поведенческие – образ жизни и состояние окружающей среды (например, курение, питание, физическая активность, доступ к воде, загрязнение воздуха);

- индивидуальные, как физиологические (генетика) так и психологические (способность контролировать собственную жизнь);
- доступ к медицинскому обслуживанию (профилактика и лечение).

Таким образом, оказание медицинской помощи рассматривается как важный, но не единственный детерминант здоровья. При этом следует отметить, что все же именно на структуры по оказанию медицинской помощи обычно возлагается ответственность за налаживание взаимодействия с секторами, влияющими на другие детерминанты здоровья.

На концептуальном уровне идея факторов здоровья получила поддержку и включена в повестку здравоохранительной политики. Другое дело, что на практике, особенно если смотреть с точки зрения управленческих и финансовых аспектов, она пока носит достаточно декларативный характер. Тем не менее, можно выделить несколько инициатив в этой области, таких как продвижение здоровья (*health promotion*) или подход «здоровье во всех стратегиях» (*HiAP*), который определяется как «подход к государственной политике во всех секторах, который систематически учитывает последствия решений для здоровья и систем здравоохранения, стремится к синергии и избегает вредных воздействий на здоровье, чтобы улучшить здоровье населения и справедливость в отношении здоровья» [29]. Пандемия показала необходимость интегрированного подхода с точки зрения «всего правительства» (*whole of government*) и «всего общества» (*whole of society*), выявив многочисленные каналы воздействия на здоровье других секторов.

В последнее время тема факторов здоровья активизировалась в связи с расширением популярности поведенческой экономики. Последняя обращает внимание на то, что люди могут принимать решения относительно своего здоровья, которые далеко не всегда отвечают их интересам, например, не используют положенную им медицинской страховку, на которую они имеют право, или следуют вредным привычкам и рисковому поведению, зная о последствиях. При этом

традиционная экономическая теория не объясняет такие ситуации, так как исходит из того, что люди принимают решения рациональным образом, могут анализировать большие объемы информации и делать самостоятельный выбор, не поддаваясь манипуляциям. В то же время поведенческая экономика, используя достижения психологии, признает, что люди часто действуют не рационально в экономическом смысле, объясняет причины такого поведения и предлагает набор инструментов, оказывающих на него влияние.

Подходы поведенческой экономики можно использовать в здравоохранении для того, чтобы граждане принимали адекватные решения в отношении своего здоровья [21]. Предполагается, что конкретная ситуация или контекст могут приводить к когнитивным ошибкам, что хорошо иллюстрирует пример медицинского страхования, где процесс принятия решений искажается и приводит к неверной оценке возможных расходов в случае наступления болезни, например, переоценка последствий или, наоборот, придание слишком большого значения сегодняшним затратам и недооценка будущих выгод; сложность выбора, связанная с наличием множества вариантов. Это позволяет выделить несколько рекомендаций для здравоохранительной политики, например, важность посредников, которые помогут сделать выбор из многочисленных вариантов, или автоматическая регистрация в той или иной системе страхования, которая может быть более выгодной с точки зрения обеспечения охвата, чем введение финансовых санкций в случае ее отсутствия [15].

В последнее время методы поведенческой экономики предлагается применять не только к пациентам, но и к медицинским работникам [11].

Например, пациенты довольно часто пропускают визиты к врачу. Это приводит к увеличению неотложных вызовов и госпитализаций и, соответственно, удорожанию медицинской помощи. В одной из клиник США для решения этой проблемы использовали методы поведенческой экономики, которые включали размещение соответствующих вывесок

в зонах ожидания и в каждой комнате для осмотра, т. е. на каждом этапе визита пациента в медицинское учреждение, и заполнение пациентом карточек-напоминаний о записи на прием в конце каждого визита, чтобы подтвердить дату и время следующего посещения. В результате доля реализованных визитов увеличилась с 76,5 до 78,0%, а доля граждан, посещающих клинику в соответствии с рекомендациями, — с 59,5 до 74,3%. Следует отметить, что эти улучшения были достигнуты без значительных расходов [9].

Таким образом, одно из основных достоинств таких мер, которые поддерживают приверженцы поведенческой экономики, состоит в их относительной простоте, они не требуют существенных финансовых затрат, оказывая при этом определенное влияние на поведение граждан. Хотя включение идей поведенческой экономики в здравоохранительную политику может улучшить здоровье населения, ее интеграция в государственные программы требует тщательной разработки и постоянной оценки таких вмешательств. Среди аргументов против выделяют опасность патернализма, так как поведенческая экономика постулирует, что государство может ограничивать выбор людей, апеллируя при этом к защите их интересов. Это предполагает, что политики лучше, чем отдельные люди, знают, что отвечает их собственным интересам. Часто довольно трудно понять, когда вмешательства переходят грань простого «подталкивания» и становятся принудительными. Однако, на наш взгляд, главное — это игнорирование социально-экономических факторов здоровья на фоне преувеличения психологических факторов.

В настоящее время стоит проблема более активного включения организаций секторов, «отвечающих» за факторы здоровья в общую систему его охраны, что с организационной и финансовой точки зрения является сложной задачей. Именно управленческие и экономические аспекты, преодоление сугубо отраслевого мышления в организации работы, на наш взгляд, являются препятствием для обеспечения комплексного подхода к охране здоровья. По суще-

ству, Министерство здравоохранения отвечает за состояние здоровья населения, но, например, оценка его деятельности по такому показателю, как продолжительность жизни, ведет к искажению результатов, так как на нее оказывает влияние именно комплекс факторов здоровья, а не только доступность и качество оказываемой медицинской помощи.

Устойчивость здравоохранения

В последнее время в научных дебатах и программных документах широко используется понятие устойчивости систем здравоохранения. Причем это не следует рассматривать как последствие пандемии, которая скорее обострила этот вопрос. Задолго до пандемии специалисты высказывали опасения по поводу поведения здравоохранения как сложной системы в условиях внешних шоков.

Например, буквально перед пандемией COVID-19 Центром безопасности здравоохранения имени Джона Хопкинса, организацией «Инициатива по ядерной угрозе» и аналитической группой журнала *Economist* был разработан Индекс глобальной безопасности здравоохранения, который стал первой комплексной оценкой готовности современных систем здравоохранения к глобальным угрозам. Он был составлен на основе опроса стран и включил показатели, объединенные по шести категориям: профилактика — предотвращение появления или выброса патогенов; выявление и информирование — раннее обнаружение и уведомление об эпидемиях, потенциально имеющих международное значение; быстрое реагирование — быстрое реагирование и смягчение последствий распространения эпидемии; система здравоохранения — достаточная и надежная система здравоохранения для лечения больных и защиты медицинских работников; соответствие международным нормам — обязательства по повышению национального потенциала, планы финансирования для устранения пробелов и соблюдение глобальных норм; среда риска — общая среда риска и уязвимость страны перед биологическими угрозами.

Индекс показал, что на момент проведения опроса ни одна из стран, принявших в нем участие, не была готова к глобальным угрозам для здоровья населения. Среднее значение GHS Index составило 40,2 балла из 100 возможных. Для 116 развитых стран (высокий и средний уровень дохода) индекс достиг значения только около 50. Россия получила 44,3 балла, заняв 63-е место из 195 [2].

Под устойчивостью понимается способность систем здравоохранения не только готовиться к потрясениям, но и сводить к минимуму их негативные последствия, как можно быстрее восстанавливаться и адаптироваться, извлекая уроки из полученного опыта, чтобы лучше работать и быть более подготовленными [23]. Устойчивость систем здравоохранения рассматривается экспертами как системный атрибут перед лицом хронического стресса и острых потрясений, который не только позволяет им справиться, но и обладает потенциалом, позволяющим им адаптироваться и трансформироваться при столкновении с краткосрочными или долгосрочными проблемами [4].

Устойчивость является динамичным подходом и охватывает адаптивные и преобразующие возможности, которые позволяют системе корректировать или изменять свои собственные характеристики или действия, чтобы смягчить будущие потрясения, сохраняя при этом свою базовую структуру, или даже возможность существенным образом поменять свою структуру, чтобы полностью исключить риски, если ее текущее состояние становится неустойчивым. Вместе с тем система здравоохранения должна быть готова противостоять потрясениям в данной области, сохраняя при этом способность предоставлять населению текущие медицинские услуги.

Исследования показывают, что понимание устойчивости системы здравоохранения должно выходить за рамки технических и биомедицинских знаний и действий и основываться на осознании взаимосвязи широких социальных, экономических и политических факторов и институтов [10].

Таким образом, устойчивость систем здравоохранения подразумевает их способность к изменениям, умение при-

нять удар и сделать выводы на будущее. С практической точки зрения она неразрывно связана с управлением рисками. Надо понять, что обеспечит устойчивость, как это внедрить и, главное, оценить готовность. В настоящее время еще недостаточно понимания того, какие стратегии могут считаться успешными для повышения устойчивости систем здравоохранения в различных условиях. Кроме того, в обыденной ситуации сложно понять, что сложившаяся система устоит перед шоками и что принимаемые меры ведут если не к повышению, то к сохранению устойчивости. Особенно важны исследования последствий шока, выявление связи между восстановлением и готовностью к будущим потрясениям, так как довольно часто, когда система здравоохранения возвращается к нормальному состоянию, эти вопросы постепенно уходят из поля зрения здравоохранительной политики [30].

Как справедливо отмечают многие эксперты, пандемия COVID-19 выявила тот факт, что большинство стран — как развитых, так и развивающихся — до сих пор не создало устойчивую систему здравоохранения, способную адекватно реагировать на чрезвычайные ситуации. Вместе с тем возникающие проблемы и достигнутые результаты во многом определяются общим уровнем развития здравоохранения в той или иной стране. Для развитых стран основными проблемами в ходе пандемии стали непоследовательные механизмы обеспечения готовности и координации действий, в том числе отсутствие своевременного реагирования на ранние результаты эпидемиологического надзора, неадекватность управления и распределения предметов первой необходимости. Для развивающихся стран стала очевидной необходимость адекватных инвестиций в медицинские ресурсы, развитие первичной медицинской помощи. В любом случае важно укреплять доверие населения к системе здравоохранения и активнее вовлекать общество в решение проблем в области общественного здравоохранения [26].

Исследователи подчеркивают важность надлежащего управления и наличия доступных ресурсов здравоохранения для повышения устойчивости в нестабильных условиях [8].

Появилось понимание того, что укрепление системы здравоохранения и принятие мер по обеспечению ее готовности к пандемии должны осуществляться вместе в рамках одного подхода к развитию ее устойчивых систем. Вместе с тем национальные бюджеты часто игнорируют это основополагающее условие. Многие страны не имеют достаточных ресурсов для создания устойчивых систем для защиты от угроз, поскольку они испытывают трудности с удовлетворением базовых потребностей населения в области охраны здоровья. Таким образом, наращивание основных возможностей по преодолению шоковых ситуаций неразрывно связано с общим укреплением систем здравоохранения.

Инвестиции в здоровье: государственный и частный сектор

Отношение к охране здоровья в финансово-экономическом плане довольно противоречиво. Уже давно на уровне теории обсуждается вопрос о том, что финансирование здравоохранения это не расходы, а инвестиции [17], но на практике оно по прежнему рассматривается как затраты. Одновременно прослеживается своего рода бухгалтерский подход – попытка оправдать расходы на здравоохранение, подсчитав их экономическую отдачу. Вообще в здравоохранении очень остро стоит вопрос о соотношении финансовой и гуманитарной составляющих [3].

Направление дискуссий по данной теме во многом определил доклад Мирового банка, вышедший в 1993 г., в котором была подчеркнута взаимосвязь между здоровьем человека, здравоохранительной политикой и экономическим развитием. В нем отстаивался трехсторонний подход к действиям государства по улучшению здоровья в странах с низким уровнем дохода, а именно: создание экономической среды, позволяющей домохозяйствам улучшать собственное здоровье; направление государственных средств на более рентабельные программы в интересах бедных слоев населения; поддержка разнообразия и конкуренции в предоставлении медицинских услуг [5].

Эмпирические исследования, проведенные экспертами ОЭСР, подтвердили существенную корреляцию между ожидаемой продолжительностью жизни и расходами на здравоохранение, которые стали важным фактором ее увеличения в странах-членах в последние десятилетия. В частности, рост расходов на здравоохранение на душу населения на 10% (в реальном выражении) связан с увеличением ожидаемой продолжительности жизни на 3,5 месяца [18].

Один их наиболее дискуссионных вопросов в этой области — влияние расходов на здравоохранение на экономический рост. В целом экономические исследования — как теоретические, так и эмпирические — свидетельствуют о том, что расходы на здравоохранение способствуют экономическому росту [12, 16]. Здоровье рассматривается как важная составная часть человеческого капитала, поэтому расходы на его обеспечение являются инвестициями и могут повышать уровень доходов населения и способствовать экономическому росту. В связи с этим необходимо формировать соответствующую политику в области здравоохранения как для обеспечения устойчивого роста, так и для сохранения здоровья населения в целом.

Однако хотя в сравнительных исследованиях выявляется положительная корреляция между здоровьем и экономическим ростом, механизмы, лежащие в ее основе, пока мало объяснены. Исследователи в этой связи отмечают следующие проблемы. Во-первых, оценка и понимание причинно-следственных связей между здоровьем и экономическим ростом является эмпирически сложной задачей. Во-вторых, взаимосвязь между здоровьем и экономическим ростом меняется в процессе экономического развития. В-третьих, различные аспекты здоровья (смертность и заболеваемость, здоровье детей и женщин, здоровье в пожилом возрасте) могут иметь разный экономический эффект [6].

Теоретически можно предположить, что причинно-следственная связь между здоровьем и доходом является двухсторонней. Более здоровые люди более продуктивны, дольше учатся в школе и, поскольку продолжительность их жизни

выше, у них больше стимулов к накоплению человеческого капитала. Более высокий уровень как личных, так и общественных доходов способствует улучшению состояния здоровья по различным каналам, включая возможность здорового питания и развития инфраструктуры здравоохранения. При этом возможно, что действуют и другие факторы, которые одновременно повышают доход и улучшают состояние здоровья, например качество жизни и общий уровень благосостояния в той или иной стране и человеческий капитал, и в значительной степени обеспечивают наблюдаемую корреляцию между здоровьем и доходом.

В последнее время все более важную роль в финансировании здравоохранения играет частный сектор. Обычно на эту проблему исследователи смотрят с точки зрения частных расходов на здравоохранение, которые включают оплату услуг гражданами из кармана и частное медицинское страхование. В 2019 г. они составили около 30% расходов на здравоохранение в странах ОЭСР. Но есть и другая сторона этого вопроса, когда речь идет не только о текущих расходах, но и о вложениях в инфраструктуру. В связи с ростом расходов остро стоит вопрос обеспечения инвестиций в развитие здравоохранения и роли частного сектора.

Можно выделить различные факторы, которые обеспечивают привлекательность частых вложений в здравоохранение. Прежде всего, здравоохранение является так называемым защитным сектором, потому что, как правило, обеспечивает стабильные доходы, которые не коррелируют с общим состоянием фондового рынка, т. е. гарантирует прибыль даже тогда, когда общий рынок слаб или нестабилен. Данные показывают, что сектор здравоохранения сохраняет устойчивость в периоды рыночной неопределенности.

Кроме того, сектор здравоохранения разнообразен, включает различные виды деятельности, например оказание медицинских услуг, производство лекарств, разработку новых технологий, страхование и т.д., каждая из которых имеет свою динамику и тенденции развития. Поэтому потери

в одной области могут быть уравновешены получением выгоды в других. Например, во время пандемии существенную выгоду получили разработчики вакцин и поставщики диагностических тестов.

Привлекательность инвестиций в здравоохранение также определяется его высоким инновационным потенциалом. Технологии, в том числе информационные, быстро развиваются, цифровизация набирает силу в здравоохранении. У инвесторов появляется возможность вкладывать в компании, которые постоянно внедряют инновации для улучшения качества жизни.

Здравоохранение является перспективной отраслью с точки зрения спроса. Основными факторами, влияющие на рост спроса на услуги в области охраны здоровья, стали старение населения и развитие персонализированной медицины. Пожилые люди чаще тратят деньги на здравоохранение, поскольку медицинская помощь необходима для поддержания их благополучия.

Одним из главных направлений развития здравоохранения стал переход от терапии и лечения к профилактической медицине. Развитие телемедицины и носимых устройств способствовало этому сдвигу: 30% всех посещений во время пандемии приходилось на телемедицину. По данным Rock Health, финансирование стартапов в области цифрового здравоохранения почти удвоилось – с 7,5 млрд долл. в 2019 г. до 14,1 млрд долл. в 2020 г.

Долгое время проводилось четкое различие между благотворительностью, т. е. пожертвованием финансовых ресурсов на социальные нужды, и инвестированием, целью которого была реализация чисто финансовых интересов. Однако в настоящее время набирает популярность такое явление, как импакт-инвестирование, термин, введенный Фондом Рокфеллера в 2007 г. Он относится к инвестициям, сделанным в компании, организации и фонды с намерением оказать измеримое, полезное социальное или экологическое воздействие наряду с получением финансовой отдачи. Это пока-

зывает, что инвестирование ради получения прибыли и для решения социальных задач не обязательно являются взаимоисключающими. Сосредоточив внимание на импакт-инвестировании, компании внедряют устойчивые модели, настраиваются на долгосрочную прибыльность. Согласно опросу, проведенному Global Impact Investing Network в 2020 г., 88% респондентов сообщили, что их импакт-инвестиции оправдали или превзошли их финансовые ожидания.

Вместе с тем одним из факторов, сдерживающим инвестиции в здравоохранение, является регуляторный риск, связанный с тем, что данная сфера находится в зоне особого внимания государства и всегда его участие в той или иной форме было больше. Примеры этого – требование клинических испытаний и регистрации лекарств, регулирование цен на медицинское обслуживание и параметров деятельности страховых компаний. Поэтому важную роль играет государственная политика в области поощрения частных инвестиций в здравоохранение. В табл. 1 представлены возможные меры финансовой и налоговой политики государства в рассматриваемой области.

Таблица 1. Меры, используемые для привлечения инвестиций в здравоохранение

Фискальные стимулы	Финансовые стимулы	Другие стимулы
Налоговые льготы и вычеты в таких областях, как: <ul style="list-style-type: none"> – производство медицинского оборудования, приборов и изделий; – строительство медицинской инфраструктуры; – оказание медицинских услуг; – обучение и подготовка кадров; – технологии для развития новых сегментов рынка медицинских услуг; – создание специальных экономических зон с фокусом на здравоохранение 	Гранты, государственные займы, развитие ГЧП для содействия: <ul style="list-style-type: none"> – НИОКР; – подготовке и обучению кадров; – внедрению технологий; – созданию совместных предприятий в области здравоохранения 	Ослабление ограничений на: <ul style="list-style-type: none"> – прямые иностранные инвестиции в строительство больниц и медицинское страхование; – возможность найма определенного числа местного персонала минуя местные трудовые нормы; – поддержка стрессовых активов как уже существующих проектов для обеспечения их использования и модернизации

Источник: [25].

В заключение хотелось бы отметить, что вызовы, стоящие перед современным здравоохранением, являются сложными и комплексными. Они в той или иной степени затрагивают все страны и все аспекты жизни общества и поэтому, на наш взгляд, требуют активизации усилий на трех уровнях. Во-первых, необходимо развивать международное сотрудничество, включая обмен передовым опытом между странами и оказание помощи в кризисных ситуациях. Во-вторых, за состояние здоровья населения и реализацию здравоохранительной политики государства должно отвечать не только профильное министерство, но и правительство в целом на основе обеспечения действующего межведомственного взаимодействия. В-третьих, важными моментами являются объединение усилий всех заинтересованных сторон, прежде всего, государства и населения, их активная позиция в отношении охраны здоровья, включая использование резервов сотрудничества государства и частного сектора.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Гареева И.А.* Теоретические и методические основы исследования системы здравоохранения // *Власть и управление на Востоке России*. 2009. №4 (49). С. 133–139.
2. *Чубарова Т.В.* Эффективное здравоохранение как условие воспроизводства человеческого потенциала: современные вызовы для социальной политики // *Экономическая безопасность*. 2021. Т. 4. № 3. С. 607–628. DOI: 10.18334/ecsec.4.3.112706.
3. *Чубарова Т.В.* Универсализм и/или адресность в социальной политике (на примере здравоохранения) // *Вопросы теоретической экономики*. 2022. №4 (17). С. 77–92. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2022_4_77_92.
4. *Barasa E., Mbatia R., Gilson L.* What Is Resilience and How Can It Be Nurtured? A Systematic Review of Empirical Literature on Organizational Resilience // *International Journal of Health Policy and Management*. 2018. Vol. 7. Issue 6. Pp. 491–503. DOI: 10.15171/IJHPM.2018.06.
5. *Berkley S., Bobadilla J.L., Hecht R.M., Hill K., Jamison D.T., Murray C.J.L., Musgrove P.A., Saxenian H., Tan J.-P.* World development report 1993:

- investing in health. Washington, D.C.: World Bank Group. <http://documents.worldbank.org/curated/en/468831468340807129/World-development-report-1993-investing-in-health>
6. Bloom D.E., Kubn M., Prettner K. Health and Economic Growth. IZA DP. No. 11939. November, 2018.
 7. Clarkson J., Dean J., Ward J., Komashie A., Bashford T. A systems approach to healthcare: from thinking to practice // *Future Healthcare Journal*. 2018. Vol. 5(3). Pp. 151–155. <https://doi.org/10.7861/futurehosp.5-3-151>
 8. Forsgren L., Tediosi F., Blanchet K. et al. Health systems resilience in practice: a scoping review to identify strategies for building resilience // *BMC Health Services Research*. 2022. Vol. 22. P. 1173. <https://doi.org/10.1186/s12913-022-08544-8>
 9. Groden P., Capellini A., Levine E. et al. The success of behavioral economics in improving patient retention within an intensive primary care practice // *BMC Fam Pract*. 2021. Vol. 22. P. 253. <https://doi.org/10.1186/s12875-021-01593-8>
 10. Haldane V., De Foo C., Abdalla S.M. et al. Health systems resilience in managing the COVID-19 pandemic: lessons from 28 countries // *Natural Medicine*. 2021. Vol. 27. Pp. 964–980. <https://doi.org/10.1038/s41591-021-01381-y>
 11. Hallek M., Ockenfels A., Wiesen D. Behavioral Economics Interventions to Improve Medical Decision-Making// *Dtsch Arztebl Int*. 2022. Vol. 119(38). Pp. 633–639. DOI: 10.3238/arztebl.m2022.0275.
 12. Health systems, health, wealth and societal well-being: Assessing the case for investing in health systems. Ed. by Figueras J., McKee M. Berkshire. European Observatory on Health Systems and Policies. England: Open University Press, 2012.
 13. Koplan J.P., Bond T.C., Merson M.H. et al. Towards a common definition of global health // *Lancet*. 2009. Vol. 373. Issue. 9679. Pp. 1993–1995. DOI: 10.1016/S0140-6736(09)60332-9.
 14. Kutzin J., Sparkes S.P. Health systems strengthening, universal health coverage, health security and resilience // *Bulletin of World Health Organisation*. 2016. Vol. 94(1). P. 2. DOI:10.2471/BLT.15.165050.
 15. Liebman J.B., Zeckhauser R.J. Simple Humans, Complex Insurance, Subtle Subsidies. NBER Working Paper No. w14330, 2008.

DOI: 10.3386/w14330 Available at SSRN: <https://ssrn.com/abstract=1267561>

16. *Masters R., Anwar E., Collins B. et al.* Return on investment of public health interventions: a systematic review // *J Epidemiol Community Health.* 2017.71. Pp. 827–883.
17. *Musbkin S.J.* Health as an Investment // *Journal of Political Economy.* 1962. Vol. 70.No. 5. Part 2: Investment in Human Beings. Pp. 129–157.
18. OECD. *Health at a Glance 2017: OECD Indicators.* OECD Publishing, Paris. http://dx.doi.org/10.1787/health_glance-2017-en
19. OECD. *Ready for the Next Crisis? Investing in Health System Resilience,* OECD Health Policy Studies. OECD Publishing, Paris. 2023. <https://doi.org/10.1787/1e53cf80-en>.
20. *Raguin G., Girard P.M.* Toward a global health approach: lessons from the HIV and Ebola epidemics // *Global Health.* 2018. Vol. 14(1). Pp.1–4.
21. *Rice T.* The behavioral economics of health and health care // *Annual Revue of Public Health.* 2013. Vol. 34. Pp. 431–447. DOI: 10.1146/annurev-publhealth-031912-114353.
22. *Smith R.D., MacKellar L.* Global public goods and the global health agenda: problems, priorities and potential // *Global Health.* 2007. Vol. 3. P. 9. <https://doi.org/10.1186/1744-8603-3-9>
23. *Thomas S., Sagan A., Larkin J., Cylus J., Figueras J., Karanikolos M.* Strengthening health systems resilience: Key concepts and strategies. Health Systems and Policy Analysis Policy Brief.No.36. Copenhagen, Denmark: European Observatory on Health Systems and Policies, 2020. <https://apps.who.int/iris/handle/10665/332441> (Дата обращения: 10.06. 2023).
24. UN. *Recovering from COVID-19: the importance of investing in global public goods for health policy brief # 83.* July 2020. United Nations Department of Economic and Social Affairs. https://www.un.org/development/desa/dspd/wpcontent/uploads/sites/22/2020/07/PB_83.pdf
25. UNCTAD. *Promoting investment in health post-pandemic: a global trend.* IPA Observer, July 2021, issue 1.1
26. *Wang Z., Yuqi Duan, Yinzi Jin, Zhi-jie Zheng.* Coronavirus disease 2019 (COVID-19) pandemic: how countries should build more resilient health systems for preparedness and response // *Global Health Journal.* 2020. Vol. 4. Issue 4. Pp. 139–145.

27. WHO. The world health report 2000. Health systems: Improving performance. Geneva, Switzerland: WHO, 2000.
28. WHO. Everybody's Business: Strengthening health systems to improve health outcomes. WHO's Framework for action. Geneva, Switzerland: WHO, 2007.
29. WHO. Health in All Policies Seizing Opportunities, Implementing Policies / Ed. by K. Leppo, E. Ollila, S. Peñ a, M. Wismar, S. Cook. 2013. Available online: https://www.euro.who.int/__data/assets/pdf_file/0007/188809/Health-in-All-Policies-final.pdf
30. WHO. Health systems resilience toolkit: a WHO global public health good to support building and strengthening of sustainable health systems resilience in countries with various contexts. Geneva: World Health Organization, 2022.

О.А. Кислицына

д.э.н., главный научный сотрудник,
ИЭ РАН

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ НЕРАВЕНСТВО В ИСПОЛЬЗОВАНИИ МЕДИЦИНСКИХ УСЛУГ В РОССИИ: ВЫВОДЫ ДЛЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ

Доступность медицинских услуг рассматривается как важнейшее условие воспроизводства человеческого потенциала. Неравный же доступ связан с неравенством в отношении здоровья, что подразумевает различия в его состоянии или в распределении ресурсов для его охраны между различными группами населения, которые определяются в том числе социально-экономическими условиями жизни граждан, на которые можно повлиять с помощью мер государственной политики. В работе на основе российских данных исследовано социально-экономическое неравенство в использовании услуг здравоохранения. Результаты показали, что для его уменьшения необходимы мероприятия, направленные на устранение основных причин социального неравенства, многие из которых выходят за рамки возможностей сектора здравоохранения и требуют межсекторного сотрудничества различных министерств и ведомств.

Ключевые слова: человеческий потенциал, доступность медицинских услуг, социально-экономические факторы здоровья, социально-экономическое неравенство, государственная политика.

Обеспечение доступности медицинских услуг является важнейшей задачей системы здравоохранения. Отсутствие возможности их получения приводит к задержке или отказу от использования медицинской помощи и влечет за собой множество негативных последствий, начиная от прямых денежных издержек, связанных с дорогостоящими медицинскими вмешательствами, и заканчивая потенциальной утратой здоровья, ухудшением качества жизни и даже летальным исходом. Неодинаковый доступ к услугам здравоохранения является одним из факторов, объясняющих неравенство в состоянии здоровья [30]. Равное использование медицинских услуг имеет важное значение для улучшения здоро-

вья населения. Исследования свидетельствуют о существовании неравенства в использовании медицинских услуг не только в развивающихся странах Азии, Африки и Латинской Америки, в Китае и Индии [8, 17, 31], но и в развитых странах Западной и Восточной Европы, несмотря на всеобщий охват услугами здравоохранения [6, 27, 29].

Они показывают, что неравенство является многоаспектным феноменом, причем важную роль играют социально-экономические факторы. Люди, относящиеся к разным социально-экономическим группам, могут иметь разные уровни или модели обращения за медицинской помощью. Международные исследования, проведенные в странах с высоким уровнем дохода, показывают, что помощь врачей общей практики распределяется поровну или в пользу бедных, в то время как специализированной амбулаторной помощью, как правило, чаще пользуются богатые [27]. В странах с низким и средним уровнем дохода обращение к врачам общей практики и специализированной амбулаторной помощи в целом, как правило, ниже среди малообеспеченных граждан [12, 17].

Социально-экономическое неравенство в использовании услуг здравоохранения практически не изучалось. Особенно это касается России. Настоящее исследование направлено на восполнение этого пробела.

Его информационная основа – Комплексное наблюдение условий жизни населения (КОУЖ), проведенное Росстатом в 2018 г., в ходе которого собраны сведения о более чем 130 тыс. респондентов в возрасте 15 лет и старше, из которых для дальнейшего анализа отобраны лица в возрасте 18–80 лет (всего 100 607 чел.) [1].

Использование медицинских услуг (зависимая переменная) определялось как посещение амбулаторных организаций и обращение за консультативной помощью к медицинским работникам без посещения медицинских организаций за предшествующие опросу 12 месяцев.

В качестве индикаторов социально-экономического статуса использовались: уровень образования (среднее общее

или ниже, начальное или среднее профессиональное, высшее); месячный душевой денежный доход домохозяйства, в котором проживает респондент (Q1 (нижний квартиль, отделяющий $\frac{1}{4}$ часть совокупности с наименьшими значениями месячного душевого денежного дохода), Q2, Q3, Q4 (высший квартиль, отсекающий $\frac{1}{4}$ часть с наибольшими значениями признака)).

В качестве контрольных переменных – пол (мужчина или женщина); возраст (18–29, 30–39, 40–49, 50–59, 60+ лет); фактор потребности – самооценка состояния здоровья, измеренная по пятибалльной шкале (1 – очень плохое здоровье, 5 – очень хорошее здоровье) и преобразованная в двоичную переменную (неплохое здоровье – оценки 5, 4, 3, и плохое здоровье – оценки 1, 2).

Статистический анализ проведен с помощью многомерных моделей логистической регрессии пакета SPSS. Сначала было исследовано независимое влияние каждого показателя социального статуса после взаимной корректировки. Благодаря этому подходу стало возможным выяснить, в какой степени каждый показатель сам по себе объясняет неравенство в использовании медицинских услуг, вне зависимости от других неблагоприятных социально-экономических условий, обусловленных другими параметрами социального статуса. Результаты представлены в виде коэффициентов шансов (OR) логистической регрессии с 95%-ми доверительными интервалами с поправкой на потребность (самооценка состояния здоровья), возраст и пол (модель 1).

Затем в модель были добавлены другие факторы, способные оказать влияние на связь между использованием медицинских услуг и социальным статусом (модель 2). Они включали: место жительства (город/село); семейное положение (состоящий в браке (зарегистрированном/незарегистрированном) или одинокий (никогда не состоявший в браке/вдовый/разведенный)); статус занятости (работает/не работает); наличие в домохозяйстве автомобиля (есть/нет); характеристики индивидуального социального капитала. Для оценки последнего респондентам были заданы три

вопроса: «есть ли человек, с кем можно обсудить вопросы личного характера?», «есть ли человек, не являющийся членом домохозяйства, которого можно просить о помощи?», «встречаются ли респонденты с друзьями, родственниками или коллегами хотя бы раз в неделю?» Ответившие отрицательно рассматривались как имеющие низкий социальный капитал. Дополнительно исследованы факторы личной заботы о здоровье, представляющие образ жизни, оказывающий влияние на состояние здоровья и будущую потребность в медицинском обслуживании – потребление алкоголя и курение. В соответствии с ответом на вопрос о потреблении табачных изделий все респонденты были разделены на пять групп: некурящие и никогда не курившие; курившие, но бросившие; курящие изредка; курящие менее пачки в день; курящие пачку и более в день. Информация о потреблении алкоголя получена на основе ответов на четыре вопроса, касающихся как в целом потребления алкоголя, так и отдельных его видов (крепких спиртных напитков, вина, пива). В соответствии с потреблением алкоголя респонденты были разделены на 2 группы: неупотребляющие/употребляющие только по праздникам и употребляющие.

Установлено, что в целом чуть менее половины участников (46,6%) пользовались медицинскими услугами за последний год, предшествующий опросу. Лица, имеющие высокий социальный статус, с большей вероятностью используют медицинские услуги (табл. 1, модель 1). Так, вероятность использования услуг здравоохранения более чем на 25% выше для участников со средним и высшим уровнем образования по сравнению с низкообразованными (OR=1,30, CI: 1,301–1,304 для высшего и OR=1,26, CI: 1,258–1,260 для среднего образования). При этом можно говорить о существовании ступенчатой градиентной связи между обращением за медицинскими услугами и образованием. Связь использования медицинской помощи с уровнем доходов немного меньше, чем с образованием (например, вероятность использования медицинских услуг среди участников обследо-

Таблица 1. Детерминанты использования медицинской помощи (коэффициенты шансов (OR) логистической регрессии с 95%-ными доверительными интервалами (CI))

Факторы	Модель 1		Модель 2	
	OR	CI	OR	CI
Пол (женщины vs мужчины)	2,11	(2,104–2,107)*	2,14	(2,140–2,144)*
Возраст				
30–39 vs 18–29	1,02	(1,014–1,017)*	1,02	(1,015–1,018)*
40–49 vs 18–29	1,23	(1,226–1,230)*	1,24	(1,236–1,239)*
50–59 vs 18–29	1,78	(1,773–1,778)*	1,77	(1,770–1,775)*
60 лет и старше vs 18–29	2,98	(2,974–2,982)	2,82	(2,814–2,823)*
Здоровье (плохое vs неплохое)	4,11	(4,098–4,113)*	3,97	(3,965–3,980)*
Образование				
начальное или среднее профессиональное vs среднее общее или ниже	1,26	(1,258–1,260)*	1,25	(1,251–1,254)*
высшее vs среднее общее или ниже	1,30	(1,301–1,304)*	1,28	(1,277–1,280)*
Душевой доход				
Q2 vs Q1	1,09	(1,084–1,087)*	1,06	(1,055–1,057)*
Q3 vs Q1	1,09	(1,086–1,089)*	1,04	(1,040–1,043)*
Q4 vs Q1	1,11	(1,110–1,113)*	1,06	(1,059–1,062)*
Место жительства (село vs город)			0,85	(0,851–0,852)*
Занятость (не работает vs работает)			1,12	(1,119–1,122)*
Наличие автомобиля (есть vs нет)			1,05	(1,044–1,046)*
Семейное положение (в браке vs одинокие)			1,06	(1,059–1,061)*
Возможность обсудить вопросы (нет vs есть)			1,02	(1,015–1,019)*
Возможность обратиться за помощью (нет vs есть)			0,91	(0,910–0,913)*
Встречи с родственниками хотя бы раз в неделю (нет vs да)			1,02	(1,018–1,020)*
Курение				
курил, но бросил vs не курит и не курил			1,31	(1,304–1,308)*
курит изредка vs не курит и не курил			0,95	(0,949–0,953)*
курит менее пачки в день vs не курит и не курил			1,02	(1,015–1,018)*
курит пачку и более в день vs не курит и не курил			1,00	(1,001–1,008)**
Потребление алкоголя (употребляют vs совсем не употребляют/по праздникам)			0,95	(0,946–0,948)*

Примечание: модель 1 включает пол, возраст, здоровье, образование, душевой доход; модель 2 – полная, включает все переменные. Значимость * – $P < 0,001$; ** – $P < 0,05$.

Источник: расчеты автора.

вания с высоким доходом (Q4) на 11% выше по сравнению с относящимися к низкодоходной группе (Q1) OR=1,11, CI: 1,110–1,113).

Результаты проведенной работы во многом согласуются с данными, полученными другими исследователями. Например, сравнительное исследование в странах Западной Европы показало, что по сравнению с группами с более высокими доходами группы с низким доходом посещали специалиста меньше [26]. Исследование в Нидерландах установило, что люди с более высоким уровнем образования чаще обращаются к специалисту, стоматологу или физиотерапевту, а также чаще попадают в больницу [3]. Недавний обзор, включающий 57 исследований связи между использованием медицинских услуг и социально-экономическим статусом, проведенных с 2004 г., показал, что вероятность обращения за первичной медико-санитарной помощью часто не зависела от социально-экономического статуса. Группы с самым высоким социально-экономическим статусом часто имели более высокую вероятность посещения специалистов [16].

Исследователи говорят о «парадоксе общественного здравоохранения», связанного с более частым использованием медицинской помощи людьми с высоким социальным статусом, в то время как потребность в медицинской помощи выше среди представителей групп с низким социальным статусом [11], и увязывают его с теорией фундаментальной причины, согласно которой высокий социальный статус сопряжен со множеством ресурсов (деньги, знания, престиж, власть, социальные связи) [21]. Эти ресурсы могут по-разному использоваться в отношении обращения за медицинской помощью [11]. «Деньги» можно использовать для оплаты частных медицинских услуг. «Власть» может быть использована для того, чтобы получить привилегированный доступ к специалистам в области здравоохранения. «Знания» о симптомах, болезнях, правах пациентов и самой системе здравоохранения позволяют маневрировать в системе и облегчают доступ к специалистам [25]. «Престиж», который можно определить как положе-

ние, которое индивидуум занимает в глазах других, облегчает доступ к медицинской помощи, например, в форме других ресурсов, таких как деньги, власть, выгодные социальные связи [15]. «Социальные связи» полезны благодаря социальной поддержке, которую они оказывают людям: наличие семьи, друзей, коллег или даже медицинского персонала, к которому можно обратиться за помощью и советом, помогает справиться с ситуацией и ориентироваться в системе здравоохранения.

Добавление в модель (табл. 1, модель 2) других факторов, которые могли бы повлиять на связь между использованием медицинских услуг и социальным статусом, практически не оказало на нее воздействия.

Исследование позволило выявить другие факторы, помимо социального статуса, детерминирующие использованием медицинских услуг.

Фактор потребности (самооценка здоровья) является одним из самых сильных предикторов обращения за медицинской помощью. Вероятность использования услуг здравоохранения почти в 4 раза выше для респондентов с плохим состоянием здоровья по сравнению с теми, у кого неплохое здоровье ($OR=3,97$, $CI: 3,965-3,980$), что вполне ожидаемо и подтверждает результаты многих других исследований [2, 14, 24, 31].

Далее по своей важности следовали пол – вероятность воспользоваться услугами здравоохранения в 2 раза выше для респондентов женского пола по сравнению с мужчинами ($OR=2,14$, $CI: 2,140-2,144$); возраст – пожилые в возрасте 60+ в 3 раза чаще по сравнению с молодыми (18–29 лет) обращаются за медицинской помощью ($OR=2,82$ $CI: 2,814-2,823$). Эти результаты соответствуют полученным другими авторами [7, 14, 19, 22]. Исследователи объясняют гендерные различия в использовании услуг здравоохранения репродуктивной биологией, большей заболеваемостью женщин, гендерными различиями в восприятии и отношении к здоровью [18]. Возрастные различия в использовании медицинских услуг очевидны, так как с возрастом у людей возникают различные функциональные ограничения и, как следствие, потребность в медицинской помощи.

Среди факторов личной заботы о здоровье, представляющих образ жизни, оказывающий влияние на состояние здоровья и будущую потребность в медицинском обслуживании, наиболее важным оказалось курение. Вероятность использования медицинской помощи на 30% выше для участников обследования, которые курили в прошлом, но бросили к этому моменту по сравнению с теми, кто не курит и не курил ($OR=1,31$, $CI: 1,304-1,308$), что соответствует другим исследованиям [13]. Связь между здоровым образом жизни и более частым обращением за медицинской помощью, по предположениям исследователей, объясняется тем, что постоянные пользователи медицинских услуг более осведомлены о рисках, связанных с поведением, оказывающим влияние на состояние здоровья [28].

Незанятость в экономике на 12% повышает вероятность использования медицинских услуг ($OR=1,12$, $CI: 1,119-1,122$), что согласуется с предыдущими исследованиями [9, 10, 23] и, возможно, связано с временными ограничениями, с которыми сталкиваются работающие (особенно сверхурочно) [23].

Препятствуют использованию услуг здравоохранения проживание в сельской местности ($OR=0,85$, $CI: 0,851-0,852$), что отражает географические или социокультурные барьеры для доступа к медицинской помощи, нехватку времени, нехватку поставщиков услуг или отсутствие транспорта [20]; неимение кого-то, к кому можно обратиться за помощью ($OR=0,91$, $CI: 0,910-0,913$), что обусловлено отсутствием сети поддержки, которая положительно связана с тем, что человек имеет возможность получить финансовую, транспортную помощь для доступа к медицинским услугам [5] и, в небольшой степени, потребление алкоголя ($OR=0,95$, $CI: 0,946-0,948$), что, вероятно, объясняется общим пренебрежительным отношением к своему здоровью.

Другие факторы, способствующие использованию медицинских услуг, но в небольшой степени, включают наличие семейного партнера ($OR=1,06$, $CI: 1,059-1,061$) и автомобиля ($OR=1,05$, $CI: 1,044-1,046$).

Таким образом, проведенное исследование представило доказательства существования социально-экономического неравенства в российской системе здравоохранения. Кроме того, выявлены конкретные группы населения, которые могут быть подвержены менее частому взаимодействию со службами здравоохранения (например, проживающие в сельской местности, мужчины).

Для уменьшения социально-экономического неравенства в использовании услуг здравоохранения необходимы мероприятия, направленные на устранение его основных причин. Многие из них выходят за рамки возможностей сектора здравоохранения и требуют межсекторного сотрудничества министерств и ведомств [4]. Необходимо:

- сокращение уровня бедности и более справедливое распределение доходов за счет прогрессивного налогообложения.
- обеспечение широкой доступности высококачественного образования, которое является важным источником знаний, работы, дохода и социальной интеграции.
- обеспечение занятости для всех, кто хочет работать; безопасной физической и психосоциальной рабочей среды; а также достаточной социальной и финансовой защиты на рынке труда.
- содействие здоровьесберегающему поведению во всех социальных группах за счет усиления политики в отношении табака и алкоголя с помощью мер, нацеленных на цену и доступность; предоставление ежедневного бесплатного здорового питания всем школьникам; введение компромиссного налогообложения фруктов и овощей по сравнению с сахаром, солью и жирами; ограничение рекламы нездоровой пищи.
- обеспечение всеобщего доступа к услугам здравоохранения и медицинскому уходу независимо от доходов, образования, места проживания, что требует увеличения государственного финансирования здравоохранения и повышения его эффективности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Комплексное наблюдение условий жизни населения 2018. Росстат. https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/KOUZ18/index.html (дата доступа: 01.03.2023).
2. Черкашина Т.Ю. Дифференциация населения России по потреблению медицинских услуг: масштабы и факторы // SPERO. 2012. № 17. С. 121–136.
3. *Alberts J.F., Sanderman R., Eimers J.M., van den Heuvel W.J.* Socioeconomic inequity in health care: a study of services utilization in Curaçao // *Social Science & Medicine*. 1997. Vol. 45. No. 2. Pp. 213–220. DOI: 10.1016/s0277-9536(96)00338-3
4. *Arntzen A., Bøe T., Dahl E. et al.* 29 recommendations to combat social inequalities in health. The Norwegian Council on Social Inequalities in Health // *Scandinavian Journal of Public Health*. 2019. Vol. 47. No. 6. Pp. 598–605. <https://doi.org/10.1177/1403494819851364>
5. *Ayé M., Champagne F., Contandriopoulos A.-P.* Economic role of solidarity and social capital in accessing modern health care services in the Ivory Coast // *Social Science & Medicine*. 2002. Vol. 55. No. 11. Pp. 1929–1946. [https://doi.org/10.1016/S0277-9536\(01\)00322-7](https://doi.org/10.1016/S0277-9536(01)00322-7)
6. *Balabanova D., McKee M., Pomerleau J. et al.* Health service utilization in the former Soviet Union: evidence from eight countries // *Health Services Research*. 2004. Vol. 39. Pp. 1927–1950. DOI:10.1111/j.1475-6773.2004.00326.
7. *Bazie G.W., Adimassie M.T.* Modern health services utilization and associated factors in North East Ethiopia // *PLoS One*. 2017. Vol. 12. P. e0185381. DOI: 10.1371/journal.pone.0185381
8. *Brinda E.M., Attermann J., Gerdtham U.G. et al.* Socio-economic inequalities in health and health service use among older adults in India: results from the WHO Study on Global AGEing and adult health survey // *Public Health*. 2016. Vol. 141. Pp. 32–41. DOI:10.1016/j.puhe.2016.08.005.
9. *D’Arcy C., Siddique C.M.* Unemployment and health: an analysis of “Canada Health Survey” data // *International Journal of Health Services*. 1985. Vol. 15. Pp. 609–635.
10. *Dragun A., Russo A., Rumboldt M.* Socioeconomic stress and drug consumption: unemployment as an adverse health factor in Croatia // *Croat Med J*. 2006. Vol. 47. Pp. 685–692.

11. *Fjær E.L., Balaj M., Stornes P., Todd A., McNamara C.L., Eikemo T.A.* Exploring the differences in general practitioner and health care specialist utilization according to education, occupation, income and social networks across Europe: findings from the European social survey (2014) special module on the social determinants of health // *European Journal of Public Health*. 2017. Vol. 27(1). Pp. 73–81. DOI: 10.1093/eurpub/ckw255.
12. *Jancovic J., Simic S., Marinkovic J.* Inequalities that hurt: demographic, socio-economic and health status inequalities in the utilization of health services in Serbia // *European Journal of Public Health*. 2010. Vol. 20. Pp. 389–396. 10.1093/eurpub/ckp189
13. *Kabende J.W., Adhikari B., Maurice E., Rock V., Malarcher A.* Disparities in health care utilization by smoking status--NHANES 1999–2004 // *International Journal of Environmental Research and Public Health*. 2009. Mar. Vol. 6 (3). Pp. 1095–1106. DOI: 10.3390/ijerph6031095.
14. *Kim K., Casado B.L.* Preventive Health Services Utilization Among Korean Americans // *Soc Work Public Health*. 2016. Vol. 31. Pp. 431–438. DOI: 10.1080/19371918.2015.1137508
15. *Link B.G., Phelan J.* Social conditions as fundamental causes of disease // *Journal of Health and Social Behavior*. 1995. Vol. 35. Pp. 80–94.
16. *Lueckmann S.L., Hoebel J., Roick J., Markert J., Spallek J., von dem Knesebeck O., Richter M.* Socioeconomic inequalities in primary-care and specialist physician visits: a systematic review // *International Journal for Equity in Health*. 2021. Vol. 20(1). P. 58. DOI: 10.1186/s12939-020-01375-1
17. *Makinen M., Waters H., Rauch M., Almagambetova N. et al.* Inequalities in health care use and expenditures: empirical data from eight developing countries and countries in transition // *Bull World Health Organ*. 2000. Vol. 78 (1). Pp. 55–65.
18. *Manuel J.I.* Racial/Ethnic and Gender Disparities in Health Care Use and Access // *Health Serv Res*. 2018. Vol. 53. Pp. 1407–1429. DOI: 10.1111/1475-6773.12705
19. *Nouraei M. S., Sabermahani A., Hadian M. et al.* Factors Affecting Health Care Utilization in Tehran // *Global Journal of Health Science*. 2015. Vol. 7(6). Pp. 240–249. <https://doi.org/10.5539/gjhs.v7n6p240>

20. Nuako A., Liu J., Pham G., Smock N., James A., Baker T. et al. Quantifying rural disparity in healthcare utilization in the United States: Analysis of a large midwestern healthcare system // *PLoS One*. 2022. Vol. 17(2). e0263718. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0263718>
21. Phelan J.C., Link B.G., Diez-Roux A., Kawachi I., Levin B. «Fundamental causes» of social inequalities in mortality: a test of the theory // *Journal of Health and Social Behavior*. 2004. Vol. 45(3). Pp. 265–285. DOI: 10.1177/002214650404500303
22. Ranjbar Ezzatabadi M., Khosravi A., Babrami M.A., Rafiei S. Socio-economic inequalities in health services utilization: a cross-sectional study // *International Journal of Health Care Quality Assurance*. 2018. Vol. 31(1). Pp. 69–75. DOI: 10.1108/ijhcqa-04-2017-0059. PMID: 29504844.
23. Schofield D. The impact of employment and hours of work on health status and health service use. Discussion Paper No. 11. National Centre for Social and Economic Modelling. University of Canberra. Australia, 1996.
24. Sozmen K., Unal B. Explaining inequalities in Health Care Utilization among Turkish adults: Findings from Health Survey 2008 // *Health Policy*. 2016. Vol. 120. Pp. 100–110. DOI: 10.1016/j.healthpol.2015.10.003.
25. Stirbu I., Kunst A.E., Mielck A., Mackenbach J.P. Inequalities in utilisation of general practitioner and specialist services in 9 European countries // *BMC Health Serv Res*. 2011. Vol. 11. P. 288. DOI: 10.1186/1472-6963-11-288.
26. Van Doorslaer E., Wagstaff A., van der Burg H., et al. Equity in the delivery of health care in Europe and the US // *Journal of Health Economics*. 2000. Vol. 19. Pp. 553–583.
27. Van Doorslaer E., Masseria C., Koolman X. Inequalities in access to medical care by income in developed countries // *CMAJ*. 2006. Vol. 174. Pp. 177–183. 10.1503/cmaj.050584.
28. Vikum E., Krokstad S., Westin S. Socioeconomic inequalities in health care utilisation in Norway: the population-based HUNT3 survey // *International Journal for Equity in Health*. 2012. Vol. 11. P. 48. DOI: 10.1186/1475-9276-11-48.
29. Walters S., Subrckce M. Socioeconomic inequalities in health and health care access in central and eastern Europe and the CIS: a review of the recent literature: WHO European Office for Investment for Health and Development, 2005.

30. *Whitehead M.* The concepts and principles of equity and health // *International Journal of Health Services*. 1992. Vol. 22(3). Pp. 429–445. DOI: 10.2190/986L-LHQ6-2VTE-YRRN. PMID: 1644507.
 31. *Zhang X., Wu Q., Shao Y., Fu W., Liu G., Coyte P.C.* Socioeconomic Inequities in Health Care Utilization in China // *Asia Pacific Journal of Public Health*. 2015. Vol. 27(4). Pp. 429–438. DOI:10.1177/1010539514565446.
-

Т.А. Бараненкова

к.э.н., старший научный сотрудник,
ИЭ РАН

ТЕНДЕНЦИИ ИЗМЕНЕНИЯ ОЖИДАЕМОЙ ПРОДОЛЖИТЕЛЬНОСТИ ЖИЗНИ РОССИЙСКОГО НАСЕЛЕНИЯ В УСЛОВИЯХ НОВЫХ ВЫЗОВОВ

В статье на основе статистического материала рассматриваются потери человеческого потенциала в связи с высокой смертностью, особенно мужчин трудоспособного возраста из-за заболеваемости, прежде всего, системы кровообращения, органов дыхания, новообразований, травм, отравления и др. Особый акцент делается на вопросах дальнейшего улучшения экологической обстановки в стране, снижения потребления алкоголя, отказа от курения. Анализируется действие факторов увеличения продолжительности жизни в условиях новых вызовов и выдвигаются некоторые предложения по их активизации.

Ключевые слова: заболеваемость, смертность, продолжительность жизни, социально-экономическая политика.

Ожидаемая продолжительность жизни является наиболее адекватной обобщающей характеристикой современного уровня смертности во всех возрастах. Начиная со второй половины нулевых годов в нашей стране сформировались устойчивые позитивные тренды как продолжительности жизни населения, так и сокращения смертности, которые наблюдались до 2020 г. (табл. 1).

Таблица 1. Динамика ожидаемой продолжительности жизни и смертности российского населения в период 2000–2021 гг.

Показатели	2000	2010	2018	2019	2020	2021
Ожидаемая продолжительность жизни при рождении (число лет)	65,34	68,94	72,91	73,34	71,54	70,06
Общий коэффициент смертности населения (число умерших на 1000 чел. населения)	15,3	14,2	12,5	12,3	14,6	16,7

Источники: Регионы России: социально-экономические показатели. 2022. М.: Росстат, 2022. С. 67, 79; Россия в цифрах, 2014. Краткий стат. сб. М.: Росстат, 2014. С. 95.

Если в 2019 г. смертность населения России составляла 1798307 чел., то в 2020 г. — 2338586, а в 2021 г. — 2441594 чел.¹ Возросшая в 2020–2021 гг. смертность населения была связана в основном с болезнями системы кровообращения, органов дыхания, пищеварения, злокачественными новообразованиями, некоторыми инфекционными и паразитарными болезнями, что обусловлено в значительной мере факторами среды обитания: загрязнением воздуха, воды, почв (табл. 2).

Данные федерального информационного фонда социально-гигиенического мониторинга и ведомственной статистики за 2021 г. свидетельствуют, что в целом по стране загрязнение атмосферного воздуха, питьевых вод, почв городских и сельских поселений, качество пищевой продукции, не соответствующие гигиеническим нормативам, формируют порядка 23,3 тыс. дополнительных смертей и около 4,4 млн дополнительных заболеваний детского и взрослого населения.

В общем количестве предотвращенных в 2021 г. действиями Роспотребнадзора смертей доля смертности взрослого населения пенсионного возраста составила 63,9%, трудоспособного возраста — 33,8%.

В структуре предотвращенных смертей взрослого населения трудоспособного возраста преобладала смертность по причине болезней органов пищеварения (43,7%), инфекционных и паразитарных болезней (34,7%), болезней системы кровообращения (13%), органов дыхания (4,3%), а также злокачественных новообразований (4,3%). Эти заболевания ассоциированы с загрязнением питьевой воды, почв, атмосферного воздуха, а также с воздействием электромагнитного загрязнения, вибрации и шума, превышающих гигиенические нормативы.

Основную долю дополнительных случаев смерти, связанных с вредным воздействием атмосферного воздуха, составляла смертность населения от злокачественных новообразований

1. Российский статистический ежегодник. 2022. М.: Росстат, 2022. С. 105.

Таблица 2. Результаты количественной оценки случаев смерти и заболеваний, достоверно ассоциированных с качеством среды обитания населения России

Факторы среды обитания	Ассоциированные с фактором основные показатели здоровья	Число дополнительных случаев в 2021 г.
Загрязнение атмосферного воздуха химическими компонентами (азота оксид, азота диоксида, формальдегид, хлор, аммиак, тяжелые металлы, в том числе свинец и др.)	Смертность по причине болезней органов дыхания, пищеварения, системы кровообращения, злокачественных новообразований	6685
	Заблеваемость органов дыхания, костно-мышечной системы, нервной системы и др.	1093647
Загрязнение питьевых вод химическими компонентами и микробиологическими агентами	Смертность от некоторых инфекционных и паразитарных болезней, болезней органов пищеварения, системы кровообращения, злокачественных новообразований	11045
	Заблеваемость костно-мышечной системы, болезни кожи и подкожной клетчатки, крови и др.	1541796
Загрязнение почв тяжелыми металлами, микробиологическими и паразитарными агентами	Смертность от некоторых инфекционных и паразитарных болезней, злокачественных новообразований	1752
	Заблеваемость в классах: врожденные аномалии и пороки развития, некоторые инфекционные и паразитарные болезни, новообразования и др.	260826
Физические факторы (шум, электромагнитное излучение, вибрация) – превышение гигиенических нормативов	Смертность от болезней системы кровообращения, злокачественных новообразований	3857
	Заблеваемость системы кровообращения, нервной системы и др.	31093
Загрязнение пищевой продукции химическими компонентами, микробиологическое и паразитологическое загрязнение	Заблеваемость в классах: болезни мочеполовой системы, системы кровообращения, некоторые инфекционные и паразитарные болезни	1427773

Источник: Государственный доклад «О состоянии санитарно-эпидемиологического благополучия населения в Российской Федерации в 2021 году». 2022. С. 124, 125. https://www.rospotrebnadzor.ru/documents/details.php?ELEMENT_ID=21796 (дата обращения: 16.03.2023).

(1,95 на 100 тыс. чел.), болезней органов дыхания (1,44 на 100 тыс. населения), системы кровообращения (0,7 на 100 тыс. населения). Основную долю дополнительных случаев заболеваний всего населения формировали болезни органов дыхания – 69,7%, органов пищеварения – 13,5%, системы крово-

обращения – 7,1%, нервной системы – 3,4%, на долю остальных болезней приходится менее 2% случаев заболеваний.

Среди предотвращенных случаев заболеваний болезни детского населения составили 42,8%, взрослого населения трудоспособного возраста – 39,2%, взрослого населения пенсионного возраста – 18%.

В 2021 г. в структуре предотвращенной заболеваемости взрослого трудоспособного населения преобладали болезни органов дыхания (32,6% от общего количества предотвращенных заболеваний у взрослого населения трудоспособного возраста), органов пищеварения – 28,4%, некоторые инфекционные и паразитарные болезни – 16,6%, болезни мочеполовой системы – 6,8%, кожи и подкожной клетчатки – 5%, костно-мышечной системы – 4,9%, нервной системы – 2,1%.

В 2021 г. в результате деятельности Роспотребнадзора (через влияние на поднадзорные объекты, системное нормирование, социально-гигиенический мониторинг, использование механизмов разных уровней профилактики, а также участие в выполнении национальных и федеральных проектов и программ) сумма предотвращенных экономических потерь валового продукта составила более 194,5 млрд руб., в том числе от смертности, ассоциированной с воздействием факторов окружающей среды, – свыше 16,0 млрд руб., от ассоциированной заболеваемости – более 178,5 млрд руб.²

Суммарно уровень предотвращенного экономического ущерба из-за принятия мер по управлению эпидемиологической обстановкой в связи с новой коронавирусной инфекцией, включая контрольно-надзорную деятельность Роспотребнадзора, а также реализацию мер по управлению рисками для здоровья населения в результате воздействия комплекса факторов среды обитания, в 2021 г. в субъектах РФ составил 481,3 млрд руб., превысив целевой уровень на 12%³.

2. Государственный доклад «О состоянии санитарно-эпидемиологического благополучия населения в Российской Федерации в 2021 году». 2022. С. 317. https://www.rospotrebnadzor.ru/documents/details.php?ELEMENT_ID=21796 (дата обращения: 16.03.2023).

3. Там же. С. 319. Далее в тексте использованы материалы данного доклада.

Региональные различия смертности и продолжительности жизни населения, обусловленные экологическими и социально-экономическими факторами

В результате действия целого ряда факторов, прежде всего, экологических, а также социально-экономических и других, прослеживаются далеко не одинаковые показатели смертности и ожидаемой продолжительности жизни населения в разных регионах Российской Федерации.

Например, среднероссийские уровни смертности населения от злокачественных новообразований, ассоциированные с загрязнением атмосферного воздуха, были превышены на территориях 9 регионов РФ – в диапазоне от 2,5 до 32,7 раза. Наиболее высокие уровни отмечены в Забайкальском крае, Кемеровской области, Красноярском крае, Республике Бурятия, Челябинской области (8,5–63,7 случая на 100 тыс. населения).

На территориях 17 субъектов число дополнительных случаев заболеваний от всех причин, связанных с загрязнением атмосферного воздуха, превышало среднестатистическое значение в диапазоне от 1,5 до 15,2 раза. К приоритетным территориям по количеству дополнительных случаев заболеваний отнесены Чукотский автономный округ, Челябинская область, Забайкальский край, Владимирская область, Республика Бурятия (от 3146,6 до 11479,5 случая на 100 тыс. населения).

Среднероссийские уровни дополнительных случаев заболеваемости болезнями органов дыхания были превышены на территориях 14 регионов – от 1,8 до 21,4 раза. К приоритетным территориям в данном случае относятся Чукотский автономный округ, Забайкальский край, Челябинская и Липецкая области, Удмуртская Республика (от 2757,1 до 11479,5 дополнительных случаев на 100 тыс. населения).

Заболеваемость, ассоциированная с ненормативным качеством питьевой воды, в 2021 г. формировалась на территории всех 85 субъектов РФ – от 9,88 до 3963,49 дополнительных случаев на 100 тыс. населения. Наибольшая

дополнительная заболеваемость наблюдалась в Тамбовской, Новгородской областях, Еврейской автономной области, Республике Калмыкия, Ханты-Мансийском автономном округе (от 3237,39 до 3963,49 случаев на 100 тыс. населения).

Дополнительные случаи заболеваний некоторыми инфекционными и паразитарными болезнями наблюдаются в связи с загрязнением почвы. Например, в 2021 г. в среднем по РФ формировалось порядка 505,52 дополнительных случаев заболеваний (на 100 тыс. детского населения). К приоритетным регионам, где почвы загрязнены в наибольшей степени и наблюдается повышенный уровень заболеваемости детского населения некоторыми инфекционными и паразитарными заболеваниями, относятся Еврейская автономная область, Новгородская, Кировская области, Республика Мордовия, Приморский край и ряд других территорий (2108,76–5338,39 случаев на 100 тыс. детского населения).

На состояние здоровья влияет также загрязнение основных групп пищевых продуктов и нерациональное питание. По данным Росстата, в ряде регионов страны выявлено, что в потреблении преобладают продукты с избыточным содержанием жиров животного происхождения, сахара и кондитерских изделий, хлеба на фоне недостаточного количества овощей, фруктов, ягод. Все это негативно отражается на болезнях органов пищеварения, кожи и подкожной клетчатки, на эндокринной, сердечно-сосудистой системах, на болезнях системы кровообращения и др.

Наиболее высокий уровень случаев заболеваемости по причине недостаточного потребления населением овощей и фруктов характерен для северных регионов (Ненецкий автономный округ, Республика Коми и др. – до 3917,2 случая на 100 тыс. населения), регионов Сибири и Дальнего Востока (Забайкальский край, Республика Якутия (Саха), Чукотский автономный округ и др. – до 3811,1 случая на 100 тыс. населения), а также регионов с низкими экономическими показателями (Республика Тыва, Республика Алтай, Республика Марий Эл и др. – до 3128,8 случая на 100 тыс. населения).

Состояние здоровья и продолжительность жизни населения во многом зависят от возможностей качественного питания, что, в свою очередь, обусловлено, прежде всего, уровнем доходов.

Численность населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума в РФ имеет тенденцию к снижению, его удельный вес в 2021 г. составил 11% (в 2005 г. — 16,1%). Вместе с тем можно отметить 10 территорий, где этот показатель превышает 15%, из них четыре расположены в Сибирском ФО, по три — в Приволжском и Дальневосточном ФО; на шести территориях подобный процент превышает даже 20 (это республики: Калмыкия, Ингушетия и Карачаево-Черкесская, Тыва и Алтай, а также Еврейская автономная область).

Снижение численности населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума в последние годы происходит медленно, значительное избыточное неравенство в постсоветской России продолжает сохраняться. Массовое обеднение большей части населения в связи с низким уровнем заработной платы, недостаточным уровнем медицинского обслуживания, переходом на страховую медицину и коммерциализацию услуг, резким повышением цен на покупку необходимых лекарств и санаторно-курортное лечение влечет ухудшение здоровья нации, а также у вновь рождающихся, подрастающего поколения и людей трудоспособного возраста.

Важным резервом сокращения смертности и увеличения продолжительности жизни является борьба с бедностью. Нельзя не отметить, что избыточное неравенство не только сдерживает экономическое развитие страны, но и пагубно влияет на состояние здоровья и смертность населения.

Повышение уровня и качества жизни населения, принятие мер по повышению доходов уязвимых его слоев нуждаются в сильной социальной поддержке государства.

Необходимо в дальнейшем усилить борьбу с бедностью, обратив особое внимание на состав населения, проживающего на неблагоприятных территориях.

Наряду с населением, которое имеет денежные доходы ниже величины прожиточного минимума (так называемые уязвимые слои населения), значителен удельный вес лиц, живущих в условиях низких доходов, которые тоже испытывают определенные трудности в поддержании здорового образа жизни, рационального питания.

Если по среднему уровню реальных доходов мы занимаем 50-е место в мире, то по уровню жизни пенсионеров находимся на 88-м месте. У нас пенсия в два раза ниже, чем в странах с таким же уровнем экономического и социального развития [2. С. 19].

Прожиточный минимум составляет в России 13,9 тыс. руб., столько же – МРОТ. По итогам II кв. 2022 г. Росстат относил к бедным 12,1%, или 17,6 млн россиян – почти каждого восьмого жителя страны⁴.

На протяжении последних лет сохраняется значительная региональная поляризация территорий Российской Федерации по показателям смертности и ожидаемой продолжительности жизни (табл. 3, 4). Заметим также, что даже в более благоприятных округах (где данные показатели по сравнению со среднероссийским лучше) есть территории с очень высокими показателями смертности, например, Курганская, Свердловская, Челябинская области в Уральском ФО, где ее уровни в 2021 г. составили 20,4, 17,9, 17,7% соответственно. Есть территории, где коэффициент смертности равен более 21%: Новгородская и Псковская области в Северо-Западном ФО, 6 областей в Центральном ФО: Владимирская, Курская, Липецкая, Рязанская, Тверская, Тульская⁵.

В 2019 г. ожидаемая продолжительность жизни россиян (78 лет), запланированная на период 2019–2024 гг., была отмечена только в Москве – 78,36 лет, Республике Дагестан – 79,10, Республике Ингушетия – 83,40 лет. В дальнейшем на

4. Московский комсомолец. 2022. 14 окт. С. 3.

5. Регионы России: Социально-экономические показатели. 2022. М.: Росстат, 2022. С. 67–68.

Таблица 3. Общие коэффициенты смертности по федеральным округам (число умерших на 1000 чел. населения)

	2010	2019	2020	2021
Российская Федерация	14,2	12,3	14,6	16,7
Федеральные округа:				
Центральный	15,2	12,6	15,1	17,5
Северо-Западный	14,9	12,4	14,6	17,0
Южный	14,1	12,8	15,0	17,7
Северо-Кавказский	8,6	7,4	9,0	9,8
Приволжский	15,0	12,9	15,9	17,9
Уральский	13,0	11,7	13,9	15,7
Сибирский	14,2	12,9	15,1	17,2
Дальневосточный	13,8	12,2	13,9	15,5

Источник: Регионы России: социально-экономические показатели. 2022. М.: Росстат, 2022. С. 67–68.

Таблица 4. Ожидаемая продолжительность жизни при рождении по федеральным округам (лет)

	2010	2019	2020	2021
Российская Федерация	68,94	73,34	71,54	70,06
Федеральные округа:				
Центральный	69,93	74,54	72,57	70,85
Северо-Западный	68,90	73,72	72,02	70,37
Южный	70,12	73,73	72,09	70,21
Северо-Кавказский	72,19	76,64	74,58	73,79
Приволжский	68,38	72,94	70,83	69,50
Уральский	68,82	72,52	70,81	69,61
Сибирский	67,10	71,12	69,60	68,30
Дальневосточный	65,76	70,22	69,15	68,06

Источник: Регионы России: социально-экономические показатели. 2022. М.: Росстат, 2022. С. 67–68.

всех территориях РФ показатели смертности и ожидаемой продолжительности жизни имели негативную тенденцию.

Очень важно в плане изыскания резервов увеличения ожидаемой продолжительности жизни сократить региональную поляризацию территорий РФ по показателям заболеваемости и смертности, которые обусловлены как качеством среды обитания, так и социально-экономическими факторами, требующими дополнительного принятия специальных мер.

Алкоголизм, курение и смертность населения

Высокую смертность по-прежнему вызывает алкоголизм. Еще в XX в. было доказано, что чрезмерное потребление алкоголя весьма существенно сказывается на различного рода заболеваниях. Особенно тесная связь существует с заболеваниями органов пищеварения — печени, желудка. Алкоголизм способствует развитию раковых заболеваний: хроническое заболевание желудка — благоприятный фон для возникновения и развития рака. Замечено, что у лиц, страдающих алкоголизмом, гипертоническая болезнь встречается в 3 раза чаще, чем у прочего населения [7. С. 195, 197].

Как показывают статистические данные XXI в., причины смертности, непосредственно связанные с употреблением алкоголя, многочисленны: хронический алкоголизм, алкогольная кардиомиопатия, алкогольная болезнь печени, дегенерация нервной системы, алкогольные психозы и т.д.

В Минздраве считают, что порядка 70% смертей от цирроза печени, 60% от кардиомиопатии, почти половина от панкреатита связаны с потреблением алкоголя.

Важно иметь в виду также неполноту учета смертей при отравлении алкоголем и частую квалификацию этой патологии, например, как сердечно-сосудистую. Это происходит в результате ошибок, а иногда — преднамеренного искажения диагнозов [3]. По мнению доктора медицинских наук А.В. Немцова, в России каждый третий мужчина и каждая шестая женщина умирают по причине употребления алкоголя (прямые и непрямые потери) [6].

Кроме причин смертности, непосредственно (полностью или частично) обусловленных употреблением алкоголя, важно выделить и внешние причины (так называемую смертность, не связанную с болезнями); к их числу относятся несчастные случаи, убийства, самоубийства, дорожные происшествия и т.д. Очень часто причиной этих происшествий, поступков является алкоголь. Большинство случаев утопления вызвано опьянением.

Тяжелые алкогольные проблемы в России начались примерно 70 лет назад. До этого на протяжении всей своей истории наша страна была одной из самых малопьющих стран в Европе. Так, в конце XIX в. уровень потребления алкоголя в России составлял 3–5 литра на человека, в то время как в Германии, например, на душу населения приходилось больше 20 литров. В период Первой мировой войны в России вообще перестали продавать спиртное; позже советская власть ввела запрет на продажу напитков крепче 28°, однако с 1928 г. его отменили, чтобы пополнить бюджет «водочными» деньгами — в стране проводилась индустриализация.

После Великой Отечественной войны, примерно с середины 1950-х гг. начался стремительный рост потребления алкоголя, который продолжался до конца 70-х гг. Этот процесс, позволяющий насыщать бюджет, постоянно регулировался государством. С 1992 г. начался настоящий разгул пьянства: на рынок (после отмены госпошлин на производство спиртного) хлынул дешевый некачественный алкоголь. В 1994 г. умершие от отравления алкоголем составили 55 тыс. чел. Среди умерших на четырех мужчин приходилась одна женщина.

В начале 2000-х гг. потребление спиртного составляло примерно 14 литров на душу населения. В последние годы резкий рост цен на легальные спиртные напитки вызвал значительное увеличение их подпольного производства.

Усиление административно-экономических мер за самогонварение, а также строгий контроль за их соблюдением являются важной народнохозяйственной проблемой. Член-

корреспондент РАН, профессор Д. Заридзе считает, что необходимо ужесточить деятельность по контролю оборота алкоголя, разработать и внедрить научно обоснованные рекомендации по безопасному потреблению алкоголя, основанные на таковых ВОЗ⁶.

С 2008 по 2021 гг. потребление алкоголя в нашей стране (по заявлению министра здравоохранения М. Мурашко) сократилось на 43%. По данным Росстата, количество смертей от злоупотребления алкоголем в 2021 г. снизилось на 6% и достигло допандемийного уровня⁷. Однако алкоголь продолжает оказывать колоссальное влияние на смертность населения, особенно мужчин. «Алкогольный» вклад в мужскую смертность составляет в стране до 75%⁸.

По-прежнему высока смертность населения трудоспособного возраста, в значительной мере связанная с алкоголизмом. Из всех умерших в России на долю трудоспособных граждан приходится 24%, а в развитых странах – только 10% [1. С. 292]. Причем смертность мужчин примерно в 3,6–3,8 раз превышает смертность женщин трудоспособного возраста.

В 2021 г. в России насчитывалось почти 1,2 млн чел. с алкогольной зависимостью.

Расширение мер по борьбе с алкоголизацией и формирование государственной антиалкогольной программы, видимо, по-прежнему остаются весьма актуальными задачами. Необходима разработка комплекса взаимосвязанных социальных, экономических, медицинских мер, направленных на сбережение здоровья населения. Образовательные, социально-культурные, медицинские учреждения должны вооружить людей знаниями и технологиями оздоровления, познакомить с принципами ведения здорового образа жизни. Одновременно следует усилить административно-экономические меры за самогоноварение и контроль за их соблюдением. В отдельных

6. Московский комсомолец, 2022. 8 окт. С. 6.

7. Медицинская газета, 2023. 13 янв. № 1. С. 7.

8. Московский комсомолец, 2022. 3 окт. С. 15.

случаях целесообразно задействовать и принудительные меры в отношении оказания помощи хроническим алкоголикам [4].

Учитывая, что в 2021 г. потребление алкоголя снизилось до 9 литров на душу населения, Минздрав РФ разработал концепцию на период до 2030 г., в рамках которой его планируется снизить до 7,7 литров в год, что предполагает сокращение числа смертей, обусловленных алкоголизмом, почти на треть — до 23,3 чел. на 100 тыс. населения (с 32,5 чел. на 100 тыс. населения в 2021 г.)⁹.

Подсчитано, что снижение потребления алкоголя в виде уменьшения этилового спирта, а также розничных продаж алкогольной продукции, приходящихся на душу взрослого населения, на четверть от текущего уровня потребления может обеспечить прирост ожидаемой продолжительности жизни на 58 дней¹⁰.

В поставленной задаче — достигнуть к 2024 г. средней продолжительности жизни до 78 лет — важное значение имеет быстрое снижение прежде всего смертности мужчин и сокращение тем самым разрыва между продолжительностью жизни мужчин и женщин. Этот разрыв на протяжении значительного времени составляет в России 9–10 лет, тогда как даже в наших бывших союзных республиках — Таджикистане, Узбекистане, Азербайджане, Армении — он равен соответственно: 3,9; 4,7; 4,8; 6,8 лет (данные за 2018 г.). Думается, что первостепенную роль здесь играет алкоголь.

Одним из наиболее перспективных направлений снижения смертности, в том числе в профилактике рака, является отказ от курения.

В настоящее время, к сожалению, особых позитивных подвижек в этом отношении не наблюдается: снижение распространенности курения в России происходит медленно, а в последние годы совсем приостановилось. Правда в июле

9. Аргументы недели. 2022. 19–25 окт. № 11. С. 11.

10. Государственный доклад «О состоянии санитарно-эпидемиологического благополучия населения в РФ в 2021 г.». 2022. С. 144. https://www.rosпотреbnadzor.ru/documents/details.php?ELEMENT_ID=21796 (дата обращения: 16.03.2023).

2022 г. ВЦИОМ сообщил о том, что доля курящих россиян начала снижаться и составляет сейчас 33% против 41% в 2013 г. Из-за курения ежегодно умирают около 400 тыс. россиян и миллионы имеют проблемы, связанные с заболеваниями сердца. Курение вредит всему организму, но особенно страдает дыхательная и сердечно-сосудистая система¹¹.

О вреде потребления табака существует большое количество литературы и проведено много обследований. Этому уделяется много внимания органами здравоохранения в разных странах.

К последствиям потребления табака можно отнести часть умерших от рака легких, гортани, полости рта. В ряде случаев рак пищевода, почек, мочевого пузыря также вызывается курением. В результате курения есть умершие от бронхита, бронхиальной астмы и эмфиземы легких, а также вследствие сердечных заболеваний.

Академик АМН СССР Е. Чазов указывал, что курильщики портят не только легкие, но и сердце. «Внезапная смерть от ишемической болезни сердца отмечается среди курильщиков в 5 раз чаще, чем среди некурящих»¹².

Курение также связано с несчастными случаями. По данным ВОЗ, в 25% всех случаев причиной пожара является брошенный окурок.

В 2022 г. в Афинах состоялась 5-я научная встреча по вопросам снижения вреда табакокурения, где собрались 300 участников из 40 стран. Отмечалось, что ежегодно в мире насчитывается 8 млн смертей от курения. В Евросоюзе 27% всех смертей от рака связаны с курением; полный отказ от курения позволил бы снизить заболеваемость раком легких на 90%¹³.

В выступлении А. Исаева (Россия, Екатеринбург) приведены данные ВЦИОМ: за последние 5 лет доля курильщиков в России не изменилась и составляет 33% взрослого населения страны,

11. Московский комсомолец. 2022. 12 окт. С. 15.

12. Чазов Е. Век и сердце // Правда. 1976. 19 мая.

13. Медицинская газета. 2022. 12 окт. № 40. С. 14.

она выше среди мужчин (47%) по сравнению с женщинами (21%). Доля заядлых курильщиков (выкуривающих не менее пачки сигарет в день) составляет 20%. Хотели бы бросить курить 62% курильщиков. К сожалению, данные о числе потребителей вейпов (электронные сигареты) и СНТ в России отсутствуют.

Доля нелегальной табачной продукции на российском рынке увеличилась с 1,5% в 2016 г. до 10,7% в 2021 г. По оценке Счетной палаты, федеральный бюджет в период с 2016 по 2021 гг. недополучил акцизов на сумму почти 300 млрд руб. (не все согласны с мнением экспертов о доле контрафактных сигарет на российском рынке, оценивая ее в 20%).

Член-корреспондент РАН, проф. Д. Заридзе в целях снижения заболеваемости от новообразований считает очень важным снижение распространения курения среди как мужчин, так и женщин. Он предлагает совершенствовать налоговую политику (увеличить ставку акциза на сигареты), создать сеть доступных центров для лечения табачной (никотиновой) зависимости, укомплектованных квалифицированными наркологами и психотерапевтами¹⁴.

В настоящее время Правительство внесло в Госдуму поправки в Уголовный кодекс, которые введут наказание за производство, закупку, поставку и хранение сигарет без соответствующей лицензии в случаях, если она обязательна.

В начале 2021 г. в Государственной Думе была сформирована межфракционная группа по защите здоровья граждан от алкогольной, табачной и наркотических угроз. Депутаты, вошедшие в группу, едины во мнении, что население страны нуждается в отрезвлении и избавлении от привычки курить. А в 2022 г. Госдума приняла поправки к Федеральному закону «О наркотических средствах и психотропных веществах» (дополнение ст. 54), ставится задача — помочь людям, которые прошли лечение от наркозависимости, реинтегрироваться в обществе¹⁵.

14. Московский комсомолец. 2022. 3 окт. С. 6.

15. Медицинская газета. 2023. 13 янв. № 1. С. 7.

Условия реализации факторов роста продолжительности жизни в России

В результате проведенной работы (анализ вклада возрастных групп мужчин и женщин в различия продолжительности жизни в период 1965–2012 и 1987–2012 гг., динамика смертности населения России по отдельным возрастам за 2000–2016 гг., среднегодовых темпов прироста/снижения смертности мужчин и женщин в 2005–2011, в 2011–2016 гг. и др.) в 2019 г. Институтом социально-политических исследований РАН был сделан вывод, что сложившиеся источники роста продолжительности жизни ставят под сомнение реалистичность устойчивого долгосрочного тренда снижения смертности и достижение намеченных ориентиров продолжительности жизни населения. «Без целенаправленных усилий на группы риска – мужчин трудоспособного, прежде всего, младшего трудоспособного возраста, экономически неблагополучные территории и социальные группы с низким образованием, занятых низкоквалифицированным трудом или неработающих, рост продолжительности жизни в России может не набрать темпов, необходимых для достижения уровней в 78 лет к 2024 г.» [5. С. 50].

Период после 2019 г. характеризуется ухудшением здоровья, повышенной смертностью населения и невысокой продолжительностью жизни. Этому способствовали новые реалии (вызовы): возникновение и быстрое распространение ковида¹⁶; постоянно нарастающие антироссийские санкции; инфляции 2021 и 2022 гг. и падение платежеспособного спроса населения, особенно пенсионеров.

Необходимо отметить также вынужденное проведение важной спецоперации и участие в ней российских мужчин в связи с частичной мобилизацией.

16. В связи с пандемией снизились медицинские услуги в отношении других заболеваний, правда, с другой стороны, она подтолкнула к развитию инновационных технологий в медицине.

В этот период произошли и природные катаклизмы, в частности, чрезвычайно жаркое лето 2021 и 2022 гг., повлекшее рост смертности из-за заболеваний системы кровообращения, всплеск алкогольных психозов и др.

Дальнейшее развитие отраслей экономики (промышленности, энергетики, транспорта и др.) оказывает все большее влияние на климат и окружающую среду. Возрастание антропогенных нагрузок до масштабов, угрожающих воспроизводству природных ресурсов, и связанное с их неэффективным использованием влияние на жизнь и здоровье граждан отнесены принятой в декабре 2016 г. Стратегией научно-технологического развития Российской Федерации к большим вызовам, создающим существенные риски для общества и экономики. Реализация в 2021–2030 гг. разработанной Федеральной научно-технической программы в области экологического развития Российской Федерации призвана преодолеть отставание России от ведущих стран мира в области высокотехнологичных научных исследований окружающей среды и климатических изменений.

Пандемия новой коронавирусной инфекции в 2020 г. по сравнению с 2019 г. характеризовалась в России взрывным ростом заболеваемости внебольничной пневмонией у взрослых в 5,3 раза и смертностью при этом заболевании – в 12 раз¹⁷.

Опубликованный в журнале «Nature Medicine» анализ состояния здоровья более 6 млн человек, перенесших ковид, даже в легкой форме, свидетельствует о сохранении у всех в течение года повышенного риска инсульта, инфаркта миокарда, аритмии, воспалительных заболеваний сердца, тромбозов, причем ему подвержены даже совершенно здоровые ранее молодые люди. Выносятся предупреждение руководителям здравоохранения о необходимости быть готовыми к значительному росту перечисленных заболеваний, повышенным расходам на их лечение и ожидаемому сокращению продолжительности жизни¹⁸.

17. Медицинская газета. 2022. 1 февр. № 4. С. 10.

18. АиФ. 2022. № 41. С. 38.

В России смертность населения в 2019 г. составила 1,8 млн чел., а в 2021 г. — уже 2,4 млн. Академик РАН А. Аганбегян считает, что «надо возвращаться не просто к допандемийному уровню (а он и так был высок), а выходить со временем на 1,3 млн (европейский показатель смертности в пересчете на наше население) ... По продолжительности жизни мы находимся на 100-м месте, по уровню здоровья — на 119-м, по вложениям в здравоохранение (доля в ВВП) — на 140-м из 189 стран»¹⁹. Академик не соглашается с запланированным у нас сокращением расходов на здравоохранение на 2023 г. (на 4,15% меньше, чем в 2022 г.)²⁰.

Вместе с тем новые обстоятельства — политические, экономические, социальные, природные — в настоящее время, безусловно, создали значительные трудности в достижении намеченных к 2024 г. показателей продолжительности жизни российского населения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аганбегян А.Г. О приоритетах социальной политики. М.: ИД «Депо», 2018. С. 292. EDN: VLHMFV.
2. Аганбегян А.Г. «Денег больше, чем нужно». О новом бюджете на ближайшие три года // *АиФ*. 2022. № 41. С. 19.
3. Андреев Е.М., Збарская И.А. Статистика смертности в России от причин алкогольной этиологии // *Вопросы статистики*. 2009. № 8. С. 44–50. EDN: SXUBUH.
4. Бараненкова Т.А. Влияние алкоголизации на трудовой потенциал российского общества // *Вестник Института экономики Российской академии наук*. 2019. № 2. С. 103–104. DOI: 10.24411/2073-6487-2019-10020.
5. Демографическая ситуация в России: новые вызовы и пути оптимизации. Национальный демографический доклад / Под ред. чл.-корр. РАН, д.э.н. С.В. Рязанцева. М.: Экон-Информ, 2019.
6. Немцов А.В. Алкогольная история России. Новейший период. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2008.
7. Урланис Б.Ц. Эволюция продолжительности жизни. М.: Статистика, 1978.

19. Там же. С. 19.

20. Там же.

Е.Е. Шестакова

к.э.н., ведущий научный сотрудник,
ИЭ РАН

АКТИВНОЕ ДОЛГОЛЕТИЕ И ЗАДАЧИ ФОРМИРОВАНИЯ И СОХРАНЕНИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА ЛИЦ СТАРШЕГО ВОЗРАСТА

В статье исследуются вопросы использования человеческого потенциала лиц старшего возраста и влияния факторов трудовой карьеры, образования, государственной социальной политики на стадию пожилой жизни. Особое внимание уделяется рассмотрению проблем межпоколенческого взаимодействия и пенсионного страхования для обеспечения безопасной жизнедеятельности возрастных граждан. Делается вывод о важности в современных демографических и социально-экономических условиях наряду с совершенствованием пенсионной системы укрепления институтов рынка труда и образования для сокращения накопления в течение жизни факторов риска, которые не могут быть полностью скорректированы мерами адресной социальной защиты.

Ключевые слова: активное долголетие, потенциал трудовой и социальной активности пожилых, пенсионные системы, межпоколенческое равенство.

В современных условиях роста продолжительности жизни, изменений в демографической структуре всего населения, а также работающего, опасений в отношении стабильности действующих пенсионных систем традиционное понятие зависимости в старших возрастах становится все менее адекватным, подвергаются сомнению действующие правила организации жизни и поддержки пожилых и в развитых странах, и в государствах с формирующимся рынком. В настоящее время половина стран и регионов в мире завершили демографический переход или находятся на его последней стадии, когда продолжительность жизни при рождении превышает 75 лет, а рождаемость ниже уровня простого воспроизводства. В общемировом масштабе дети, появившиеся на свет в 2021 г., в среднем смогут прожить на 25 лет больше,

чем рожденные в 1950 г., при этом наибольший прирост продолжительности жизни прогнозируется в государствах Восточной и Юго-Восточной Азии. В течение ближайших 30 лет доля лиц в возрасте 65 лет и старше возрастет с 10% от мирового населения до 17%, составив в ряде стран Южной Европы и Восточной Азии более $\frac{1}{3}$ населения [17. Рр. 32–40].

Текущее десятилетие (2021–2030 гг.) ВОЗ и ООН провозгласили десятилетием здорового старения, призывая государства разработать стратегии поддержки благосостояния, сохранения профессиональной трудоспособности и социальной активности пожилых, а в наиболее преклонном возрасте — возможности самообслуживания [8]. Вопрос соотношения роста общей продолжительности жизни и продолжительности здоровой жизни¹ (без инвалидности) носит дискуссионный характер. В теории возможны три варианта: расширение инвалидности при росте общей продолжительности жизни при рождении, ее сжатие и, наконец, состояние динамического равновесия. Исследования в ряде экономически развитых государств Западной Европы, Северной Америки и Восточной Азии продемонстрировали близкие показатели роста продолжительности общей и здоровой жизни [21. Р. 12]. Но в отношении других регионов, стран Латинской Америки, Восточной Европы, Южной Азии уверенности в сохранении данного соотношения нет. По оценкам ВОЗ, за период 2000–2019 гг. общая продолжительность жизни увеличилась с 67 до 74 лет, а здоровой жизни — с 58 до 64 лет [26], но это усредненные данные, не показывающие большие различия между и внутри стран и не учитывающие неоднозначность методов определения инвалидности.

Сама концепция активного долголетия, сформулированная ВОЗ и конкретизированная в Мадридском международном плане действий по проблемам старения в 2002 г., предполагает кардинальное изменение подхода к старению.

1. Индекс продолжительности здоровой жизни, измеряемый ВОЗ, учитывает среднюю продолжительность жизни без серьезных проблем со здоровьем и ограничений в повседневной жизнедеятельности индивидов.

Основной акцент в ней делается на необходимости мобилизации потенциала стареющего общества, привлечении внутренних резервов лиц старших возрастных групп, анализе состояния внешней среды для их реализации, обеспечении условий для сохранения продуктивной и независимой жизни всеми гражданами. С этих позиций вопрос активного старения включает несколько блоков проблем. Первый – использование человеческого потенциала лиц старших возрастов, включая занятость на рынке труда, участие в неоплачиваемой социальной деятельности и непрерывном обучении, обеспечение финансовой поддержки других членов семьи, оказание им помощи в уходе за детьми и более пожилыми родственниками и др.

Второй блок – оценка результатов формирования и использования человеческого потенциала, влияние факторов трудовой карьеры, образования, социальных связей, государственной социальной политики на стадию пожилой жизни. Хорошо разработанные модели пенсионного обеспечения и медицинского обслуживания являются критически важными, но недостаточными условиями для сокращения бедности и уязвимости, сглаживания серьезной материальной и социальной дифференциации среди пожилого населения (обеспечения нормального уровня благосостояния в пожилом возрасте).

Неравенство пожилых начинает формироваться на ранних этапах жизни, образование и занятость можно рассматривать как первичные детерминанты состояния здоровья и социально-экономического положения на каждой стадии, включая и пожилой возраст. В большой группе стран, входящих в ОЭСР, в которых проводились исследования о состоянии здоровья школьников в возрастных группах 11, 13 и 15 лет, относящихся к нижнему и верхнему доходным квартилям, доля учащих с плохим здоровьем в нижней 25%-ной группе составляла 14–15%, в верхней – 5–6% [23. Р. 19]. Недостатки медицинского контроля в период детства и юности увеличивают вероятность появления хронических заболеваний, приверженности

нездоровому образу жизни и возникновения функциональных ограничений во взрослой жизни.

Еще более значительная разница между учащимися, принадлежащими к разным доходным группам семей, влияющая на последующие возможности получения высшего образования и трудоустройства, фиксируется по результатам обследований успеваемости (TIMSS, Trends in International Mathematics and Science Study). Высокие показатели успеваемости по математике и естественным наукам в 2019 г. в европейских странах в нижней квинтильной группе (20% населения) составили 1–3%, среди учащихся из семей высшего квинтента – 40%, в Корее и Японии они в целом были значительно выше, но общая разница составляла 3–3,5 раза [ibid. P. 23]. Уровень образования индивида и даже его родителей оказывает большое влияние на размер доходов в течение жизни, доступность качественных медицинских услуг, образ жизни, социальные связи, а в итоге определяет материальное и социальное положение в пожилом возрасте. Низкий статус здоровья негативно сказывается на возможности трудоустройства, а условия и вид занятости влияют на физическое и психическое здоровье.

Чем выше неравенство в обществе, тем значительнее проявляется корреляция доходов родителей и их детей. Социальная защита, даже при условии ее эффективной организации, полностью не корректирует накопленные в течение жизни диспропорции. Пожилые люди с образованием ниже среднего в 3–4 раза чаще становятся бедными и в 1,5–2 раза чаще страдают от серьезных функциональных заболеваний, чем лица с высшим образованием. В ведущих европейских странах с развитыми системами общественного здравоохранения среди граждан в возрасте старше 50 лет с образованием ниже среднего доля лиц с инвалидностью составляет более 50%, а среди граждан соответствующего возраста с высшим образованием – 25–30%. Аналогичное положение, хотя и не столь явно выраженное, отмечается и в государствах со средним и ниже среднего уровнем социально-экономиче-

ского развития, по которым есть соответствующие данные (КНР, Малайзия, Индия) [17. Р. 92].

Согласно исследованию о влиянии образования на материальное положение пожилого населения, проводившегося в 29 развитых странах и 18 развивающихся и с формирующимися рынками, в период 2010–2020 гг. доля пожилых, живущих в состоянии относительной бедности, с низким образованием в первой группе стран составляет 17%, второй – 26%, со средним соответственно 10% и 6–7%, с высшим менее 5% в обеих группах [ibid. Р. 91]. Вопрос преимуществ или недостатков адресного и универсального подходов в социальной политике является в значительной степени дискуссионным, но страны с широкими и универсальными системами доступа к основным социальным услугам, включая образование и здравоохранение, более успешны в плане снижения доходного неравенства и бедности в пожилом возрасте, чем те страны, где этого нет.

Третий блок исследуемых проблем связан с вопросами межпоколенного ответственного взаимодействия, перспективами пенсионного и социального страхования, возможным возникновением страховых перегрузок и карьерных тупиков для молодежи. Состояние здоровья и уровень образования у современных молодых людей в целом лучше, чем у поколений их родителей, в перспективе у них должна быть больше продолжительность предстоящей жизни. В то же время современная молодежь, выходящая на рынок труда, сталкивается с большей неопределенностью и экономической нестабильностью при переходе к взрослой жизни. Технологический прогресс серьезно влияет на рынок труда, формирует новые вызовы и риски для участников, делает более выгодным и доступным для работодателей частичную, нерегулярную, временную занятость, которая ограничивает перспективы непрерывного длительного социального страхования. Для большинства стран, по которым есть статистика, доходное неравенство растет по мере перехода от одной 10-летней возрастной когорты к другой во всех возрастах и в развитых, и в развивающихся странах. Этот

рост может усилить разницу в состоянии здоровья, продолжительности жизни и в материальном положении среди будущих когорт пожилых.

Перспективы и преграды использования человеческого потенциала пожилого населения

Пожилое население – не гомогенная группа, у различных ее сегментов могут быть совершенно разные возможности, ресурсы и потребности. Существенные различия возникают даже при определении возрастных границ данной группы: 50, 55, 60 лет или позже. В качестве интегрированной количественной оценки наиболее важных параметров положения лиц старших возрастных групп в системе социальных и трудовых отношений современного общества можно использовать разработанный изначально для европейских стран, но позднее адаптированный для других групп государств, индекс активного долголетия. В структуру данного индекса входят показатели занятости лиц старше 55 лет по нескольким возрастным группам, участия в неоплачиваемой социальной деятельности, включая различные виды помощи по уходу и волонтерскую работу, широкий комплекс индикаторов, отражающих доступность услуг здравоохранения, участия в непрерывном образовании, средний (национальный или региональный – в зависимости от категории расчета индекса) относительный уровень доходов, риск бедности и серьезных материальных лишений. В отдельную группу оценки условий для процесса активного старения включаются показатели ожидаемой продолжительности жизни после достижения 55 лет, в том числе здоровой жизни, психического здоровья и социального взаимодействия, важной в современных условиях вовлеченности в использование современных информационных технологий [29. Р. 76].

В возрастной группе 55–64 года по основным макро-регионам мира занято, как правило, 55–60%, среди граждан более старшего возраста от 8–20% в экономически развитых

государствах и странах с формирующимися рынками и до 45% в ряде развивающихся стран. Согласно обследованию Международной организации труда в более чем 100 государствах мира, трудовой потенциал возрастного населения недоиспользуется, спрос на работу лиц старших возрастов существенно превышает предложение, при невысоком уровне формальной безработицы среди них особенно высока доля «разочарованных» безработных, прекративших поиски рабочего места, и занятость в неформальном секторе экономики [1. С. 67]. Ситуация в различных группах стран при этом может серьезно различаться. В экономически развитых государствах среди причин низкой заинтересованности работодателей нанимать и сохранять возрастную рабочую силу фигурируют такие факторы, как более высокая стоимость данных работников (в среднем 10 дополнительных лет работы у одного нанимателя увеличивают заработную плату на 6%) или защита занятости возрастных работников (необходимость обоснования и предварительного уведомления об увольнении, более высокий уровень выплаты выходного пособия) [2. Р. 14]. В государствах с формирующимися рынками и развивающихся странах ситуация в значительной степени противоположная, лица старших возрастных групп не претендуют в основном на высокие заработки и не подпадают под антидискриминационное законодательство.

Уязвимое положение возрастных работников на рынке труда объясняется как сохранением распространенности дискриминационных практик (прямых и завуалированных), так и большей подверженностью риску обесценения квалификации. Несмотря на то, что накопленный человеческий капитал и стаж работы делают возрастных работников ценными сотрудниками, старший возраст часто ассоциируется с более низкими способностями к обучению и менее развитыми цифровыми навыками, что препятствует трудоустройству в определенные секторы экономики. А переобучение и повышение квалификации в старшем возрасте может считаться менее эффективным в силу более короткого периода отдачи

от полученных новых навыков и знаний. Пандемия, ускорившая процессы цифровизации труда, создала в этом плане определенные новые риски и сложности для возрастных работников. Как показывает практика, во многих случаях высокий уровень занятости пожилых работников в отдельных сферах деятельности связан с нехваткой рабочей силы определенного профиля и отсутствием у работодателя достаточно широкого выбора.

Тем не менее во многих странах, которые уже непосредственно столкнулись с проблемами роста численности и доли населения предпенсионного и пенсионного возраста, идут процессы увеличения занятости лиц старших возрастных групп. Для продления периода трудовой активности разрабатываются и применяются нормы антивозрастного законодательства при трудоустройстве, реформируются действующие пенсионные системы, в частности ограничивается возможность раннего выхода на пенсию и повышаются параметры пенсионного возраста, используются определенные льготы для работодателей при трудоустройстве данной категории работников. В 1/2 стран ЕС действуют национальные или отраслевые схемы постепенного ухода на пенсию и гибкой и сокращенной занятости, но пока данные опции либо непонятны, либо недостаточно привлекательны для самих работников и работодателей и поэтому не получили широкого распространения. Доля комбинирующих получение пенсии и частичную или полную занятость во Франции и Италии, например, составляет около 4%, в Испании – менее 1%, более высокие показатели в Скандинавских государствах – 8–10%, в которых в целом выше средних европейских показателей уровень занятости лиц старшего возраста и возраст ухода с рынка труда. В то же время в государствах ОЭСР, по которым есть данные, в среднем 1/4 работников покидает рынок труда по разным причинам, в том числе и по состоянию здоровья, до достижения 60 лет [2. Р. 38]. В 2/3 стран данной группы действуют специальные льготные правила выхода на пенсию для лиц, занятых на опасных и вредных работах.

Ключевым вопросом для реализации политики активного долголетия в части продления трудовой жизни является стимулирование работодателей нанимать и сохранять пожилых работников на так называемых высококачественных рабочих местах. Конкурентоспособность работников определяется их востребованностью на рынке труда, качествами личности, позволяющими соответствовать запросам работодателей, в том числе профессиональными компетенциями, высоким уровнем мотивированности и адаптационным потенциалом. Доля сохраняющих занятость на своих рабочих местах в возрастной группе 60–64 лет в странах ОЭСР составляет только 50% от соответствующих показателей занятых в возрастной категории 55–59 лет, а общий найм лиц в группе 55–64 года колеблется в пределах $\frac{1}{3}$ – $\frac{1}{2}$ от показателей найма работников основного трудоспособного возраста (20–54 года). В ряде стран, в том числе Германии и Франции, в течение года трудоустраиваются не более 5% от соискателей данной возрастной группы [ibid. P. 44]. Нежелание французского населения принять программу повышения пенсионного возраста частично можно объяснить крайне низкой вероятностью трудоустройства лиц предпенсионного возраста в стране.

В развивающихся государствах, где занятость лиц старших возрастов в значительной степени сконцентрирована в неформальном секторе, доля работающих и средний возраст ухода с рынка труда, особенно мужской рабочей силы, изначально высокие, и в настоящее время, по мере развития пенсионного обеспечения, постепенно снижаются, но сохраняются на относительно более высоком уровне по сравнению с основной группой развитых государств. Среди мер привлечения и удержания возрастных работников непосредственно в формальном секторе экономики можно отметить: устранение архаичных правовых и возрастных рамок (в частности обязанность уходить с официального рабочего места при достижении пенсионного возраста); формирование позитивного имиджа возрастных работников; улучшение условий трудовой деятельности и адаптирование их для лиц

старших возрастов; включение возрастных работников в процессы обучения и переквалификации. Косвенным стимулом нанимать и сохранять на рабочих местах возрастных работников могут служить различные льготы, в частности, более низкие страховые взносы. Например, в Малайзии размер социальных страховых взносов для работодателей составляет 13% заработной платы работников, для сотрудников старше 60 лет этот уровень снижается до 4% (сами работники данного возраста с 2019 г. не обязаны делать страховые взносы, но могут страховаться добровольно). Однако пока стремление пожилых граждан продолжить трудовую деятельность остается их личной проблемой, в решении которой они не могут рассчитывать на серьезную поддержку социальных институтов. Кроме того, в государствах со средним уровнем развития, даже ориентированных на инновационную экономику, вопросам повышения квалификации и переобучения на рабочем месте и инвестирования в защиту занятости пока уделяется минимум внимания, фирмы предпочитают «покупать» навыки, а не инвестировать в обучение персонала, особенно возрастного. Например, в странах Азии на образование расходуется менее 1% ВВП (для сравнения: в ОЭСР – 4%) [4. Р. 13]. А высокие темпы развития цифровизации по отдельным направлениям не исключают сохранения больших секторов низкооплачиваемого, архаичного ручного труда, в которые вытесняются лица старших возрастных групп.

Хотя календарный возраст является недостаточно точным инструментом для определения статуса здоровья и модели трудового поведения, социальная политика в отношении возрастного населения продолжает строиться на стереотипах, пожилые разделяются на группы: предпенсионного возраста, раннего и позднего пенсионного возраста. Учитывая разнонаправленные современные тенденции на рынке труда (увеличение длительности образования молодежи, различия в статусе здоровья, возможность раннего ухода с рынка труда и др.), показатели демографической нагрузки – соотношение лиц основного трудоспособного возраста 20–64 года

и граждан более старшего возраста — целесообразно дополнять показателями, учитывающими параметры эффективной занятости населения трудоспособного и старше трудоспособного возраста. По данным на 2020 г., в Европе соотношение «чистых» потребителей в возрасте 65 лет и старше и 100 «чистых» производителей (т. е. работающих) всех возрастов составляло 42 чел., в Азии — 20, в Латинской Америке — 18 чел. [17. Р. 28]. Для более углубленной оценки степени демографической нагрузки и перспектив состояния системы пенсионного обеспечения используется целый ряд дополнительных показателей, например, соотношение лиц вне рынка труда всех возрастных категорий и занятой рабочей силы, продуктивной занятости, учитывающие степень полноты использования трудового потенциала или коэффициент зависимости с учетом уязвимой занятости, которая по классификации МОТ включает самозанятых и неоплачиваемых работников семейных предприятий, как правило не охваченных системой обязательного социального страхования. В развивающихся государствах доля уязвимой компоненты занятости в коэффициенте зависимости составляет $\frac{1}{3}$ и более, в странах с формирующимися рынками — около $\frac{1}{4}$ [14. Рр. 19–30].

В то же время пока практически не учитывается вклад возрастного населения в повышение общественного благосостояния через различные формы неоплачиваемой помощи родственникам, друзьям, соседям. Доля бабушек и дедушек, ухаживающих за внуками, составляет в разных странах Европы от 40 до почти 60%, в том числе часть из них оказывают данную помощь на ежедневной основе. Лица предпенсионного и раннего пенсионного возраста формируют основной контингент помощников для своих более пожилых родственников и знакомых, утративших способности к самообслуживанию. В среднем в ОЭСР $\frac{1}{3}$ лиц в возрастной группе 50 лет и старше оказывает материальную поддержку своим более молодым родственникам, а получают ее не более 5–10%. В отношении затрат времени между представителями разных возрастных групп ситуация более сбалан-

сированная: в среднем разного рода помощь и поддержку родственникам оказывает $\frac{1}{2}$ лиц старшей возрастной группы, в том числе в ряде стран 40–45%, а получают в основном 20–30%. Несколько иная ситуация, прежде всего в плане внутрисемейных материальных трансфертов, отмечается в азиатских и латиноамериканских государствах: в Корею, например, более 40% пожилых получают денежную помощь от детей, в свою очередь помогают в воспитании и уходе за внуками – 30% возрастных корейцев, а получают услуги родственного ухода – 18% пожилых граждан страны [18].

Определенным косвенным индикатором степени вовлечения пожилого населения в приносящую доходы трудовую деятельность и одновременно качества систем пенсионного обеспечения могут служить показатели структуры финансирования расходов граждан старших возрастных групп. Источниками финансирования расходов являются работа, накопления и различные активы, общественные и частные трансферты. В развитых странах в возрастной группе 65–69 лет общественные трансферты, главным образом государственные и профессиональные пенсии, покрывают 70–75% расходов пенсионеров, доходы от занятости 15–20%, оставшаяся часть приходится на аккумулированные активы и индивидуальные трансферты, в группе 70–74-летних доля пенсий повышается до более чем 80%. В развивающихся государствах, по очень усредненным расчетам экспертов МОТ, в первой возрастной группе доходы от собственной занятости покрывают не менее 58–60% расходов, пенсии и иные общественные трансферты – 25–28%, частные, главным образом, семейные трансферты – около 10%; для лиц старше 70 лет доля пенсий и социальной помощи повышается до 35%, частных трансфертов – до 15–17%, а трудовых заработков сокращается до 40% [17. Р. 61]. При этом, конечно, существует очень большая разница между странами, в том числе имеющими приблизительно одинаковый уровень экономического развития и находящимися на одной стадии демографического перехода. В силу разных моделей пенсионного и социального

обеспечения, даже в условиях крайне высокой дифференциации, в Бразилии существенно лучше средние показатели материального обеспечения пожилых, чем в Мексике (расходы на социальную защиту пожилых без учета расходов на медицину составляют в Бразилии 9,6% ВВП, в Мексике – 1,7%, с учетом медицинских расходов соответственно 18,3 и 12%), а охват пенсионным обеспечением пожилого населения достигает соответственно 78 и 25% [16. Р. 19]. Помимо возможностей пенсионных систем определяющими факторами, от которых зависит выстраивание жизненных стратегий и материальное положение в пожилом возрасте, являются состояние здоровья и доступ к медицинскому и долговременному обслуживанию и уходу: первичной медико-санитарной, специализированной и реабилитационной помощи, лекарственному обеспечению. Показателями серьезных ограничений доступности медицинских услуг могут служить высокие расходы на соплатежи и «выплаты из кармана» в структуре финансирования здравоохранения. В быстро стареющих государствах Восточной Азии, за исключением Японии и Кореи, расходы на медицину составляют в основном 4–5,5% ВВП, но 45–50% и больше в них это доля расходов средств пациентов [24. Р. 51]. В государствах Латинской Америки на здравоохранение в среднем идет 8,5% ВВП, но около 1/3 этих расходов обеспечивают «платежи из кармана». Согласно обследованиям, проведенным в 22 странах латиноамериканского региона, 12,7% населения оказалось в состоянии бедности из-за необходимости оплачивать медицинские расходы. В Бразилии, например, эта доля составила 20% [15. Рр. 146, 152].

Высокие темпы старения населения и увеличение продолжительности жизни лиц старших возрастов закономерно ставят вопрос о росте потребностей в дорогостоящем в силу своей длительности и разноплановости долговременном уходе. Надежной информации об общем количестве нуждающихся в посторонней поддержке и доле ее получающих из формальных источников немного, и она носит в основном оценочный характер. Но не вызывает сомнений, что с возрастом распро-

страненность функциональных ограничений возрастает. Если в возрастной группе 63–67 лет доля нуждающихся в постоянном социальном уходе колеблется по странам в пределах 7–20%, то среди лиц 78–82 года о серьезных ограничениях в жизнедеятельности заявляют уже 35–42%. Общие расходы, включающие бюджетное финансирование или средства обязательного страхования на долговременный уход, в разных странах колеблются в диапазоне от менее чем 0,1% ВВП до максимум 3–4% ВВП (в странах с так называемыми универсальными моделями долговременного обслуживания) [7. Р. 19]. В большинстве случаев основная часть расходов остается скрытой и осуществляется в рамках межпоколенной семейной солидарности. Для населения уровень доступности услуг медико-социального ухода определится как степень развития инфраструктуры обслуживания, так и экономическими показателями – размерами тарифов и соплатежей на услуги в соотношении с размерами доходов получателей. Как показывают данные обследований доходов и расходов домашних хозяйств экономически развитых стран, полная стоимость ограниченного пакета услуг (10 часов в неделю) в среднем составляет 60% располагаемых доходов пенсионеров, при большем объеме необходимой помощи эти расходы могут превышать располагаемые доходы. В государствах со средним и ниже среднего уровнями развития традиционными являются родственная помощь и услуги серого рынка, формальный уход предоставляется в государственных и некоммерческих стационарных учреждениях главным образом одиноким лицам с наиболее низкими доходами и высоким уровнем зависимости.

Сложным и не имеющим пока однозначного решения остается вопрос, что является более эффективным: объединение медицинского обслуживания и долговременного ухода или их организационное и финансовое разделение. Задачи разработки стратегий активного старения, меры по сохранению здоровья на протяжении жизни, поддерживающая терапия в старших возрастах должны способствовать стабилизации и снижению спроса на услуги долговременного

ухода. Одним из основных ограничителей возможностей и потенциала активного долголетия в среднеразвитых странах является недостаточный уровень доступности медицинских услуг, в том числе высокая доля личных расходов в общих расходах на здравоохранение.

В РФ, по результатам Комплексного обследования условий жизни (КОУЖ), значительные ограничения в повседневной жизнедеятельности из-за проблем со здоровьем в течение полугода в возрастной группе 75–79 лет отмечали 29,5%, в группе 80–84 года 42,4%, в более старших возрастах уже почти 60%. А получали какие-либо социальные услуги, по данным выборочного наблюдения качества и доступности услуг в сферах образования, здравоохранения, социального обслуживания и содействия занятости (КДУ), 3,6% граждан старше трудоспособного возраста.

С 2018 г. в стране в рамках Федерального проекта «Старшее поколение» Национальной программы «Демография» осуществляется формирование системы долговременного ухода за гражданами пожилого возраста и инвалидами, нуждающимися в помощи, включающей поддержку семейного ухода, социальное обслуживание и медицинскую помощь на дому, в учреждениях дневного обслуживания и стационарах, привлечение службы патронажа. Приоритет отдается надомной и полустационарной формам обслуживания. В настоящее время на повестке дня в данной сфере стоят задачи внедрения типовой модели, унификации принципов признания нуждающимся, правил составления индивидуальных программ, определения объема и номенклатуры услуг, предоставляемых в рамках бесплатного социального пакета (до 28 часов в неделю). Планируется организация института региональных сервисных уполномоченных и службы социального координатора, основной задачей которых должно стать облегчение взаимодействия нуждающихся в поддержке граждан с социальными службами в ряде критических жизненных ситуаций, включая и ухудшение здоровья, и утрату способности к самообслуживанию.

Материальное благосостояние лиц старших возрастов и системы пенсионного обеспечения

Одной из основных составляющих активного долголетия является обеспечение безопасной жизнедеятельности, прежде всего ее материальной составляющей, отсутствие риска бедности и серьезных лишений. Современный подход к оценке бедности и материальной уязвимости как относительных, многоаспектных и изменяемых во времени явлений предполагает учет не только текущих доходов, но и уровня жизни и ресурсообеспеченности семей. Большинство оценок основывается на обследовании домашних хозяйств, данные по которым для многих развивающихся государств оказываются недоступны или мало сопоставимы. По предварительным обобщенным оценкам относительной бедности в 49 государствах (из которых 20 относятся к категории средне-развитых, не входящих в группу ОЭСР), которые используются ООН, пожилые граждане чаще оказываются в положении относительной бедности, чем другие возрастные группы, за исключением детей (0–14 лет). В развитых странах доля относительной бедности среди лиц старше 65 лет составляет более 11%, в развивающихся — около 23% [17. Р. 83]. При этом в отличие от детей и молодежи, которые могут формировать группу плавающей бедности, для пожилых часто характерна хроническая, многолетняя бедность с накоплением дефицита доходов и формированием особого образа жизни. Исключительно важную роль в повышении благосостояния и снижении монетарной бедности пожилого населения играет принятая в странах модель пенсионного обеспечения. Благодаря действующим системам социальной защиты относительная бедность пожилого населения в Бразилии ниже, чем в успешной в экономическом плане Корее [3]. В развитых странах высокая бедность пожилого населения (более 20%) отмечается там, где государство относительно мало расходует на пенсии, например, в Австралии и США (3,9% ВВП, при среднем показателе в странах ОЭСР — 7,7%). А в государствах

Южной Европы с обширными и постоянно критикуемыми международными финансовыми организациями распределительными системами доля бедных среди пожилых ниже, чем среди трудоспособного населения.

В развивающихся странах пенсионное страхование получило наиболее широкое распространение по сравнению с другими видами социальной защиты² [9. Р. 22], но перед многими национальными пенсионными системами стоят задачи обеспечения адекватного уровня выплат. Размер нестраховых базовых и социальных пенсий, например, в странах Юго-Восточной Азии (Индонезия, Таиланд, Филиппины, Вьетнам), которые получает основная часть пенсионеров, не достигает международных границ бедности (1,9 долл. в день) [24. Р. 46]. В целом неравенство и бедность среди пожилых в развивающихся странах больше, чем среди населения трудоспособного возраста, в развитых ситуация чаще всего противоположная. Данные различия связаны не только размерами и моделями пенсионного обеспечения, но и с такими факторами, как разница в уровне жизни, степени развития социальных институтов и инфраструктуры, в том числе институтов пенсионного накопления. В западной практике распространенность систем коллективного и индивидуального частного пенсионного страхования зависит в значительной степени от условий государственных пенсионных программ: чем ниже относительный уровень обязательного государственного пенсионного страхования, тем большую роль могут играть частные и дополнительные пенсионные программы. Для государств с формирующимися рынками ограничителями принятия сберегательной модели потребления и развития пенсионного страхования и накопления выступают невысокий уровень доходов работающей части населения, преобладание в структуре расходов обязательных позиций и отчасти низкая эффективность действующих институтов накопления.

-
2. В среднем по миру какой-либо вид пенсии получает 68% лиц пенсионного возраста, пособия по материнству – около 41% женщин, по безработице – 22%, по инвалидности – 28%.

В развитых странах при значительно более высоком среднем уровне доходов и современной системе финансовых институтов накопления на старость делают 46% взрослого населения, в средне- и слаборазвитых – около 16% [17. Р. 83].

Если для наиболее богатой части мира основные задачи реформирования пенсионных систем в настоящее время сконцентрированы на достижении финансовой сбалансированности пенсионных систем, для чего повышается пенсионный возраст, вводятся программы автоматической корректировки параметров пенсионных систем от роста продолжительности жизни и финансовых показателей действующих пенсионных институтов, то для многих государств с формирующимися рынками – на увеличении охвата пенсионным страхованием работающего населения, выборе модели и источников финансирования программ. В Латинской Америке в силу широкого распространения неформальной занятости и невысокого уровня материального благосостояния широких слоев трудоспособного населения в схемы пенсионного страхования включено 47% экономически активного населения, а в Южной Азии – 26% [22. Р. 170]. Что касается моделей пенсионного обеспечения, то в развивающихся государствах и странах с формирующимися рынками действуют различные – от традиционных солидарных схем, охватывающих преимущественно работников формального сектора, до схем индивидуальных накопительных счетов и сложных многоуровневых конструкций с разными формами участия, методами финансирования и учета пенсионных прав для привлечения различных категорий работников.

Важным вопросом для всех групп стран становится направление развития пенсионных систем, в том числе принятие принципиального решения в отношении пенсионных взносов: являются ли они своеобразным налогом на труд или формируют часть добавленной стоимости (стоимости рабочей силы), как соотносится ответственность за материальное благосостояние пожилых граждан государства и самих индивидов и что в большей степени соответствует современным

тенденциям социально-экономического развития — обязательные страховые системы со значительными перераспределительными компонентами или скромные адресные программы, рассчитанные на обеспечение минимальных нужд и разнообразные схемы квазиобязательного и добровольного пенсионного страхования.

В наиболее распространенных в мире схемах с установленными выплатами основой для расчета пенсий служит уровень заработной платы, в большинстве случаев до установленного лимита, в течение фиксированного или всего периода работы, на основании которого предоставляется гарантия определенного уровня выплат на пенсии. Альтернативой традиционным распределительным системам выступают накопительные схемы с индивидуальными пенсионными счетами, в том числе такая их разновидность, как гибридные формы накопления на пенсии и текущие нужды с государственным или частным управлением. Накопительные схемы, особенно их добровольный формат, считаются менее уязвимыми по отношению к негативному демографическому давлению, но одновременно инвестиционные, инфляционные и иные риски в этих моделях в значительной степени перекладываются на граждан. Коренными проблемами накопительных индивидуальных счетов являются отход от принципов объединения рисков и перераспределения в процессе страхования и увеличение неравенства. Что касается замены страховых схем на схемы базовых пенсий и пенсий с оценкой нуждаемости, то данные механизмы оставляют многих пожилых — а в развивающихся странах это «потерянная середина», состоящая из различных категорий самозанятых и работников неформального сектора — без минимальных гарантий или с гарантиями, не обеспечивающими минимального уровня жизнеобеспечения. Еще один вариант — формирование многоуровневых систем, включающих распределительные и накопительные, страховые и нестраховые компоненты в разных соотношениях.

Наиболее глубокие пенсионные реформы, касающиеся как модели финансирования, так и роли государства

в пенсионном обеспечении, которые отражали стремление государств со средним уровнем развития найти, как предполагалось, наиболее эффективные модели пенсионного обеспечения, одновременно стимулирующие экономическое развитие, происходили в период с 1981 по 2014 г. в ряде государств Латинской Америки, Восточной Европы и Центральной Азии. Они предполагали замену распределительного механизма, осуществляемого госструктурами, на схемы с обязательным накоплением под частным управлением. В большинстве случаев политика пенсионной приватизации не оправдала возлагавшихся на нее надежд в отношении ни размеров пенсионного обеспечения, ни влияния на экономический рост. К 2018 г. 15 стран пересмотрели свои программы пенсионной приватизации полностью или частично. Более предпочтительным вариантом оказалось использование накопительных компонентов как части более широкой системы одновременно с традиционными распределительными схемами с установленными выплатами.

Среди государств, которые изменили направление пенсионных реформ, была и РФ, приостановившая с 2014 г. действие схемы обязательного накопления. За 12-летний период ее действия и последующие годы, когда индивидуальные накопительные счета могли пополняться только за счет получения инвестиционных доходов от размещения ранее полученных средств, средняя сумма накоплений составила 70–80 тыс. руб.; и для большинства будущих пенсионеров расчетная месячная накопительная пенсия составит не более 5% от суммы его страховой пенсии. Немало вопросов существует и к реализации параметрических реформ в стране. Действующая модель пенсионной системы смещена в сторону пенсионного обеспечения, крайне слабо прослеживается связь между размерами пенсий и величиной трудового вклада.

Поэтапное повышение пенсионного возраста в текущем периоде способствовало увеличению среднего возраста ухода с рынка труда и решению части проблем пенсионной системы. При этом верхняя граница трудоспособного воз-

раста является достаточно условной: с одной стороны, сохраняется большое число льготных категорий, которые могут покидать рынок труда раньше наступления установленного пенсионного возраста, с другой — сохраняется и существенная доля продолжающих официально работать лиц пенсионного возраста, хотя она неуклонно снижается в силу заморозки нормальной индексации их пенсий. Много лет обсуждались различные варианты программ долгосрочных сбережений граждан с государственным софинансированием. Новая программа включает увеличенные суммы государственного софинансирования добровольных сбережений, налоговые вычеты и двухкратное увеличение (до 2,8 млн руб.) по сравнению с депозитами размеров застрахованной суммы пенсионных накоплений.

Изменение условий договора поколений и проблема межпоколенного равенства

Расширение практики использования обязательных, квазиобязательных и добровольных пенсионных накоплений обычно связывается со стремлением повысить стабильность пенсионных систем в долгосрочной перспективе и снизить межпоколенное неравенство в финансировании пенсионных систем, связанное с различной численностью поколений работающих и пенсионеров. Согласно оценкам МВФ, накопленный дефицит пенсионных систем в странах ЕС за период 2000–2020 гг. в среднем составил около 50% ВВП, современные пенсионеры в этих странах получают пенсии, более чем в два раза превышающие объем сделанных ими и их работодателями взносов, что несет серьезную угрозу устойчивости пенсионных систем [11. Р. 52]. В целях повышения финансовой устойчивости и распределительных, и смешанных пенсионных систем (с распределительными и накопительными элементами) как раз и увеличивается пенсионный возраст, ограничиваются возможности раннего ухода с рынка труда, вводятся различные механизмы автоматической корректировки пенсионного возраста и других пенсионных пара-

метров, включая размеры взносов и получаемых пенсий от увеличения продолжительности жизни и текущего (а в ряде случаев и перспективного) состояния пенсионных фондов.

Так, автоматическая корректировка, которая используется почти в $\frac{2}{3}$ стран ОЭСР, согласно официальным установкам, является более транспарентным и справедливым с точки зрения межпоколенного равенства механизмом защиты пенсионных систем от непредсказуемых изменений, инструментом достижения средне- и долгосрочных целей сохранения финансовой стабильности при смене политических курсов. В качестве схем корректировки применяется изменение условий назначения пенсий в зависимости от увеличения продолжительности жизни; сокращение текущих и будущих пенсий; изменение или заморозка индексаций пенсионных выплат; повышение размеров страховых взносов при ухудшении соотношения их плательщиков и получателей пенсий или снижении размеров резервных фондов пенсионных систем. Степень использования данных механизмов разная, наиболее далеко продвинулись в процессе введения автоматической корректировки пенсионных параметров в соответствии с изменением продолжительности жизни и механизмом обеспечения платежеспособности Скандинавские страны. Данные инструменты способны частично снять проблему распределения рисков и ресурсов между разными поколениями плательщиков взносов и пенсионеров, но не решают задачи сбалансированного перераспределения этих рисков между различными социально-демографическими группами (гендерными, возрастными, с разным уровнем доходов и профессиональным статусом).

Хотя схемы автоматической корректировки пенсионного возраста и отдельных параметров пенсионных систем теоретически позиционируются как нейтральные, на практике с распределительной точки зрения таковыми они не являются: лица с более низкими доходами имеют меньше шансов увеличения продолжительности жизни и более длительного периода получения пенсии. Продолжительность

жизни мужчин старших возрастных групп, относящихся к нижней по доходам квинтильной группе (20% населения), в среднем в странах, входящих в ОЭСР, на 3 года меньше, чем в высшей, существенно ниже и общий объем получаемой пенсии [20. Р. 95], для женщин эти различия меньше, но в целом для них выше риски бедности и социальной изоляции.

Уровень бедности в пожилом возрасте для женщин выше в силу более низкой занятости и заработной платы на формальном рынке труда, более короткой карьеры и высокой вероятности необходимости в услугах долговременного ухода, чем в среднем у пожилых мужчин. Разница в заработной плате и занятости мужской и женской рабочей силы сокращается, но крайне медленными темпами. По оценкам МОТ, в формальной экономике заработная плата женщин составляет в среднем 79% от мужской, в неформальном секторе этот показатель понижается до 47% [13. Р. 96]. Средний уровень занятости женщин в ОЭСР на 10% ниже, чем у мужской рабочей силы, но если учитывать неполную занятость, то эта разница составит уже 20%. Для государств со средним уровнем развития нормальными считаются очень значительные колебания в уровне женской занятости в зависимости от полученного образования. В Бразилии и Индонезии для женщин со средним и ниже среднего образования разница в занятости на формальном рынке труда по сравнению с мужчинами составляет около 30%, с высшим – 11–13% [18].

Для улучшения положения пожилых женщин исключительно важно существенное повышение их экономической безопасности в течение всей трудовой жизни (учет периода рождения и ухода за детьми при определении уровня пенсий, возможность сохранения рабочего места и переобучения после вынужденного перерыва). Страховые системы высоко-развитых и, в основном, среднеразвитых стран, как правило, начисляют взносы или, по крайней мере, учитывают отпуск при рождении при определении страхового стажа, если у женщины есть право на получение пособий по уходу. Но, например, категория самозанятой женской рабочей силы,

доля которой в целом в мире, по оценкам МОТ, составляет 30%, не пользуется такими же льготами по материнству, как наемные работницы, в основном они могут страховать данные риски самостоятельно. Ограниченное распространение, главным образом, в европейских странах, имеет дополнительный частично оплачиваемый или неоплачиваемый отпуск по уходу, который также учитывается в определенных пределах при расчете пенсионного стажа. В большинстве других регионов, в том числе (за редким исключением) в Восточной и Южной Азии и Латинской Америке, такой опции не предусмотрено. В РФ в настоящее время в рамках политики усиления внимания к вопросам демографии предусмотрен учет при расчете пенсионного стажа для застрахованных лиц ряда нестраховых периодов, в том числе периода ухода за ребенком в зависимости от очередности рождения: за первого ребенка – 1,8 балла, второго – 3,6 балла, за третьего и четвертого – 5,4 балла, но учитывается не более 6 лет. С 2023 г. система обязательного социального страхования на случай болезни, рождения ребенка, ухода за больным ребенком распространяется на работающих по гражданско-правовым договорам.

Комбинация реформ, нацеленных на повышение финансовой устойчивости пенсионных систем в условиях старения населения, в большей степени отразится не на современных, а на будущих поколениях пенсионеров. В европейских странах, где процессы реформирования идут уже длительное время, такой широко используемый показатель, как теоретический процент замещения пенсией трудовых доходов для работника со средней заработной платой и непрерывной 40-летней трудовой карьерой, снизится в среднем к 2050 г. с 42 до 36%, в отдельных странах, например, в Италии, Португалии, Польше это снижение составит 25–30% [19. P. 68].

Будущие когорты пожилых с большой вероятностью столкнутся с более высоким неравенством в пожилом возрасте и в силу растущей доходной дифференциации и экономической нестабильности, которые наблюдаются и в разви-

тых, и в развивающихся государствах. Для современного этапа развития характерным становится изменение ряда позиций проявления неравенства, сокращение разрыва в базовых условиях жизни, уменьшение нищеты, голода, инфекционных болезней, расширение доступа к базовым технологиям начального уровня и одновременно углубление неравенства расширенных возможностей, включая варианты постоянного совершенствования квалификации для сохранения конкурентоспособности и возможности занятия высококачественных рабочих мест, доступности современных технологий в сфере услуг и медицинского обслуживания, повышения качества жизни в старшем возрасте. Потребности современного рынка труда предполагают необходимость существенных инвестиций в образование и переподготовку на каждом жизненном этапе, начиная с самого раннего. В странах ОЭСР, где вопросам обучения детей с самого раннего возраста в основном уделяется большое внимание, доля детей, которые обучались до поступления в школу, в среднем составляла, согласно опросам, 30% для нижней квартильной группы домашних хозяйств (25%), для наиболее обеспеченных 25% домашних хозяйств — 60% [23. Р. 44]. Национальные системы дошкольного образования действуют в 105 странах, и не только в наиболее развитых, например, в КНР, большинстве государств Латинской Америки, но их нет в США и Канаде. В латиноамериканских странах в одних случаях система ухода за детьми носит универсальный характер (Бразилия, Мексика), в других — адресный, т.е. бесплатный или льготный уход возможен только для наиболее уязвимых групп (Чили, Перу). Платный уход и обучение детей младше школьного возраста, с одной стороны, ограничивают возможности женщин возвращаться на рынок труда [5. Р. 216], а с другой — отсутствие такой подготовки косвенно может негативно сказываться на формировании когнитивных способностей детей.

Улучшение результатов общего и специального образования не обязательно связано с уровнем общественных расходов на обучение, но более высокие их показатели в основном

ассоциируются с большей межпоколенной мобильностью в данной сфере. Уровень образования детей, как правило, превышает уровень образования родителей, в странах G-20, например, на 1,5–2 года в среднем. Но в государствах с формирующимися рынками и в развивающихся странах, входящих в данную группу, в силу меньшей длительности обучения и доли учащихся средней школы длительность получения образования в среднем ниже на 3,5–5,5 лет, чем в развитых государствах. Уровень функциональной неграмотности³, по оценкам МВФ и ВБ, в Мексике, Бразилии, Аргентине составляет 40–45%, странах Европы и США – менее 10% [6. Р. 11].

В возрастной группе 15–24 года наиболее проблемной категорией считаются не занятые учебой и не работающие молодые люди, что ведет к значительному сокращению возможностей для увеличения человеческого потенциала и маргинализации в будущем. Доля этой категории среди молодежи составляет в среднем 23,5%. Большие региональные различия в относительной численности этой проблемной группы связаны в основном с долей в ней девушек (в Восточной Азии, например этот показатель составляет 15,6% от общей численности молодежи до 24 лет, и нет существенной разницы между девушками и молодыми людьми, а в Южной Азии – 31,7%, в том числе среди девушек – 49,5%) [28. Р. 31]. Если для молодых людей присутствие в данной группе определяется недостатком рабочих мест, то для девушек – это структурные барьеры и в сфере образования, и на рынке труда [12. Р. 40].

Кроме роста уровня образования и повышения мобильности в данной сфере важными условиями снижения неравенства и экономической нестабильности у следующих когорт молодых и взрослых работников и, соответственно, перспектив их пенсионного обеспечения являются преодоление кризиса занятости, сокращение дефицита качественных рабочих мест, дающих доступ к социальной защите и трудовым правам. Работа полное рабочее время, дающее доступ к социальной

3. Отсутствие умения читать и понимать простой текст в 10-летнем возрасте.

защите и широким трудовым правам, перестает быть нормой даже в развитых странах В настоящее время около трети европейской рабочей силы – это нетипичные работники, доля бедных⁴ среди которых в два раза превышает долю работающих бедных среди занятых полное рабочее время (по данным на 2018 г. соответственно 15,8 и 7,6%), для лиц с временными контактами эта доля в 3 раза выше, чем для работников с бессрочными трудовыми договорами (соответственно 16,2 и 6%), как и для самозанятых (21,6 и 7,6%) [25. Рр. 133–134]. В категорию работающих бедных часто попадают лица с низкой (менее 30–35 часов в неделю) и особенно с очень низкой занятостью (менее 15–20 часов в неделю), среди самозанятых первая категория составляет 27%, вторая – более 11% (у наемных работников соответственно 15 и 4,8%) [27. Рр. 24, 27]. Тенденции расширения сегмента неустойчивой и низкооплачиваемой занятости несут в себе серьезные риски размывания человеческого потенциала, включая потери здоровья и ограничения для профессионального роста из-за отсутствия доступа к программам повышения квалификации, что с высокой степенью вероятности может негативно отразиться на материальном положении в преклонном возрасте.

Не везде технологический прогресс существенным образом влияет на рынок труда, порождая новые риски и трудности для участников. Пока, например, в странах Восточной Европы и Юго-Восточной Азии вклад данного прогресса носит ограниченный характер и нет явных проявлений поляризации рынка труда. Тем не менее наряду с сохранением больших сегментов неформальной занятости благодаря современным технологиям для работодателей становятся все более доступными и выгодными новые формы нерегулярной, частичной, временной занятости, включая трудовые договоры с нулевым или минимальным количеством рабочих часов, договоры по вызову и на формальном рынке труда.

4. К категории работающих бедных, согласно определению ЕС, относятся лица, работающие в течение более 6 месяцев до обследования, в возрасте 18–64 лет, которые живут в семьях, где душевой скорректированный располагаемый доход ниже 60% национального медианного дохода.

Большинство как традиционных, так и новых групп самозанятых считаются проблемной категорией для системы пенсионного страхования в ее современном виде. При этом доля самозанятых в экономически развитых странах колеблется в пределах 10% (Германия) – 23% (Италия), в странах среднего уровня развития она, как правило, выше – от 20–30% (КНР, Бразилия) до 40% (Индонезия) и более 70% (Индия) [10. Р. 5]. Система социального страхования в основном нацелена на взаимоотношения социальных партнеров (работника и работодателя), и ее сложно подстроить под самозанятых, например, в силу необходимости выплачивать двойной взнос, нерегулярности получаемых доходов. Там, где самозанятые имеют доступ к социальной защите, она часто носит добровольный характер, и это усиливает вероятность включения в страховые схемы только тех, кто в ней в наибольшей степени нуждается.

В ОЭСР, например, действуют как системы, обязывающие участвовать в пенсионном страховании самозанятых на тех же условиях, что и наемных работников, так и схемы, предполагающие более низкие взносы, внесение фиксированных платежей или не предусматривающие обязательного страхования для первой категории работников. В странах этой группы, где самозанятые участвуют в страховании только на добровольной основе, уровень пенсий низкий и обычно ограничивается обязательными базовыми пенсиями: для работников с полной карьерой не более 40% от уровня пенсии наемного работника с аналогичным стажем и уровнем доходов (в Японии и Мексике, например, 32–34%). Относительно низкие пенсии для самозанятых и в странах, использующих фиксированные платежи [20. Р. 164]. В развивающихся государствах большинство категорий как традиционных, так и новых самозанятых не пользуются доступной им опцией добровольного страхования, предпочитая повышение своего текущего дохода.

Среди возможных направлений решения задачи привлечения самозанятых в систему страхования в государствах

со средним уровнем развития – снижение или ликвидация требований к размерам доходов, отработанным часам, величине минимальных взносов с целью охвата наиболее широких категорий работающих; применение широких шкал взносов в соответствии с получаемыми или предполагаемыми доходами (данная практика используется, например, в Бразилии и Южной Корее) или выплат в фиксированном размере (КНР); субсидирование уплаты взносов низкодоходными группами и др.

Аналогичные проблемы стоят и перед российской пенсионной системой, где численность самозанятых, по самым скромным оценкам, составляет не менее 6–7 млн чел. С 2020 г. самозанятые могут добровольно присоединиться к балльной программе пенсионного страхования и самостоятельно уплачивать взносы, размер которых колеблется от 36669 до 293356 руб. в год с начислением баллов от 1,06 до 8,5, но участие данной группы работающего населения в программе минимально, они в основном рассчитывают на получение социальной пенсии, которая назначается вне зависимости от участия в страховании.

* * *

Ускорение процессов старения населения неизбежно вызывает необходимость адаптации экономической и социальной сфер к новой демографической реальности, постепенной перенастройке общего уклада жизни социума. Получившая в последние годы широкое распространение в мире Концепция активного долголетия призывает рассматривать пожилых граждан не как обузу, а как трудовой и социальный ресурс. Непрерывное устойчивое развитие современного стареющего общества не может происходить, с одной стороны, без мобилизации имеющегося у пожилых потенциала трудовой и социальной активности, а с другой – обеспечения условий для продолжения их продуктивной и независимой жизни. Такое обеспечение включает не только наличие эффективной пенсионной системы и развитой

системы медико-социальной помощи пожилым, но и использование более широкого подхода. Образование, полученное как в начальный период, так и в течение всей трудовой жизни, доступ к медицинским услугам, сформированные социальные связи — все эти факторы влияют на формирование условий жизнедеятельности в пожилом возрасте. Уязвимое положение объясняется накопленными на протяжении жизни факторами риска, которые в полной мере не могут быть полностью скорректированы мерами адресной социальной защиты пожилых. Высокий уровень доходов, постоянное совершенствование уровня своих знаний и компетенций в трудоспособном возрасте, продление трудовой жизни способствуют накоплению экономических и социальных ресурсов, которые могут быть использованы в период окончательного ухода с рынка труда [1. С. 69].

В условиях современных демографических и социально-экономических трансформаций важное место занимают и вопросы реформирования пенсионных систем, выбора распределительных, накопительных методов финансирования или их сочетания, солидарного или индивидуального учета пенсионных прав. Дальнейшее движение российской пенсионной системы в направлении социального обеспечения, а не страхования, нельзя считать оптимальным ответом на текущие вызовы. В большей степени современным реалиям отвечают страховые модели, основанные на принципах солидарности, но с установлением зависимости размеров пенсий от стажа и заработной платы. Возможно формирование отдельных пенсионных схем для растущего сегмента самозанятых и работников, охваченных новыми формами занятости, которые на данном этапе фактически не участвуют в финансировании системы пенсионного страхования. Но при всей важности реформ в данной сфере задачи увеличения охвата пенсионным страхованием и достижения адекватного уровня пенсий лежат в сфере расширения возможностей занятости и укрепления институтов рынка труда, включая переход от неформальной к формальной занятости, повышение уровня

оплаты труда. Высокая вероятность столкнуться с более значительным неравенством в пожилом возрасте для будущих пенсионеров связывается с ростом доходного неравенства во всех возрастных когортах, увеличением нестабильности на рынках труда и расширением нестандартных форм занятости, при которых социальная защищенность зависит от собственных финансовых решений работников. Как показывает мировая практика, большинство самозанятых не пользуются опцией добровольного страхования и отказываются от социальных гарантий в пользу повышения текущих доходов.

Серьезную проблему для обеспечения безопасной и достойной жизни в пожилом возрасте создает зависимость от постороннего ухода. В РФ система долговременного ухода находится на начальном этапе формирования. В современной ситуации государство вряд ли собирается брать на себя значительную долю расходов на уход за пожилыми, вероятно сохранение адресного и селективного подходов к оказанию такой помощи, расширение сферы как коммерческих, так и волонтерских услуг.

ЛИТЕРАТУРА

1. Шестакова Е.Е. Старение населения и изменение в социальной политике развитых стран // Вопросы теоретической экономики. 2022. №2. С. 60–76.
2. Ageing and employment policies. Working better with age. Paris: OECD publishing, 2019.
3. Barrientos A. Inequalities in income security in later age in Latin America // Pan American Journal of Public Health. 2021. Vol. 454. Pp. 1–6.
4. Campbell D. Working and social protection in Asia and Pacific during the fourth industrial revolution. // ADB Sustainable development working series. 2020. No. 65. Pp. 1–25. <https://dx.doi.org/10.22617/WPS200100-2>
5. Care at work. Investing in care leave and services for a more gender equal world of work. Geneva: ILO, 2022. [https:// doi.org/10.54394/AQOF1491](https://doi.org/10.54394/AQOF1491)

6. *Christiansen L., Narayan A.* (ed.) Enhancing access to opportunities. Washington: IMF, WB, 2020.
7. *Cylus J., Figuera J., Normand Ch.* Will population ageing spell the end of the welfare state? Are view of evidence and policy option. Copenhagen: WHO regional office for Europe, 2019.
8. Decade of healthy ageing. Baseline report. Geneva: WHO, 2020.
9. *Duran-Valverde F., Pacheco-Jimenez J., Muzaffar T., Elizondo-Barboza H.* Financial gaps in social protection. Global estimates and strategies for developing countries in light of the COVID-19 crisis and beyond // ILO Working paper. 2020 October. No. 14. Pp. 1–66.
10. Ensuring better social protection for self-employed workers G20. Geneva: ILO, 2020.
11. *Fouejien A., Kangur A., Martinez S.-R., Soto M.* Pension reforms in Europe. How far have we come and gone? // IMF Departmental papers. September 10, 2021. No. 2021/016. Pp. 1–93.
12. Global employment trends for youth 2022. Investing in transforming futures for young people. Geneva: ILO, 2022. <https://doi.org/10.54394/QSMU1809>
13. Global wage report 2020-2021. Wages and minimum wages in the time of COVID-19. Geneva: ILO, 2020.
14. *Harasty C., Ostermeier M.* Population ageing: alternative measures of dependency and implications for the future of work // ILO Working paper. 2020. No. 5. Pp. 19–30.
15. Health at a glance: Latin America and the Caribbean 2023. Paris: OECD/World Bank, 2023.
16. *Henry C., Golman M.* Old age and income security in middle income countries: comparing the cases // ILO Working papers. 2021. No. 34. Pp. 1–32.
17. Leaving no one behind an ageing world. World Social Report. United Nations publication, 2023.
18. OECD Family database. www.oecd.org/social/family/database. PF1.7: Intergenerational solidarity.
19. Pension adequacy report. Vol. 1. Current and future income adequacy in old age in the EU. Joint report prepared by the Social Protection Committee and European Commission. Brussels: European Commission, 2021. <http://dx.doi.org/10.2767/013455k>

20. Pension at a glance 2021. OECD and G20 indicators. Paris: OECD Publishing, 2021. <https://doi.org/10.1787/ca401ebd-en>
21. *Robine J.-M.* Ageing populations: We are living longer lives, but are we healthier? // Working paper UN DESA. 2021. No. 2. Pp. 1–26.
22. Social protection at the crossroads – in pursuit of better future: World Social Protection report. 2020–2022. ILO. Geneva: ILO, 2021.
23. Starting unequal: how's life for disadvantaged children? // OECD papers on well-being and inequalities. 2022. No. 6. Pp. 1–61.
24. The protection we want. Social outlook for Asia and the Pacific. Bangkok: Economic and social commission for Asia and Pacific, 2021.
25. *Vanbercke B., Spasova S., Fronteddes B.* Social policy in the European Union: state of play. 2020. Facing the pandemic. Brussels: European Commission, 2021.
26. WHO methods and data sources for life tables 1990–2019. Global health estimates technical paper. Geneva: WHO, 2020.
27. Working time and work-life balance around the world. Geneva: ILO, 2022.
28. World employment and social outlook. Trends 2023. Geneva: ILO, 2023. <https://doi.org/10.54394/SNCP1637>
29. *Zaidy A. et al.* Active ageing index. Concept, methodology and final results: Methodology report. Vienna: European Center, 2013.

Редакционно-издательский отдел:

Тел.: +7 (499) 129 0472

e-mail: print@inecon.ru

www.inecon.ru

Научное издание

ВОСПРОИЗВОДСТВО НАЦИОНАЛЬНОГО ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО
ПОТЕНЦИАЛА В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНЫХ ВЫЗОВОВ

Дизайн серии – Валериус В.Е., Ахмеджанова В.А.

Редактор – Ерзнкян М.Д.

Компьютерная верстка – Хацко Н.А.

Подписано в печать 29.12.2023

Заказ № 38. Тираж 300 экз. Объем 14,2 уч.-изд. л.

Отпечатано в ИЭ РАН

ISBN 978-5-9940-0750-1

9 785994 007501